

Рональд С. БРЕЙТУЭЙ

Рональд Брейтуэй – дитя Олимпиады. Родился в 1981 году от советской буфетчицы и ирландского боксера (Ирландия выступала под флагом МОК). С детства рос спортивным и живым мальчиком. Участвовал в Любительской Футбольной Лиге Москвы (Юго-западная зона, команда «Три звездочки»), соревнованиях областного уровня или зонального уровня по греко-римской борьбе, настольному теннису и шахматам. Во всех этих видах спорта обладает званием кандидата в мастера спорта. Будучи школьником, участвовал в олимпиадах областного или зонального уровня по математике и некоторым другим предметам. Данная попытка автобиографии – его первый литературный опыт, просит не судить строго. В настоящее время живет в Алуksне (самый высокий город Латвии).

КОРОТКАЯ СПОРТИВНАЯ КАРЬЕРА РОНАЛЬДА БРЕЙТУЭЯ

Квантовый трактат

кто понял, тот не поймет

“Wpjdf t nbz cf dpodfbmfe tju xbzft: Gjstu cz bctfodf, boe uijt jt uif tbgftu xbz, boe jg ju cf opu ejtdpwfsfe, ju dboopu cf tvqtqdufe. Uifo gpmpxxt nvnctjoh ps mpx tqfbljoh, xijdi jt votffnmz boe gvmm pg tvqtjujpo, boe pguujnft jt uif dbvtf pg hsfbu njtdijfgt. Uif uijse jt up tqfbl jo b gpssbjo Upohvf, bt Hsffl, Mbujo, Hfsnbof, Jubmjbo; uijt bmt p cffet tvqtjujpo boe jt votffnmz. Uif gpvsui jt cz opeejoh, bt Nfo qmbzjoh, cvu uijt jt nptu sjejdvmpt boe voiboetpnf. Uif gjgu jt cz xpset uibu tjhojgjf puifs uijoht, xijdi jt nptu dpnnp xjui Kvhmfst: Uif Jubmjbot dbmm uijt tqfbljoh bgufs Dbmnb, boe uijt xbout mpoh pctfswbujpo: zfu jg pof dbo ep ju iboetpnmz uifsf dbo cf op tvqtjujpo; Ju jt qspgjubcmf up jotusvdu Dijmesfo uibu tfswf jo uif ipvtf. Uif tjyu jt xifo xf tqfbl cz dvuujoh pgg tpnf xpset, ps qjfdft, uijt jt opu sfejdvmt, boe cfdpnft b hsbwf Nbo, cfdbvtf ju nblft b epvcugvm tfotf, boe ju jt tp mbxgvmm uibu ju jt gbnjmjbs jo uif Xsjujoht pg hsfbu Nfo”

Eighteen Books of the Secrets of Art & Nature, Being The Summe and Substance of Naturall Philosophy, Methodically Digested (1661)

кто не понял, тот поймет

Предисловие

Вообще говоря, я не любитель предисловий. В данном случае оно представляется, однако, необходимым, так как предлагаемая мной система так нова, что предисловие должно приветствоваться в качестве желанного посредника между мной и читателем.

Меня зовут Рональд Брейтвей, и я автор этой книги. Иногда я пишу ее от первого лица, когда эмоционально близок описываемым событиям; иногда от третьего, когда, наоборот, уже далек или хочу отдалиться от них, когда они мне настолько неприятны, что я не могу сказать про себя «я». В этом случае я смотрю на себя со стороны. Иногда читаешь книгу или слушаешь песню и думаешь: «о, это про меня» – тогда берешь фразу или целую главу без изменений, зачем, если автор все уже сделал за тебя, так что и сказать лучше нельзя? Например, если я не

вижу смысла скандалить со мной, я не вижу смысла ругаться со мной, я не вижу смысла даже ссориться со мной, я так и напишу и не буду, как школьник, «излагать своими словами». Мои слова совпадают со словами классика, что тут поделаться. Ты можешь ругаться со своей женой, ты можешь скандалить со своей женой, а у меня есть свой собственный хой.

Иногда я пишу в настоящем времени – когда описываемые события остаются в моей памяти так отчетливо, словно я снова их переживаю. Это никак не коррелирует с тем, рассказываю я историю от первого лица или от третьего – может случиться так, что мне неприятны описываемые события, но я переживаю их ярко; а может случиться и так, что мне приятны описываемые события, но я переживаю их неярко; может случиться и так, что мне неприятны описываемые события, и я переживаю их неярко, или так, что мне приятны описываемые события, и я переживаю их ярко.

Или бывает так: когда во флэш-интервью репортер спрашивает не остывшего от игры нападающего, забившего гол, тот почти всегда отвечает ему в настоящем времени: «И тут я, значит, короче, смотрю – вратарь заваливается направо, ну, я, значит, налево, и он так раз – и залетает. Ну, повезло». Нападающий как будто навсегда закольцован в бесконечно пересматриваемый им со стороны повтор. Но спросите его об этом голе после следующей игры, в которой он тоже забил, – и он расскажет вам о нем в прошедшем времени. Если гол очень важен, например, победный гол в финале, – повтор в его памяти будет длиться дольше, может быть, до смерти. Все уже забыли об этом голе, а он все – «И тут я, значит, короче, смотрю – вратарь заваливается направо, ну, я, значит, налево, и он так раз – и залетает. Ну, повезло». Так и тут. Так и тут.

Вы можете удивиться, почему несколько глав написано от лица моей жены. Эти главы касаются меня, поэтому тоже в некотором роде написаны мной; когда вы дочитаете до конца, надеюсь, механика этого станет вам понятна.

Когда-то я переехал из Москвы в Ригу и теперь живу здесь. Из лимитрофных балтийских государств Латвия наиболее лимитрофна: если Литву можно уподобить городу, Эстонию – деревне с ее первобытной магией, то Латвию – поселку городского типа или рабочим кварталам, куда переселились в свое время деревенские люди, но городскими до сих пор не стали. Еще одно промежуточное положение Латвии – то, что это и не Россия, и не Европа (а если немного расширить границы, то и Россия, и Европа). Во времени народ застрял здесь между прошлым и будущим. Если смотреть относительно вертикальной оси, то и здесь плоская поверхность Латвии – чрезвычайно узкая граница между глубинами моря и высотами космоса. И в целом здесь – граница между мирами, место, где фундаментальные физические качества времени и пространства дают в некотором смысле трещину или хотя бы образуют складку. Наличие этой деформации дает возможность увидеть некоторые явления с нескольких точек зрения, что единственное и означает увидеть. От того и в этом тексте разночтения в лице и времени описываемых событий – сложно определить, о каком именно из смежных миров идет речь.

Почти все, что здесь описано, происходило, разумеется, на самом деле. Любые несовпадения с реальными лицами и событиями являются ненамеренными и случайными.

Предупреждение I (Первая попытка побега)

К радости жителей построили вдруг целый квартал. Город обрывался новостройками; одиноко стояло, правда, какое-то давнишнее здание, но его как раз разрушали ради новых новостроек, новых по контрасту с относительно старыми новостройками. Туда уже заселились люди, а в новых новостройках еще никто не жил – таджики тяжело, как марафонцы на последних километрах, отделявали последние квадратные метры, штукатурили стены, проводили электрическую проводку. Метраж и кубатура привлекали заезжающих, увлекали

приезжающих, они ходили по недостроенному еще кварталу и любовались будущими квартирами изнутри и снаружи.

За новостройками было поле, и дальний лес, и дорога. Ноябрь стоял холодный и сухой, снег пока не выпал, полевая дорога подмерзла, и по ней шел человек с детской коляской. Перед ним следовали парень и девушка, или мужчина и женщина, и они то и дело останавливались и оглядывались на человека с коляской, один раз успели даже поцеловаться, но при его приближении снова вспорхнули, как птички, и отлетели подальше.

Дорога вела все глубже в поле, по краям стояла высокая желтая необранная трава, из травы к дороге выходило множество тропок, как кельтские круги на полях, если смотреть на них из космоса, они образуют интересные рисунки наподобие гуманоида или гриба-мухомора.

Дорога все тянулась и никак не могла дойти до леса, хотя шла по прямой, насколько возможно идти по прямой для полевой дороги. Где-то дальше она заворачивала. Парочка впереди оглянулась в последний раз и скрылась за этим поворотом. Сразу за ним дорога, казалось, углублялась, наконец, в лес.

Человек с коляской не спешил за парочкой. Он остановился, огляделся по сторонам и в особенности поглядел на новостройки, красиво освещенные довольно высоко заходящим солнцем. Весь город был как на ладони, каждая его часть окрашена в свой цвет: краснокирпичный, серый, белый, темно-серый и т.д., как археологические слои колонизации.

Человек с коляской достал из кармана флягу, глотнул. Запахло спиртным, но тут же рассеялось. Из коляски донесся слабый писк, человек покачал люльку, писк прекратился.

Он пошел дальше и дошел до поворота. Оттуда как раз выходил парень небольшого роста, субтильного сложения, в черной болоньевой куртке с надвинутым капюшоном, нижняя часть лица перевязана платком. Парень посмотрел на него со странным выражением, будто хотел что-то сказать злое или что-то сделать плохое; однако он ничего не сказал и не сделал, ни плохого, ни хорошего, а просто прошел мимо и быстрым шагом направился к городу.

Человек с коляской завернул за угол: дорога и в самом деле доходила здесь до леса, правда, не сразу углублялась в него, а отгрызала полю еще немного территории. Парочки перед ним было уже не видать, куда-то ушли. Человек с коляской дошел до леса, постоял на самой границе, снова глотнул из фляги, развернулся, пошел обратно в город. Зайдя за поворот, увидел, что парень со злым лицом в капюшоне успел отойти далеко, он шел с большой скоростью и энергично разговаривая по мобильному. Человек с коляской отхлебнул и пошел обратно по знакомой уже дороге.

Снова было видно город, солнце село ниже, но до темноты было далеко. Чтобы видеть город, оборачиваться теперь не нужно было. Пропали все звуки. Всё как-то застыло. Даже воробьи, то и дело перелетающие вдруг дорогу, выныривающие из травы с одной стороны и исчезающие в траве с другой, исчезли. Из какой-то тропинки, выходящей к дороге, сразу за спиной парня в капюшоне, бесшумно выскочили два маленьких существа, сопровождаемые красным пятном, и бесшумно побежали по направлению к лесу, навстречу человеку с коляской, совершенно скрыв из виду парня. Человек с коляской оглянулся к лесу и ничего там не увидел, но все равно вдруг заторопился.

Вблизи он понял, что маленькие существа – это мальчики, один потолще и побольше, другой потоньше и поменьше, а сопровождающее их красное пятно – это красный пластиковый пакет у толстого в руке, и они бегут и смеются. Пока он осмысливал эту информацию, мальчики поравнялись с ним и побежали дальше, все так же смеясь. Человек в капюшоне куда-то пропал, а на его месте оказались две женщины, идущие навстречу, с желтым пластиковым пакетом в руках у одной. Человек с коляской снова оглянулся на лес, никого не увидел: мальчики как будто закрывали всю видимость между ним и лесом, так же точно, как они закрывали всю видимость перед ним, выбежав из травы. Это были привлекатели внимания, ловцы внимания, вампиры, пожирающие внимание: когда человек видел этих мальчиков, он

ни на чем не мог сосредоточиться. Таково было их свойство, особенно когда больший из них держал в руке красный пакет и смеялся. На любой дороге за мальчиками образовывалась серая зона.

Женщины с желтым пакетом были, напротив, рассеивателями внимания, их как будто нигде не было, они сливались с пейзажем, и нужно было сильно сконцентрироваться, чтобы заметить их вновь.

Так или иначе, человек с коляской пошел дальше, еще убыстрив шаг, чуть не бегом. Коляска прыгала на грунтовых неровностях. Новостройки и разрушаемая старостройка были совсем уже близко, женщины с желтым пластиковым пакетом незаметно разминулись с ним и ушли по направлению к лесу, а он все не оборачивался, опасаясь наткнуться на мальчиков. Когда он увидел впереди довольно уже крупные фигуры прогуливающих по новому кварталу будущих жильцов, работающих таджиков и пр., он оглянулся.

Никаких мальчиков с красным пластиком, бегущих к лесу, уже не было, а только у поворота, далеко, в конце дороги, виделось много, не меньше десятка, людей в капюшонах и черных куртках.

Человек с коляской дошел до конца поля и углубился сразу в город, не останавливаясь, смешавшись со счастливыми владельцами кубатуры и метража. Перед тем как выйти из квартала, он еще раз оглянулся: группа в капюшонах была уже на середине дороги, или, может, они прошли даже больше: две трети, – а может, три четверти, – и явно было видно, что бежали. Во всяком случае, приближались с устрашающей скоростью. Человек с коляской нырнул в арку дома, переулками домчался (не теряя, однако, степенности) до дома, поднялся по пандусу, набрал код на домофоне – перед тем как войти, оглянулся – внутри вызвал лифт, загнал туда коляску и, пока ехал на шестой этаж, опустошил всю свою фляжку, не обращая внимания на нарастающий визг из люльки.

Предупреждение II (Противоречивый поход)

На троих у нас было два спальных мешка, одно одеяло и две пенки – не считая, разумеется, палатки. По пути на станцию Леша Большой решил, чтоб у нас обязательно еще были спички, а не зажигалка, обязательно нужно купить спички, причем туристские. Они медленно пошли с Лешей Маленьким к станции, а я побежал в магазин за спичками, чтоб не терять времени, времени и так было в обрез. Туда и обратно я бежал. Вернувшись, увидел, что они вдвоем стоят около путей, и за их спинами медленно-медленно закрывает двери и уезжает нужный нам поезд, в нужном нам направлении. Я подошел к расписанию и убедился в том, что поезд действительно был нужный, и что направление было нужное, и что поезд действительно только что отъехал в нужном направлении, а также в том, что следующий такой поезд будет через полтора часа, то есть около трех. В принципе, это не страшно, летом дни длинные и темнеет поздно, пройти мы собирались небольшое расстояние, но запаса стало на полтора часа меньше. Запас в походе первое дело, потому что если какая-то неприятность может случиться, она обязательно случится, на этот случай и нужно иметь запас. Время запастись возможно, а пространство нет. Можно понимать это так, что время находится в рюкзаке, и оно ничего не весит, и вот только что мы это невесомое время проебали.

– Вот нахрена сдались тебе эти спички? – сказал я Большому Леше с дружеской улыбкой. Нам обоим было ясно, что дружеская улыбка, призывая смягчить выражение, скрывает под собой досаду, как смайлик. Поэтому Большой Леша мне подыграл и стал объяснять, что спички ему нужны для того, чтобы быть уверенным в походе, потому, что спички и вообще-то надежнее зажигалок, и с зажигалкой не так уверенно, и к тому же зажигать зажигалкой неудобно, а спичкой удобно.

Мы сидели на станции и решали математические задачи, а Маленький Леша скучал. Он

отпросился пойти на реку и немедленно исчез, но тут же вернулся, а я, занятый математическим диспутом с Большим Лешей, не понял, что отходить Маленький Леша боялся, и потому до реки так и не дошел. Вернувшись, он сел Большому Леше на голову, тем самым мешая ему решать математическую задачу о бешеной старушке. Название задачи одновременно является и ее спойлером. Маленький Леша, услышав от меня это секретное название, мучился, как цирюльник, узнавший про царя Мидаса. Он то хихикал, то ныл, и мешал нам решать математические задачи, так что я даже сказал, что если он сейчас же не уймется, мы идем обратно, и это будет очень короткий поход.

Маленький Леша стал проситься к реке, но было уже поздно, и я говорил нет, нет, сейчас придет поезд, мы опять на него не успеем, потому что кому-то очень надо было купить спичек, и тогда уж вообще не будет смысла никуда ехать, потому что зачем? Нет, нет, Леша, нельзя. Ну еще пятнадцать минут осталось! Ну вот я тебя отпущу, ты потом пропадешь, придет поезд, а тебя нет. Ну не пропаду! Ты всегда пропадаешь. Ну не пропаду! Ты всегда пропадаешь. Ну не пропаду! Все, я сказал, Леша, все! Ыыыы. Ты опять ноешь?! Неужели ты не хочешь пойти в поход? Сам же просился уже сколько времени. Ну, хочешь, давай, иди, а лучше сразу пойдем домой, раз тебе так не хочется в поход. Нет, я не ною, не ною. Да, все, давай, иди, иди к реке, быстро, никуда тогда не пойдем, а я домой, потом вернешься. Не пойду к реке! Быстро иди! Не пойду, не пойду. Ну все, Леша, вот и молчи тогда.

Ладно, сказал я, остыв секунд через пятнадцать, можешь идти, только чтоб я тебя все время видел – и чтоб сразу пришел, как тебя будут звать. Конечно, конечно, сказал Маленький Леша и исчез у реки, и, естественно, я сразу перестал его видеть. Когда до поезда оставалось десять или восемь минут, к реке пошел Большой Леша – чтобы привести Маленького Лешу, чтобы мы все вместе могли поехать, наконец, в поход. Он тоже исчез, и ни Большого, ни Маленького Леша не было видно минуты три. Отлично поход начинается, отлично, думал я про себя, впрочем, не думал, а уже готовился идти домой.

Когда они вернулись, мы ждали поезда еще минут семь.

Я планировал доехать до Милзкалне, пойти оттуда в направлении моря, сворачивая направо, к озеру Каниерис, в случае необходимости разбить палатку у какого-нибудь озера или на холме. По пути обязательно покорить самую высокую гору в округе – Лустужкалнс, высота 72 метра. Если оттуда будет хороший вид, или вообще найдем хорошее место для ночевки – позвонить Ниде, чтобы она приехала на такси вместе с двумя маленькими девочками. Хороший нереалистичный план. Проезжая мимо большого, как показывала карта, озера, видели только довольно густой лес – подумали, что озеро скрывается за ним.

Вышли на одну остановку раньше, в Смарде: на улице хорошо, до Каниериса идти чуть ближе, что важно, раз нет запаса (время 15:23). Пошли по деревне, быстро из нее вышли и двинулись по направлению к горе, шли по обочине дороги, Маленький Леша все время хотел пить и отставал. За заборами лаяли собаки. Деревня закончилась, справа появилось большое поле, а слева тоже поле, но маленькое, за ним лес, за которым железная дорога. Идти по дороге было скучно, но ведь это был кратчайший путь до Лустужкалнса. Большой Леша фальшиво удивился: что, мы так и будет по дороге идти? Карта показывала, что налево отходит проселочная дорога, которая делает петлю мимо хутора (Стопниеки) и по лесу выходит на нашу дорогу обратно. Пойдем по ней, сказал Большой Леша. Ну ладно, пойдем, решил я, успеем дойти до озера, если что, разобьем палатку. По пути еще оставалось достаточно голубых пятен на карте (я еще не знал, что они означают не озера, а болота). И мы пошли налево.

Прошли, действительно, мимо хутора, углубились в лес. В лесу оказалось огромное количество грибов, белых, сухих маслят, обабков, сыроежек, пыхтунов. Корзины у нас не было, пришлось собирать в ковш для гречки. Крышка у ковша не зафиксирована, нести его за длинную ручку неудобно, а грибы выбрасывать жалко.

Прошли хутор, снова вышли на дорогу. Долго шли по ней, мимо поля, мимо кладбища, на кладбище снова грибы, справа в поле росла дикая яблоня, набрали яблок. Скоро придем, стал спрашивать Маленький Леша, скоро, скоро, сказал я, скоро появится самая большая тут вершина, на ней и остановимся, полюбуемся видом и устроим привал.

Вышли на большое шоссе, с него свернули на грунтовую дорогу, ведущую к вершине. По пути встретили несколько мертвых гадюк. Шли и шли вверх, вершиной Лустужкалнс оказался излом дороги, то ли этот излом, то ли следующий. Остановились на этом, постелили пенки, достали сухари и бананы, поели, выпили воды, посидели, оправились. С обеих сторон, скрытый и покрытый густым лесом, спускался вниз крутой склон. На склоне росло большое количество грибов, которые я тоже собрал – теперь грибы не влезали в ковшик для гречки, зато можно было наполнить пакет из-под бананов. Так я и сделал.

Ясно было, что ночевать здесь не стоит. Обочина грунтовой лесной дороги совсем не походила на красивую вершину с величественным видом. Решили заночевать у озера. К тому времени стало понятно, что ближайшее озеро было у развилки дороги, откуда мы свернули к горе. Озеро (судя по карте) обладало удлинённой формой и называлось Валгума Эзерс, вдоль него шла дорога в приблизительном направлении моря, с дороги озера было не видно, можно было идти по ней и смотреть, как оно там пойдёт дальше.

Шло не очень. Быстро поняли, что нужно искать ночлег. Свернули на дорожку, ведущую к озеру, она упиралась в ворота, под которыми мы пролезли и попали на территорию заброшенного пансионата, с выходом к озеру, с пустым и запертым строительным вагончиком, с пустыми и запертыми строениями (все окна были целы или заколочены). В большом изобилии росли вокруг грибы, валялись доски и прочее топливо для костра.

Обнаружились мостки, ведущие в воду. Большой Леша немедленно отправился купаться, Маленький Леша пошел разведывать окрестности, я пошел искать место для палатки. Вокруг висели запрещающие знаки, в том смысле, что это частная собственность, нельзя разводить костер, нельзя взламывать строения. Идите купаться, звал нас Большой Леша, но мы не пошли. С другой стороны озера стояли мостки, слышались голоса рыбаков, но самих рыбаков видно не было. Рыбаки сами опасались попадаться на глаза – мы были прямо в середине огромного национального парка в 382 квадратных километра площадью – но тогда еще не знали этого.

– Уф, перезагрузился, – сказал Большой Леша, искупавшись, и мы стали держать совет. Можно было заночевать на большой заброшенной веранде, сухие доски почти не давали бы дыма, нас было бы видно только с той стороны озера. Но чего-то было стремно, и мы вышли обратно на дорогу. По пути Маленький Леша все боялся змей.

Начинало темнеть. По пути встретился местный человек с ведром, полным грибов. Маленький Леша держался молодцом и не ныл. Дальше по дороге Валгума Эзерс заканчивался и переходил в другое озеро, соединенное с ним, но гораздо меньшее. Если где-то и возможно было заночевать, то только здесь, дальше совсем глухо. Дорога и какие-то хозяйственные земли, и до моря еще километров двадцать, не меньше. Спустились к озеру, по пути увидели информационный щит, из которого узнали ВСЕ о национальном парке – и его площадь, и, что важнее, что тут запрещено рубить дрова, разводить костер и т.д.

Впотьмах освободили от шишек место для палатки, нашли немного хвороста, достали продукты, разбили и обустроили кое-как палатку, разложили маленький костер, сварили гречку с сосисками. Маленького Лешу угнали спать, дали ему фонарик, он лежал в спальном мешке, светил фонариком сквозь ткань и радовался.

К озеру так просто было не подойти, надо было идти по траве и по топи, а, впрочем, нам и не надо было уж так к озеру-то. С воды слышался тонкий настойчивый крик какой-то птицы, плеск рыбы, трещало иногда дерево.

У нас была бутылка вина. Будешь, сказал Большой Леша. Нет, сказал я, что-то меня

мутит. Ну, раз ты не будешь, то и я не буду, сказал Большой Леша и положил бутылку обратно в рюкзак. Начал накрапывать дождик. Сидеть так без вина под дождем было глупо, к тому же мы все время смотрели по сторонам, опасаясь, что нас будут наказывать за наш браконьерский костерок. Поэтому костер быстро потушили и залезли в палатку спать. Было уже совсем темно, и вызванивать Ниде смысла не имело.

Ночью я проснулся от того, что меня тошнит. Вылез из палатки и оперативно поблевал под деревом. Все еще шел дождь, но под еловой кроной было сухо. Пошел обратно к палатке, и снова скрутило, казалось, желудок выворачивало наизнанку. Своевременно вернулся под ель. Стошнило желчью, во рту стало горько, от чего появились новые рвотные позывы.

Крики неизвестных птиц с озера раздавались всю ночь, и всю ночь я стоял, опершись руками о дерево, и ждал непонятно чего. Больше не рвало, но идти обратно я палатку нельзя было. По озеру раздавались шаги, в каждый момент мог появиться кто угодно со стороны озера, со стороны дороги, со стороны леса. У меня был складной нож. Часы шли за часами, я все стоял и слушал. Я слился с деревом, стремясь стать таким маленьким, чтоб меня не заметили, но, боюсь, стал таким большим, что ко мне опасались приближаться. В темноте ни черта не было видно, зато все было слышно. Поднялся ветер, невдалеке упал сучок. Нельзя было шевелиться, ни шевелиться, ни дышать, ни дышать, ни кричать, ни кричать, ни думать, только испытывать тошноту. Немножко двигать глазами, и головой, впрочем, можно было. Но не оглядываться.

Стало светлее, и я понял, что они ушли. Все так же кричала иногда таинственная птица, но каким-то образом стало понятно, что все, уже все. Настолько все, что можно было взять пакет и, на всякий случай немного еще испытывая тошноту, пойти собирать грибы. Их за ночь выросло много, разноцветных, разнообразных, а может, просто не заметили с вечера. Я брал только самые лучшие, и когда вернулся, оба Леша уже проснулись. Они позавтракали холодным, не разводя костер. Мы собрали палатку, вышли на дорогу, на сдыхающем телефоне нашли номер местного такси и уехали на нем в Тукумс.

СТРАНА ХОББИТОВ

Похоже на свинину

Компания «Гекатонхейр» устраивала вечеринку, на которую приглашены были разные клиенты: и действующие клиенты, и полезные клиенты, и будущие клиенты, и потенциальные клиенты, и бесполезные клиенты, и не клиенты, и те клиенты, которые никогда не будут клиентами. Никогда заранее не скажешь, лучше напоить всех, пускай даже придут и левые чуваки, никогда ведь не скажешь.

Рональд Брейтуэй на этой вечеринке присутствовал по должностной обязанности, более того, вечеринку закатали в его доме, то есть в доме на Голубиной улице, который он снимал, платил «Гекатонхейр», конечно, но работал и ночевал в нем Рональд Брейтуэй, хороший район – как будто деревня, но через мост уже центр, и относительно недорого, всем удобно, почему нет.

Приходили люди, которым Рональд почему-то был интересен, помня его со старых времен, когда он и вправду был чем-то интересен (скорее всего, тогда у него было будущее, в которое некоторые могли поверить как в обещающее), расспрашивали Рональда о чем-то. Не сказать, что это было приятно, особенно когда гость напивался и вспоминал какие-то вещи, о которых Рональд давно позабыл. Можно понять, когда трезвый солидный человек выказывает к тебе интерес – этот интерес можно повернуть себе на пользу, не обязательно монетизировать,

и, по крайней мере, это лестно, хотя и страшно немного. Не страшно, а больше неприятно, потому что разоблачение наступит быстро, и от неминуемого охлаждения будет чувствоваться неудобство, как от анестезии в десне. Но когда свои респекты излагает пьяный человек – ко всем недостаткам трезвого холодного интереса добавляются дополнительные недостатки, обусловленные тем, что пьяный тоже тебя рано или поздно оценит и станет презирать, презирать не только потому, что ты ничего из себя не представляешь, но и просто в качестве отката, от презрения к себе пьяному, и от своего хвастовства. Похмельное презрение к тебе таким образом, удвоится, а то и возведется в квадрат, и главное – презрение со стороны кого? Со стороны пьяницы, который и себя-то уважать не умеет. И тем больше это взаимное презрение будет, чем больше респектов выдал тебе пьяный.

Рональд Брейтуэй на правах хозяина вечеринки прерывал все намеки на подобные признания (лавировал, отлучаясь встречать новых гостей или развлекать старых, безопасных). Возможно, никто и так не собирался проявлять к нему интереса сверх того, сколько положено проявлять интереса к хозяину дома, но Рональду было и проще, и приятнее думать, что кому-то он еще интересен. Один лишь раз он не уберется и погрузился в воспоминания о старых временах с одним человеком (покамест трезвым), уважаемым потенциальным клиентом, и еще пару раз ему, уже к концу вечера, признавались в любви персонажи настолько пьяные, которые уже и не вспомнят об этом назавтра.

Ближе к концу мероприятия явился Антон Халцедонов. Выпил он довольно мало и держался трезво, но опытный глаз (вернее, опытный мозг) решил бы, что он набрался где-то раньше. Рональд, однако, знал, что Антон всегда такой – кажется пьяным, который трезво держится. Они когда-то учились в одной школе, а потом в одном университете.

Антон Халцедонов был великий человек, победитель мировых олимпиад по математике. Теперь он потерял часть своего блеска для внешнего наблюдателя, оплыл и работал разработчиком в «Яндексе». У них были дела с конторой Рональда. Вечеринка подуспокоилась, люди разбились на группы или разъехались, Рональд был более или менее свободен, Антон сел на ограждение, отделяющее место частной вечеринки от остальной плебейской улицы, и когда Рональд подошел к нему, сказал:

– А ты, вижу, все в «Гекатонхейре» работаешь?

Рональд, который вообще не подозревал, что Антон знает о его существовании, не то что где он работает, ответил, что да, в «Гекатонхейре». А здесь кто живет, спросил Антон. А здесь я живу, сообщил Рональд, ну, вернее, не совсем живу, снимаю, работаю. И офис здесь, и квартира. Проехала машина и заглушила ту, несомненно, важную информацию, что выдал в ответ на это Антон.

Когда Рональд в следующий проходил мимо, Антон поймал его и спросил, не хочет ли Рональд решить математическую задачу. Рональд, естественно, хотел. Антон задал задачу. Рональд, видимо, был подписан на то же олимпиадное сообщество в фейсбуке, что и Антон, и задачу эту знал, потому что ее выложил тремя днями ранее Костя Кноп. Тогда Антон задал еще одну задачу, но Рональду срочно пришлось идти провожать одного пьяного гостя, а по пути обратно он нашел ее решение в интернете.

Решение было рассказано, видно, что великий человек Антон Халцедонов был удовлетворен. Он пустился вдруг в воспоминания про школу, в которой они учились. Рональд был на класс старше. Когда Антон упомянул об олимпиадах, Рональд стал говорить, какая сильная у них была школа, что вот были такие многообещающие Антон Храпунов, Вова Гексли, Виталик Берберов и другие. Что вот был еще Малявин, вообще супергений, и где он теперь? Где они все? Наша-то параллель была по сравнению с вашими слабой, говорил Рональд, и старше нас были сильнее, и младше, от нас даже директор отказался, скинул нас на Галину Аркадьевну, но вообще это уже признак надвигающегося маразма, ведь не такие мы были слабые, я хотя бы на зональные ездил...

Все гости разошлись, осталась пара пьяных клиентов и Брейтуэй с Халцедоновым. Брейтуэй держал Халцедонова за пуговицу и все говорил, а Халцедонов слушал и все скучнел. Изредка проезжала машина. Шел, должно быть, первый час ночи.

– Хочешь к нам? – спросил Халцедонов. – Но тогда придется опять в Россию ехать.

Тут пара пьяных клиентов разодралась до крови, и Брейтуэй срочно пошел разнимать и вызывать такси. Ему казалось, его не было совсем недолго, но, вернувшись к Халцедонову, он никого не застал – только под ограждением, на котором сидел Антон, лежала дамская сумочка.

Рональд Брейтуэй вспомнил, что эта сумочка весь вечер мешалась ему под ногами. То он запнется о нее, то положит на свободный стул, то повесит на вешалку. Один раз она откуда-то упала на него. В начале вечеринки, показалось ему, она была совсем новая, красная, чуть ли не пахнувшая свежей кожей – а теперь полинявшая, блеклая и какая-то пыльная – но определенно та же.

Никого больше не осталось, даже машины перестали ездить мимо места проведения частной вечеринки. Рональд Брейтуэй решил, что придется дать объявление, что нашлась сумочка с... с...

Рональд раскрыл сумочку и посмотрел. Внутри лежали довольно свежие на вид, впрочем, с начинающимся гнилостным уже запахом, кости, килограмма полтора, наверное. Похоже на свинину.

Праведник Нансэн задает свой вопрос

Когда Рональд проводил последнего гостя, все спали. Рональд включил компьютер, запустил Hearthstone, включил заодно телевизор, достал из морозилки упаковку виноградных улиток, поставил в духовку, открыл вино, приготовился играть (возможно, все происходило не в точности в описанном порядке).

В ночном эфире показывали «Что? Где? Когда?». Играла какая-то команда знатоков дзэн, Рональд никого из них не знал.

– Уважаемые знатоки дзэн! – сказал господин ведущий. – С вами играет праведник Пуюньчанси с горы Нанчуань (ака Нансэн). Вопрос записан господином праведником.

Камера показала праведника Пуюньчанси с серпом в руке. Праведник Пуюньчанси выглядел в точности так, как должен был выглядеть праведник, которого застали врасплох во время сбора урожая. Он сказал:

– Уважаемые знатоки дзэн! Посмотрите, пожалуйста, на послушников Восточной и Западной келий. Они нашли котика и спорят, кому оставить его себе! А работа, между прочим, стоит! *(Камера показала разгоряченных монахов, готовых схватиться врукопашную.)* А вот посмотрите, что я сделаю сейчас!

Пуюньчанси бросился к послушникам, отнял у них котенка, приставил к его горлу серп и сказал:

– Уважаемые знатоки дзэн. Если кто-нибудь сумеет через минуту разъяснить смысл этого жеста, котик останется жить. Не сумеете – умрет. Время пошло.

Вместо бурного обсуждения знатоки погрузились в молчаливую медитацию. Через минуту один из них снял с себя кирзовый сапог и поставил его себе на голову.

– Каков же будет ответ? – спросил господин ведущий, но знатоки дзэн не проронили ни слова. – Ну что ж! Тогда внимание на экран! Телезритель самостоятельно записал свой ответ.

На экране праведник Пуюньчанси прокричал:

– Неправильно! – и со зверским выражением лица отсек котенку голову и выкинул труп в кусты.

– Один-ноль в пользу телезрителей! – сказал господин ведущий. – Следующий вопрос, крутите волчок, господа!

– Господин ведущий, позвольте, – вмешался случившийся на игре адвокат Барщевский.
– Каков же правильный ответ?

– Это коан, тут не может быть правильного ответа. Уж вам ли не знать, господин Барщевский?

– Но позвольте, вот в сборнике коанов «Мумонкан», пример номер четырнадцать. У меня как раз с собой, позвольте зачитать. Когда вечером вернулся Дзесю, старший ученик Пуюньчанси, и узнал о происшествии, он положил себе на голову гэта (деревянные сандалии), и праведник сказал: «Ах, почему тебя не было здесь днем! Котик остался бы жив».

– Ну и что?

– Один из господ знатоков тоже положил себе на голову свою обувь.

– Вы что, думаете, я не заметил? Но посмотрите, господин Барщевский. *(Камера переместилась на знатока, по-прежнему сидящего с сапогом на бритой голове. По его правой щеке стекала капля грязи.)* Обратите свое внимание. У того были гэта, а у этого кирзовый сапог. Один-ноль, следующий раунд!

Тут возмутился весь домик, все закричали наперебой:

– Какие гэта в Москве, вы с ума сошли? Мальчика в Саранске на детской площадке до смерти в говно засосало, а вы тут про гэта! У знатоков дзэн просто нет при себе гэта!

– В каком это смысле нет гэта?

– Как это в каком? Просто нет гэта и все!

– Ну, хорошо... Я вам докажу. Покажите обувь, – решил господин ведущий.

– В каком, то есть, смысле – обувь?

– Ну, я надеюсь, уважаемые знатоки дзэн сегодня пришли на игру обувшись? Я прошу показать, что у вас на ногах.

Знатоки дзэн положили ноги на стол. Камера постепенно, одну за другой, показала все двенадцать ног. На всех, кроме одной, надеты были грязные кирзовые сапоги.

– А вы почему босиком? – спросил у босой ноги господин ведущий.

Ее владелец молчал, зато камера снова показала сапог, стоящий на его голове, и стекающую по правой щеке каплю грязи.

– Хорошо, – нехотя сказал господин ведущий. – Убедили. Один-ноль в пользу знатоков. Следующий раунд!

– Господин ведущий, – снова встрял господин Барщевский.

– Ну что вам еще?

– А как же котик?

– А, ну да. Внимание на экран, правильный ответ. Ответ записан господином телезрителем.

На экране праведник Пуюньчанси лучезарно улыбнулся и сказал:

– Правильно! Молодцы! – отпустил котенка и поклонился. Котенок поспешно убежал в кусты.

– Один-ноль в пользу знатоков дзэн, – сказал ведущий. – Следующий раунд. Крутите волчок, господа.

Вышла из спальни Ниде.

– Ты чего не спишь? – спросила она, морщась от света.

– Сплю-сплю. Сейчас вот только доужинал, не видишь. – И пошел спать. Все равно вино закончилось, в Hearthstone не поиграешь – интернет куда-то исчез, – и с утра гулять с детьми, вставать рано. Пока чистил зубы, умывался – знатоки дзэн сыграли еще два вопроса, оба от каких-то монахов, оба звучали идентично – «В чем смысл прихода патриарха с запада», на оба вопроса знатоки дзэн отвечали полным молчанием, в одном случае господин ведущий ответ засчитал, в другом нет.

Поскорее захлопнул дверь

Ниде с утра просыпалась плохо, а сам Рональд, увы, хорошо. Проснулся хмельной и вышел в трусах в туалет, по пути шепотом заорал на детей:

– Тише! Можно же нам не мешать!

Дети ненадолго замолкли, Рональд забылся сном, но вскоре снова проснулся. Вышел и зашипел:

– Тише! Я же просил!

Дети опять ненадолго замолкли, но начали шуметь снова. Рональд вышел еще несколько раз, потом встал окончательно и зло сказал старшему сыну:

– Сложно было мне не мешать? И так не высыпаюсь.

Сын промолчал.

– Зубы почистили? Почистили зубы, я сказал? Почему не переоделись?

– Не почистили, – хмуро отвечали дети.

– Так идите чистите! И переодевайтесь.

Сын передел трусы, а Рональд сказал ему:

– Ты специально так делаешь.

– Девочки тоже шумели!

– Они маленькие еще. И девочки. А ты большой. И мальчик. Специально меня будишь.

– Не специально!

– Тогда зачем было подушками драться? Шалаш из покрывала строить? Кстати, быстро убрать покрывала с пола. Девочки, идите сюда! Убрать, я сказал! Быстро! В комнате почему не убрано? Я сейчас выкину все. Я сколько раз тебе говорил с утра нас не будить? И мама говорила. И девочкам не давать нас будить. И в комнате убираться. Ну правда, если тебе не нужны твои вещи...

– Нужны, нужны! – кричал сын.

– Тише, я сказал! Ты что, с ума сошел? Мама же спит.

– Мне нужны мои вещи.

– Нужны были бы, не разбрасывал бы их.

– Не выбрасывай!!!

– Ты не любишь меня просто.

– Нет, люблю! Нет, люблю!

Девочки спрятались в своей комнате и не высовывались.

– Не любишь, и не спорь. Какую кашу на завтрак будете?

– Манную.

– Я не тебя спрашиваю. Что будете, девочки? Овсяную сделаю.

Рональд готовил кашу и попутно шепотом ворчал на сына, что, дескать, сын его не любит, а сын говорил, что любит, тогда почему так себя ведешь, спрашивал Рональд, не знаю, говорил сын, а я знаю, потому что не любишь, нет, не поэтому, ну ты же сам скаазал, что не знаешь, а я знаю. Не знаю, но не поэтому. Тише, сказал же! Нет, не любишь. Нет, люблю. Нет не любишь. Нет люблю. Нет не любишь. Можно мне без банана? Нет, нельзя, я уже всем порезал. А вот не надо было мне спать мешать. Ешь давай. Ешь, я сказал! Я же сказал, тихо, маму разбудишь!

Из комнаты вышла Ниде.

– Ой, привет! Уже проснулась? Сделать тебе яичницу?

– Не надо.

– Что такое случилось?

– Ничего.

– Да ладно, я же вижу, что что-то случилось.

– Ничего.

– Да погоди, погоди! – Рональд закрывал дверь в комнату. – Дети! Не мешайте нам, нам с мамой поговорить нужно.

– Я все слышала, – говорила Ниде, и они стали спорить, и спорили еще минут сорок, и Рональд говорил, что ну ничего страшного не случилось, они специально нас будили, назло, а Ниде говорила, что она не может просыпаться и сразу же слышать наезды на ее детей, что в нем нет любви, вернее, сначала она говорила, что не хочет говорить с Рональдом, а Рональд говорил, что это нечестно, когда с ним не говорят, что вот он же, Рональд, говорит, и не отказывается от разговоров, и поэтому логично было бы, чтобы и с ним говорили, и от разговоров с ним не отказывались... Уйдите, сказал же, нам с мамой поговорить нужно! Ты меня не любишь, ты никого не любишь, говорила Ниде, в тебе не осталось любви, нет, почему же, тебя люблю, котик, говорил Рональд. И детей люблю. Не называй меня котик, это уже... Я уже не котик. Я не могу тебе все время говорить одно и то же, говорила Ниде, давай мириться, говорил Рональд. Я не могу мириться, я тебе не верю, говорила Ниде, не расстраивайся, говорил Рональд. Не могу не расстраиваться, говорила Ниде, давай тогда мириться, говорил Рональд. Ты меня не любишь, говорила Ниде, люблю, говорил Рональд. Ну как ты меня любишь, говорила Ниде, как это выражается, что у нас есть общего теперь, ну как, как, вот, воспоминания есть, Барселона, кладовка, Брюссель, дымный город. Ну вот, разве что воспоминания, а общего дела нет. А как же дети, дети это общее дело. Ну вот именно, дети. Если б не дети, давно бы с тобой не жила. Это не общее дело, это результат общего дела когда-то. Ну как не общее дело, воспитывать это общее дело. Вот я и вижу, как ты воспитываешь. Нельзя нам было заводить детей. Ну хватит, хватит ерунду говорить. Оставь ты меня в покое, говорила Ниде, ну как я тебя оставлю в таком состоянии, говорил Рональд. Чего тебе от меня надо, говорила Ниде, мириться, говорил Рональд, мне надо мириться. Что мне конкретно для этого сделать? Ну, чтоб ты перестала расстраиваться. Я не расстраиваюсь. Нет, расстраиваешься, я же вижу. Ну что мне конкретно сделать? Я вот говорю, что стараюсь не расстраиваться. Ну извини меня. Хватит извиняться, ты только все хуже делаешь. Я же от всего сердца. Я тебе не верю. Ну я вот честное слово даю! Я тебе верю, что ты не расстраиваешься, а ты мне не веришь, что я перед тобой искренне извиняюсь. Да потому что ты неискренне извиняешься. Извинишься, а потом снова будешь говорить, что будешь прав. Ну я прав, конечно, не выспался, они спать мешают, что мне делать, я неадекватен, может, был. Но по-другому никак не объяснить, что они так орут. Просил же подушками не кидаться и не орать! Так за что же ты извиняешься, если прав? Ну, раз ты расстраиваешься, за то, что я утихомирить их решил. Да не утихомирить ты их решил, а свою злость на них выместить за то, что спать тебе не давали, за то, что набухался вчера. Ну вот за это и извиняюсь! Я тебе не верю. Я не могу так больше. Ну ты и сама на них орешь иногда. Ору, но мне стыдно после этого. Вот и мне стыдно! Я и извиняюсь! Ну, понимаешь ты или нет? Не обижайся. Как мне себя вести, чтоб ты не говорил, что я обижаюсь? Я сказала, уйдите, дайте нам поговорить-то, а! Ну вот так, как сейчас себя ведешь. Я не кричу, не ругаюсь, видишь, больше не плачу, что мне еще делать? Ну ты сама просто разве не понимаешь? Я не могу конкретно сформулировать, я же не филолог и не психолог. И на детей, кстати, только что кричала. Но если ты сама честно скажешь, что все нормально, я тебе поверю и не буду больше тебя просить. И, кстати, если ты скажешь, что твое поведение правильное было, и ты мне нормальные слова говорила, то, конечно, извини, пожалуйста, за все искренне извиняюсь. Но нет ведь? Ну бывает, ты слишком сильно отреагировала, чрезмерно, ну бывает, дети орут на родителей, а родители на детей, что уж тут, ну успокойся, котик...

Ниде плакала, Рональд ее успокаивал, угрожал, ныл, извинялся, винил, через час кое-как помирились. Ели яичницу, уткнувшись в смартфоны, иногда кто-нибудь спрашивал: «Интересно?» – и другой пересказывал ему то, что читал в настоящий момент. Иногда

говорили и о чем-то помимо текущих событий в интернете. Когда подходили дети, Ниде говорила:

– Да что ж это такое, да дайте вы нам с папой позавтракать спокойно!

Позавтракав, Рональд весело сказал:

– Так, кто идет со мной гулять!

Гулять хотели обе дочери, а сын воздержался. Помня о ссоре с Ниде, Рональд не настаивал, и говорил девочкам:

– Тогда быстро одеваться! Кто не успеет, с тем гулять не пойду!

Девочки торопились, и, как обычно, Тоня опаздывала, а Таня ее торопила:

– Быстрее, Тоня! А то папа нас ждать не будет, один уйдет!

И Тоня плакала, а Рональд с Таней ждал ее внизу, а Ниде успокаивала ее и помогала одеться. Выходя из дома, Рональд сказал, негромко, но с расчетом на то, чтоб Ниде услышала:

– Ну вот, весь день теперь испорчен!

И поскорее захлопнул дверь, чтоб ничего такого не услышать. Потом открыл ее и сказал:

– Ладно, извини. В самом деле извини, котик. Я серьезно.

Призрачное восхождение домового

Дом на Голубиной улице, в котором жил и работал Рональд, построили в 1896 году. На фасаде у него было написано «1812», но это опечатка. Старый и деревянный дом – практически гарантия, что в нем обитает домовый, по-латышски mājas garīņš. В доме по ночам слышались шаги, постоянно терялись игрушки, кто-то переносил мелкие вещи с места на место. Дети уже привыкли, а Ниде нет.

Да и весь район старый, состоит из похожих домов, сохранившихся среди современной застройки. Через квартал начинается жилой массив из одинаковых пятиэтажек, построенный в советское время, латвийский аналог хрущевок, через квартал в другую сторону – улица, по которой ходят трамваи, на ней тоже старые дома, но уже каменные и довольно большие, церковь с двумя звонницами-близнецами.

Участок со старыми деревянно-каменными особняками представляет собой букву «Г», по-латышски тоже «Г»; дом Рональда был в основании ее ножки. Дойдя до перекладины, человек, желающий остаться в старом квартале, всегда имеет выбор – повернуть налево или повернуть направо; выбор, однако, оказывается иллюзией, как и все в жизни – куда ни поверни, он остается в старом квартале, а на следующем перекрестке из него в любом случае выходит.

В похмельное утро выходного дня Рональд вышел гулять с дочерьми. Было пусто и тихо, на улицах старого квартала совершенно никого, и от этой тишины и безлюдности несколько жутковато. Кто это на окне, сказала Таня, едва выйдя. Никого же, сказал Рональд и показал на окно. Взгляд, как камера воображаемого кинооператора, заметался от окна к окну. Одно окно, другое окно, снова первое окно, третье окно, никого. Холодно, сказала Таня, пошли домой. Холодно, сказала Тоня, пошли домой. Вы что, сказал Рональд, только вышли, домой рано, давайте когда стемнеет, скоро уже стемнеет, сейчас рано темнеет. Пошли домой, сказала Таня или Тоня. Пошли по бортику, сказал Рональд. Пошли домой, холодно, сказала Тоня или Таня. Нет-нет-нет, не идем, рано еще, сказал Рональд. Скоро пойдем, полуспросила-полуутвердила Тоня с ударением на «пойдем». Скоро пойдем, да, пошли к бортику. Яма! сказала Таня. Нельзя в нее ступать! сказала Тоня. Понятно, Таня? сказала Тоня. Нельзя! сказала Таня. Смотрите, бортик, сказал Рональд, кто хочет на бортик? Я не хочу, сказала Тоня. Я хочу, сказала Таня. Тоня, а ты пойдешь на бортик, спросил Рональд. Не пойду, сказала Тоня. А вот Таня пойдет, Таня, вставай на бортик, сказал Рональд. Тоня тоже будет! сказала Тоня. И вот они обе пошли по высокому бортику, иногда кто-нибудь из них говорил, что сейчас будет

падать. Дойдя до конца бортика, спустились на землю, и Таня снова сказала:

– Кто это на окне?

Рональд посмотрел на окно ближайшего дома 1929 года постройки и никого не увидел.

– Где на окне?

– Кто на окне?

– На каком окне?

– Ну кто на окне?

Рональд внимательно оглядел дом. Ни намека, что кто-то может быть на окне.

– На каком окне-то, покажи. Вот на этом?

– Да.

– На этом окне, – встряла Тоня.

– А кто там? Человек? Дядя или тетя?

– Дядя, – сказала Таня.

– Дядя, – сказала Тоня.

– А он большой?

– Большой.

– Большой.

– Больше тебя?

– Да.

– А больше меня?

– Да.

– Пойдем домой, страшно, – сказала Тоня.

– А как он одет? Он в пальто?

– Мне страшно, пойдем домой, – сказала Таня.

– Пойдем домой, – сказала Тоня. – Я боюсь.

– А у него одежда какого цвета?

– Он большой! Как я! – сказала Таня.

– Ты же говорила, что он больше меня?

– Большой!

– Пойдем домой, мне страшно, – сказала Тоня.

– Как же он как ты, если он больше меня, а я больше тебя?

– Он большой! Больше тебя. Как я, – сказала Таня.

– Пойдем домой, страшно, – сказала Тоня.

– Пойдем домой, страшно, – сказала Таня.

– Как он одет-то был? Домой рано еще, вот стемнеет.

– Я боюсь.

– Я боюсь.

– Ну пойдем, пойдем, хотите вон по бортику?

– Нет, пешком.

– Нет, пешком.

– Ничего не вижу, никакого дядю...

И они ушли, и Таня с Тоня, хотя и шли довольно поспешно, но все же несколько раз обернулись на окно особняка 1929 года постройки. Рональд с девочками свернул направо и вскоре оказался на улице с трамваями, и там, конечно, никто уже не лез в окно.

Первое Управление по Делах Миграции

Рональд опасался, что внеочередной вызов в Первое Управление по Делах Миграции связан с тем, что полтора года назад он продал акции своей конторы и получил на свой

российский банковский счет некоторые деньги, и не отчитался перед местными налоговыми органами. Теперь ему сообщают, что он нарушил законодательство Латвийской республики, и Латвийская республика более не считает нужным терпеть его со всем его семейством внутри своих не особенно протяженных границ.

Рональда сразу провели в отдельный кабинет и оставили вдвоем с бородатым, по местной моде, чиновником – его имя оказалось Рихардс Пордзиньш, и он оказался куратором Рональда. Вместо разговора о налоговых вычетах он стал вдруг спрашивать, не играл ли раньше Рональд в футбол, а если играл, давно ли это было, играет ли он теперь, где, когда, как часто, с кем, не занимается ли другими видами спорта и не занимался ли другими видами спорта в прошлом.

Рональд ответил, что он играет в футбол, на пляже, в Юрмале, но только летом!, и что это ни в коем случае не пляжный футбол, а просто футбол на слежавшемся песке, конечно, кое-кто и босиком бегают, но в основном в обуви, конечно, опасно же бегать босиком, не хочешь, а нанесешь травму. Если в шипах. Впрочем, может, люди на это и рассчитывают, что другим страшно будет на ноги наступить, и они с ними аккуратнее будут играть, помедленнее. Впрочем, не знаю.

А раньше играл, да, но нет, о каком успехе можно говорить на любительском-то уровне. Нет, конечно, просто так бегал. С кем конкретно, и не помнит уж, но вот, Сурен Степанянц, Артем еще, Сергей какой-то, какой-то Яков.

А вообще много чем занимался, вот на работе раньше стоял стол с пинг-понгом, и он там играл немного, и у него хорошо получалось, но вот теперь площадь снимаемого пространства уменьшили, давно не играет, много работы, но вообще хорошо играл, да, играл неплохо, хорошо прямо; играл также и в шахматы, так-то третий разряд был, но однажды один КМС сказал, что у меня плохой первый разряд, так что в среднем, наверно, второй; еще вот на борьбу ходил, правда, школьником было; да нет, классическая, или есть греко-римская, как теперь говорят. Третье место по городу занял в весе 24 или 34 килограмма. Ну, еще с барьерами бегал, тоже в школе, еще в секцию хоккея ходил, тоже в школе, правда, в другой, недолго ходил, но даже шайбу один раз забил. Когда студентом был, гимнастикой занимался, но у меня растяжка плохая, плохая, понимаете, растяжка, пришлось бросить, снова в футбол стал играть. Но теперь много работы, и ничем таким давно уже, к сожалению, не занимаюсь. Ну, бегаю иногда, летом тоже.

– Ну да, понятно, понятно. Так мы и думали примерно, – сказал Рихард. – Но мы вас совсем не за этим вызвали. Вот, узнаете?

– Эээ, нет, не узнаю, – сказал Рональд. – Тут написано, правда, «Брэйтвей», но только я Брейтуэй.

– Старая норма. Раньше был доктор Ватсон, теперь все пишут доктор Уотсон. А тут, посмотрите, и номер седьмой. Прямо как у Бэкхема. По старой норме, кстати, Бакгема. Узнаете?

– Нет, нет, не узнаю же.

– Ну а вы подумайте, вспомните.

– Да не знаю я.

– Ну не знаете так не знаете. Мы, собственно, что вам хотели сказать. У вас проблемы, если коротко.

– Какие?

– Ну, в первую очередь, психологического свойства, конечно. Давайте я буду перечислять, а вы меня поправляйте, если я не прав.

– Ну... давайте, конечно.

– Ну вот, смотрите, например... Вы сказали, что вы уже не тот, спорт уже позади, правильно я вас понял? Наверно, и бегаете уже медленнее, и выносливость упала, и вес у вас

прибавляется. И в половой сфере. Не перебивайте меня! Я только начал. Мало ли что я вам сказал поправлять, давайте я все скажу, потом дам вам самому все сказать, тоже вас не буду перебивать, хорошо? Договорились.

И главное, вы не сказали, но ведь вас все стариком считают! Вы бы, может, могли бы себя вести как-нибудь, как молодое игривое животное, например, но все скажут, несолидно!

А ведь все могло бы быть совсем не так! Вам бы отдохнуть хотя бы месяца два, да выспаться, снова начать регулярно заниматься спортом, пить поменьше, и чтоб не думать о сыне, что его вот-вот из школы выгонят, с женой бы еще не ссориться, все постепенно стало бы нормально, правильно? И в футбол вы бы бегали, ну, на уровне высшей лиги Латвии точно. Райан Гиггз еще позже вас закончил, а он в английской премьер-лиге играл! Куда там нашей лиге, это примерно как в России вторая в лучшем случае. Вот как с шахматами: по таланту вы как плохой игрок первой лиги примерно. Но у вас реально проблемы, и я вам расскажу, в чем ваши проблемы и что вам мешает: держитесь вы за нашу страну только из-за европейского вида на жительство, а так в гробу ее видали. Не хлопчите так лицом, местные тоже все такие, за это не наказывают. И я такой. И мы же договорились друг друга не перебивать, окей? Дальше. Работа у вас не складывается. Каждый день сидите допоздна и все равно ни хрена не делаете, потому что непонятно, что вообще делать-то. Новый начальник пришел, а он моложе вас, и требует еженедельных отчетов по занятости. А у вас какая занятость? А никакой у вас занятости! Задания выполняете, растягиваете на день то, что можете сделать за полчаса, и думаете, никто этого не видит. Новый начальник этот, я вам скажу, – адепт эффективности, и при первом удобном случае заменит вас на двух девочек или двух молодых карьеристиков, которые будут выполнять все, что он попросит, даже и с присвистом, или на девочку и молодого карьериста, вот так, скорее всего, будет. Они потом поженятся и заведут детей. Обратите внимание, я рассматриваю варианты того, на кого вас заменят, а не то, заменят вас или не заменят. Очевидно, что заменят. Вы все это понимаете, у вас стресс, вот и вес набираете, и проблемы с сердцем. А ведь когда-то вы играли на первенстве ЛФЛ Москвы, юго-западная Лига, были защитником, не самым звездным, но вполне на уровне. Да ваша это футболка, не отпирайтесь.

Чего еще... А, да. Наш русофобский парламент принял закон, да? Неприятный. Пять тысяч евро-то найдется, но платить неохота, правда? Вы думаете, вам ваша компания его оплатит? Нет, ваш работодатель вам откажет, если уже не отказал – а, вижу, отказал, сегодня утром, да? Я еще отчета не читал. Езжай, говорит, дорогой Рональд, домой, дорого нам за тебя пять тысяч платить, в России еще поработаешь, так и быть, а тут дорого. А в России вашего сына в школе держать не будут, ну, может, будут, но это надо такую школу искать... еще дороже, чем здесь, предупреждаю, мы наводили справки.

Далее! Хотя в половой сфере у вас проблемы, вы регулярно посещаете порносайты, мастурбируете, когда жена спит, отвернетесь и мастурбируете; удивительно, как это у вас может совмещаться? Что вы за человек-то такой! Впрочем, неудивительно. Я же сказал, не перебивайте! Кстати уж о ночах: мы знаем, что вам достаточно часто снятся противоправные сны. С детьми проблемы! применяете к ним рукоприкладство, сына за уши таскали несколько раз и потом просили никому не говорить; что еще? два раза (еще в России) курили траву; хотели познакомиться с молодой девушкой, которая иногда ездит с вами на двадцать пятом троллейбусе, с рыжей такой, но не решились; девушка, кстати, болеет венерической болезнью и сама этого не знает, имейте в виду; впрочем, вам это без толку, вы минимум три раза заводили тиндер, а потом удаляли его, потому что ну зачем он вам: вы жены боитесь. Еще девушка из первого трамвая вас привлекает, вы ведь теперь на первом трамвае полюбили ездить и морковку жрать. Но с этой девушкой совсем уже шансов нет, хоть это вы понимаете. И нравится-то она вам только потому, что похожа на другую девушку, которая вас отшила: два раза не добавила в фейсбуке. Вы привыкли, что можете хотя бы поначалу на девушек

впечатление оказывать, так, что вам хотя бы в фейсбуке отвечают – но и это время ушло. Но это я уже ваши совсем глубокие проблемы перечисляю. Вы стихи пишете! О чем тут вообще можно говорить. Остатки здравомыслия у вас, к счастью, есть, не показывайте их и дальше никому. Семечки грызете! и исподтишка плюете шелуху прямо на улицу. Думаете, никто не видит, но вы же заставляете дворников трудиться! Есть также еще несколько проблем, но о них мы не будем говорить. Ну, что скажете? Теперь можете говорить.

Рональд сидел совершенно раздавленный. Что тут скажешь? И это он не упомянул еще налоги.

– Что тут скажешь? – сказал он. – Отчасти вы правы, наверно, но много вы тут сказали и несправедливостей. Я, например, совершенно не плююсь от Латвии, я очень люблю Латвию, мне она нравится, тут спокойно. С детьми хорошо. И насчет порнографии вы тоже... эээ... преувеличиваете. Но я не буду тут вдаваться в споры. Вы вызвали меня, чтобы тут оскорблять, что ли?! Хотите – высылайте меня, но нечего унижать. Все, я все сказал, можете говорить теперь. Чего вам нужно-то от меня?

– Да, в общем-то, мы и вызвали вас, чтоб помочь. Ну, то, что у вас вид на жительство скоро надо менять, заодно поговорить, узнать ваше настроение, но в основном помочь. Я же вам в самом начале сказал, что выход есть. Что вам может помочь, так это спорт, физическое развитие, самосовершенствование, а с другой стороны, возможно, вы бы меньше нервничали, если бы мы выдали вам, скажем, паспорт нашей страны, а также еще можем выдать вашей семье, чтоб вы уже перестали нервничать по поводу того, депортируют вас отсюда или не депортируют, ребенок бы ваш спокойно доучился и не пошел в армию, и вы теоретически могли бы баллотироваться в президенты, с вашим-то умищем.

– Не издевайтесь.

– Извините. Короче – перезагрузка, вот что вам нужно. Все заново, всех бросить, все оставить, начать жизнь по новой. А то ведь так, знаете, и получится: летят за днями дни, и каждый час уносит частичку бытия, а мы с тобой вдвоем предполагаем жить, и глядь – как раз умрем. Давно завидная мечтается мне доля, давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег.

– Не понял, что вы хотите-то в итоге?

– Мы хотим, чтоб вы потренировались немного у нас на базе, поиграли бы в футбол, или, возможно, не в футбол, а так просто потренировались, тренеру виднее, конечно, какой вид спорта там будет, это пока все, что я могу вам сказать, но условия, кажется, просто царские. Денег вам, правда, не дадут, ну, зато на всем готовом. С работы придется уволиться, не просто уволиться, а уволиться прямо сегодня, даже не просто уволиться прямо сегодня, а просто не выходить на работу больше никогда. Имя мы вам придумаем новое, будете считаться пропавшим без вести, семье выплатят какую-то компенсацию и дадут гражданство уже через месяц.

– Сколько времени у меня есть подумать?

– Нисколько. Или сегодня, или никогда. Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит.

– ...

– Никогда.

– Что ж, идите. Вы свободны, не смею вас дольше задерживать. На свете счастья нет, но есть покой и воля. Кстати, у вас же есть счет в «Альфа банке»? в Москве?

– Да, – сказал Рональд Брейтуэй и вышел, ну, а что ему оставалось делать.

Похолодало, и на землю опустился вдруг густейший туман

Рональд позвонил Ниде. Латвийский телефон не работал, холодный женский голос сказал, что нет средств. Позвонил с российского телефона – званахания невар атбилдет,

абонент вне зоны доступа.

Сел в машину, повернул ключ – не завелась. Вытащил ключ, снова вставил – иногда это помогало, но не сейчас. Знакомое чувство холода внутри, он его испытывал много раз, например, когда знакомый троллейбус вдруг сворачивал не на ту улицу, или что-то падало из рук и летело с шестнадцатого этажа вниз, или просто при воспоминании о том, как сам сидел на перилах и отклонялся назад, запоздалый и подлый страх падения – пару раз это с ним случалось и когда машина вот так вот не заводилась и даже не подавала признаков готовности завестись. Тогда он решал эту проблему перезагрузкой – выходил, закрывал дверцу, раскрывал дверцу, садился за водительское сиденье, вставлял ключ, заводил. Он вышел, закрыл дверцу, раскрывал дверцу, сел за водительское сиденье, вставил ключ. Не заводится. Мертво. Мертво как череп свиньи, как спортивный вымпел, как пустая бутылка из-под розового вина. Целый год собирался, но так и не обзавелся телефоном эвакуаторов – звонить некому. Кстати уж попытался снова набрать номер Ниде – по-прежнему вне зоны доступа.

Пошел пешком до работы – там интернет, там можно пополнить баланс, чтобы был хотя бы телефон, можно найти телефон эвакуаторов. Дойдя до офиса, обнаружил, что здание оцеплено полицией и скорой помощью. Рональд спросил у полицейского, как нотиекс, тот ответил что-то по-латышски – Рональд привычно ничего не понял, расслышал только «карантин».

Погода для ноября была удивительно теплая. Листья почти все облетели, но на некоторых особо стойких деревьях остались. Вечер только начинался. У Художественного музея Рональд сел в троллейбус номер двенадцать, поехал через мост, ветер гнал волны по Даугаве против течения. В троллейбусе сидела рыжая женщина с пирсингом, о которой Рихард сказал, будто она болеет венерической болезнью. Женщина выходила обычно за одну остановку до конечной, а Рональд на конечной, там троллейбус отдыхал, разворачивался и ехал обратно. Так было и в этот раз. Троллейбус доехал до конечной, но дверей еще не открыл. В окно Рональд увидел своих детей: они шли из школы, все трое, в ярких красивых курточках, с ранцами, пиная последние листья, старший, сын, с привычным недовольным выражением на лице, младшие, дочери, размахивают руками и поют, по всей видимости, песню. Они шли вместе с Ниде, которая говорила по телефону. Двери троллейбуса все не раскрывались, его семья прошла совсем рядом, Рональд стал беззвучно махать руками, стараясь привлечь их внимание, и тихонько стучать по стеклу (кричать почему-то стеснялся), но тут сын буркнул что-то, Ниде ответила ему резко, дочери перестали петь и смотреть по сторонам и сосредоточились на том, что происходит между братом и матерью. Двери троллейбуса все не раскрывались. Рональд стал ломиться наружу, вспоминать, где это «выдерни шнур – выдави стекло», или где висит специальный заостренный молоточек для выбивания стекла, и стоит ли им пользоваться и случай еще не экстренный (точно же не аварийный) – и пока он метался, троллейбус тронулся, поехал по маршруту. Как назло, на улицах почти никого не было, троллейбус останавливался на остановках, но по-прежнему не открывал дверей. Ниде только что говорила с кем-то по телефону, и Рональд рассудил, что дозвониться до нее теперь можно – но нет, нельзя. Снова званадания невар атбилдет.

Троллейбус переехал Даугаву, и на перекрестке Зигфрида Анны Мейеровица и Бривибас Рональд снова испытал мгновенно отпустивший холод: вместо того чтобы пойти налево, троллейбус вдруг поехал прямо. Свернув с маршрута, он доехал до центрального рынка, остановился там и наконец раскрыв двери, после чего тут же заполнился пенсионерами с пластиковыми пакетами с помидорами. Пенсионерам с помидорами, видно, все равно было, куда ехать – двенадцатый троллейбус не должен ехать мимо центрального рынка, и уж тем более непонятно было, куда он пойдет дальше. Рональд на всякий случай вышел.

По улицам курсировало дикое количество полицейских на велосипедах. Рональд видел их из окна троллейбуса.

На ворота человек в спортивном костюме наклеивал сразу в двух экземплярах листовку «разыскивается», на которой Рональд уже без удивления узнал себя. Он побежал на автостанцию, чтоб купить билет до Эстонии или до Литвы, пока листовка не разошлась по городу, встал в очередь к кассе – но стоявший прямо перед ним еще один человек в спортивном костюме просунул прямо в окошко какой-то листок и что-то сказал кассирше по-латышски, на что та стала усердно кивать. Рональд поспешно вышел.

Он отключил мобильный телефон, даром что на нем не было денег, снял, сколько мог, наличных в банкомате. Отходя, услышал завывание сирен – то ли полицейских, то ли скорой помощи, а может быть, вообще социальных служб или портовых работников. На всякий случай к вокзалу тоже не пошел. Пользоваться телефоном и карточкой точно нельзя, зато, по крайней мере, у него довольно много денег. Купил в киоске сэндвич.

Смеркалось. Рональд дошел пешком до моста и увидел, что на набережной люди в спортивных костюмах выборочно проверяют у людей документы. В такой ситуации безопаснее ехать в троллейбусе. Он сел в подошедший троллейбус номер девять, и, пока ехал, ему пришло в голову, что и домой являться пока не стоит.

Рональд вышел на Кипсале. Было уже совсем темно. Торговый центр «Олимпия» закрывался, машины разъезжались со стоянки, улицы пустели.

Где поздней осенью человека никто не сможет найти? Вернее, так: где никто не будет его искать? Никто не будет искать человека на ветреном пляже около реки. Проблема только в том, что когда человек захочет согреться или поесть, он обязательно выйдет туда, где искать его будут; но и то передышка. Рональд подошел к реке.

В ноябре пляж на Кипсале пустынен не только по вечерам, но и примерно всегда. Летнее кафе закрыто, на волейбольной площадке никого нет, детский городок в виде огромного корабля стоит пустой, ветер треплет его канаты и паруса. Яхты стоят в зимних доках, лишь несколько поздних лодок пришвартованы к марине. Ветер дует с моря, поэтому волны вздымаются высоко и движутся против течения реки. Уровень воды повысился настолько, что волнолом, ведущий к маяку марины, залит. Это нельзя даже назвать ветром: это равномерный напор воздуха, перемещение воздушных масс и, по возможности, некоторых наземных и надземных не воздушных масс. Никого нет, только чайки борются с напором воздушных масс и по большей части проигрывают. Вантовый мост снизу очень красив. Он ярко освещен со стороны реки, и тень от вант, должно быть, напоминает паутину (если найдется достаточно протяженный экран, куда эта тень будет падать). Речной пляж заканчивается полем, покрытым бурой травой, в свою очередь, отделенным от проезжей части каменным парапетом. Рональд Брейтуэй сел под парапет, чтобы согреться и укрыться от удушливого равномерного напора воздуха. Жутко похолодало, и на землю опустился вдруг густейший туман.

За все три года в Риге Рональд ни разу не видел полицейского на велосипеде, а сегодня, во время своих поездок на троллейбусе, увидел сразу четверых; вряд ли именно сегодня все полицейские Риги пересели на велосипеды. Это явление называется феноменом Баадера-Майнхоф. Рональд сформулировал для себя феномен Баадера-Майнхоф в квадрате, или феномен Баадера-Майнхоф второго порядка, или метафеномен Баадера-Майнхоф, объясняющий тот факт, что с писателем *всегда* происходит то, о чем он пишет в своей книге (часто даже после того, как он ее написал). Все важное или маловероятное происходит именно тогда, когда ты готов к его восприятию. Просветление наступает только тогда, когда ты прошел необходимое обучение и вложил в это необходимое количество труда. Если ты не думал вчера о феномене Баадера-Майнхоф, никакое количество полицейских на велосипедах не сподвигнут тебя это сделать. По этому принципу работает и магия. По этому принципу работают и предсказатели – *каждый* гороскоп верен для каждого пациента.

Если вдруг видишь, как пишутся в небе письма, то второй мыслью будет такая, что это, скорее всего, Бог говорит с тобой, а третьей мыслью, что ну почему Бог, почему не дьявол,

не инопланетяне, не некие сущности, внешние по отношению к человечеству. И вообще они могут сами по себе писаться.

В любом случае, к этим письмам следует относиться серьезно. Не разбрасываться шансами, письма в небе увидишь не каждый день.

На мгновение показалось, что мир наполнен невидимыми существами, страшными и добрыми, огромными и маленькими. Показалось и тут же прошло.

Дальнейшее размышления над письмами (или под ними) дают следующее: получается, что в пространстве имеется некоторое двумерное, скорее всего, многообразие, на котором кто-то пишет тебе указания. Если указания пишутся на русском языке, то с вероятностью примерно одна вторая автор пишет справа налево и в зеркальном отражении.

И если в небе показывается некая схематическая карта, похожая больше на паутину, симметричная относительно того, что можно условно принять за реку, то как понять, к западу или к востоку от нее следует идти?

Ужас, красота и мощь в этой паутине, и, когда смотришь на нее, единственное, что может охватить смотрящего, это восторг. Как особенно яркий сон, впечатывается она в память. И чтобы в дальнейшем вызвать ее, достаточно вспомнить острое чувство одиночества и безнадежности, ощутить напор воздуха, вдавливающий тебя в гранитную ограду, и внезапный холод.

На Вантовом мосту жутко завывали сирены. Полицейские машины с мигалками окружили пляж.

Никаких новостей от Рональда

Ниде как раз забирала одного ребенка из школы, а двух других из садика, когда позвонил телефон. Я сегодня не приду, сказал голос Рональда. Ладно, хорошо, поняла, сказала Ниде. Срочная работа? Нет. Завтра я тоже не приду. И вообще не приду, по крайней мере полгода, но, скорее всего, никогда. Что случилось-то? – сказала Ниде. Как так? Погоди, не перебивай, будешь перебивать, задавать вопросы – повешу трубку, отключу телефон, до меня не дозвонишься. Понятно? Да, сказала Ниде. А что слу...? Я же говорил, что не надо задавать вопросы. Все, пока.

Они шли мимо троллейбусного кольца двенадцатого номера в Āgenskalna priedes, все в красивых новых курточках, дочери поют песни про маза маза мэйтените, пинают листья, сын ворчит на них и тоже пинает листья. С конечной тронулся синий троллейбус, Ниде даже не посмотрела на него: – Тише ты, дай поговорить! – закричала она на сына так, что одна бабушка даже оглянулась и спешно перешла дорогу, – и стала звонить Рональду. Механический мужской голос сказал, что званахания невар атбилдет. Ниде позвонила еще несколько раз, но какой смысл.

– А что мы сегодня будем есть? – сказал Леша.

– Что ты все есть да есть! С голоду не помрешь, перестань спрашивать.

Дома Ниде все пыталась дозвониться до Рональда. Она написала ему в фейсбуке, в телеграме, в инстаграме, SMS. Рональд не отвечал.

– Папа не придет, у него работы много, – сказала она детям. – Вот вам на ужин пельмени.

Когда дети заснули, Ниде пошла в полицию.

– Пропал мой муж, – сказала она дежурному полицейскому.

– Давайте напишем заявление, – сказал полицейский с характерным акцентом. – Когда пропал ваш муж?

– Сегодня.

– Когда он должен был вернуться?

– Ну... вечером, с работы. Так и не вернулся.

– У вас были какие-нибудь ссоры, размолвки?
– Ну... нет, в последнее время ничего. Ну так, как муж с женой, ругались, конечно, немного из-за детей, но так, ничего особенного. Он позвонил мне и сказал, что уходит, полгода его не будет.

– Так чего же вы от нас хотите? Может быть, придете через полгода?

– Он сказал, что полгода это минимум.

– Но ведь он вам сам позвонил.

– У него голос был какой-то странный!

– Понимаете, если муж захотел уйти...

– Погодите! Это он звонит!

– Я звоню, потому что должен тебе все-таки еще кое-что сказать. Если хоть словом перебежешь, брошу трубку и больше не перезвоню. И это так и останется неузнанным. Никогда. Ясно?

– Да, – сказала Нида.

– Хорошо, – продолжил голос Рональда, убедившись, что больше реплик не будет. – На твой счет я перевел немного денег, посмотришь, но на год точно должно хватить. Машина стоит около первого отделения миграции. Карта кодов от интернет-банка – в верхнем ящике комода. Еще есть наличные в моей книге, точную страницу не помню, но на ней написано: «собирается в дорогу, не зная, куда он идет, не сверившись ни с картой, ни с расписанием, не наметив маршрут и привалы, не вникнув в прогноз погоды, имея лишь самое смутное представление о походном снаряжении, которое ему понадобится, о возможной продолжительности экспедиции, о сумме денег, которая могла ему потребоваться, и даже о самой деятельности, которой ему предстоит заняться, и, следовательно, о средствах, которые для этого необходимы. И однако же я насвистывал, набивая свой рюкзак минимумом содержимого, подобного тому, которое». Вот там. Ты все поняла?

– Да.

– Повтори.

– Собирается в дорогу, не зная, куда он идет, не сверившись ни с картой, ни с расписанием, не наметив маршрут и привалы, не вникнув в прогноз погоды, имея лишь самое смутное представление о походном снаряжении, которое ему понадобится, о возможной продолжительности экспедиции, о сумме денег, которая могла ему потребоваться, и даже о самой деятельности, которой ему предстоит заняться, и, следовательно, о средствах, которые для этого необходимы. И однако же я насвистывал, набивая свой рюкзак минимумом содержимого, подобного тому, которое.

– Правильно, молодец. Еще раз говорю, что искать меня бесполезно, давно, усталый раб, замыслил я побег. Проблем у тебя быть никаких не должно, денег хватит. Вернусь я через год или даже позже (кстати, срок был бы полгода, если б ты меня днем не перебивала) – так вот, вернусь не ранее, чем через год, так что, конечно, можешь считать себя свободной от всяких супружеских обязательств и так далее. Ну, что еще? Да ничего. Жаль, что все так вышло. Пока.

– Может, вам воды дать? – участливо спросил полицейский.

– Примите все-таки заявление, – сказала Нида. – Вы обязаны это сделать. Спасибо.

– Вы, кстати, можете еще обратиться к частному детективу, – посоветовал ей полицейский, когда заявление было принято. – У меня есть тут друг один, Эйнар, сейчас найду телефон.

На другой день оказалось, что номер Эйнара в ее телефоне сохранен, а сам Эйнар поприветствовал ее по имени. Откуда вы меня знаете, удивилась Нида. Работа такая, засмеялся Эйнар. Договорились встретиться вечером в Иманте, в секции дзюдо.

Секция дзюдо располагалась в цокольном этаже здания, в котором также были

продуктовый магазин, секция йоги, парикмахерская, салон красоты. Ниде спустилась по лестнице. Эйнар вышел к ней в кимоно.

– Занимайтесь, занимайтесь, – крикнул он невидимым Ниде ученикам, а Ниде спросил:

– Что, болеет Леша?

– В смысле?

– Ну, не пришел сегодня.

– А... так вы, наверное, его тренер?

– Ну да. А вы меня не узнали, что ли?

Лешу на дзюдо все время возил Рональд, а куда он его возит и как зовут тренера – Ниде и не помнила. Наверно, звонила ему как-то, потому в телефоне и остался его номер.

– Рональд мне говорил, что вы девочек еще хотите записать, потому и приехали.

– Девочек... Нет, я к вам как к частному детективу приехала. Мне вас Марис посоветовал.

– А, ну вот так, значит. Влад, закончи там, осталось десять минут, – и они прошли в отдельный кабинет.

Через десять минут Эйнар сказал:

– Ну да, ну да. Тут сложно что-то сделать, но мы попробуем, конечно. Чем сможем, поможем. Влад, закончили там? Подойди. Вот у Ниде муж потерялся, нужно будет найти. Помнишь Рональда, папу Алексея? А это мама. Приятно познакомиться. Как раз папу и нужно найти. Нет, фотография у меня есть, мы же с ним на фейсбуке дружим. И телефон тоже. Вы не беспокойтесь, у нас сеть дзюдоистов по всей Латвии огромная, ну, и в Литве с Эстонией есть, и в Белоруссии, и в России особенные связи, ну вы понимаете, сами же из России приехали. Будем искать. Шансы есть.

– А сколько это будет... эээ...

– Пока нисколько. Вы, кстати, девочек-то надумали к нам записать? Ну мы вам сообщим, если вдруг какая информация будет. Взяли в работу. Так бы отказались, сложное дело, но родителям своих учеников не отказываем, нет, не отказываем.

Время шло, вестей от Эйнара или из полиции все не поступало. Но работы явно велись: однажды на центральном рынке Ниде видела, как человек в спортивном костюме буднично наклеивает на ворота листовку со словом *meklēšanā* и портретом Рональда – рядом с другим точно таким же портретом и словом *meklēšanā* – но человек в спортивном костюме, кажется, этого даже не заметил. На листовках были указаны разные телефоны. В другой раз Ниде остановил и проверил документы еще один (возможно, тот же самый) человек в спортивном костюме. Не исключено, что он тоже искал Рональда.

Проблем с деньгами на самом деле не возникало, хотя и пришлось платить няне больше за увеличившееся время работы. Детям она сказала, что папа уехал в длительную заграничную командировку, а когда вернется, обязательно привезет им подарки.

СТРАНА ГНОМОВ

«***»: Первый сезон

– Давай, Рональд, приходи за нас, – сказал Сурен Степанянц, – будем играть в ЛФЛ, вторая лига Юго-Запада, через два года план попасть в вышку. Команда «Три звездочки».

– Почему «Три звездочки»?

– Есть причина. Так что, будешь?

– А кто еще?

– Да ты вряд ли кого знаешь. Ну, в основном с факультета тут, еще пара игроков со стороны, в общем, мои знакомые, я собираю. Не знаешь ты никого.

– А Андрюха будет?

– Нет, Андрюхи не будет. Он нам не подходит.

Но Рональд все равно согласился. Сборная факультета был чемпионом МГУ, сборная МГУ – чемпионом ВУЗов Москвы, глупо было отказываться, хоть Андрюху и не позвали. Играющим тренером Сурен назначил себя, и сразу предупредил, что вольностей не допустит, кого поставит на игру, тот и будет играть. Сам он был защитником, и на игру себя ставил не всегда, гордился своей беспристрастностью и объективностью.

Инструкции Сурена сводились к таким:

– Поиграй в защите; проявишь себя – поставлю в атаку; выбери себе нападающего и опекай его, не отлипай от него; когда мяч у соперника, особенно при стандартном положении, смотри на игрока, а не на мяч; не выдергивайся; при прессинге перекрывай фланги, пускай по центру пас дают; если есть возможность, давай Артему; вперед не беги.

Артему было за сорок, бегал он медленно и некрасиво, зато играл технично. Хвастался:

– Отдыхал в Турции. Смотрю – играют на пляже. Тоже решил немного побегать. Был там один молодой. Ну, я его поучил немного – между ног там прокинул, пообводил. Никак у меня отобрать не мог. Потом подошел, попросил обучить кое-чему, когда закончили все. Позанимался вот с ним индивидуально. Рассказал ему. Потом оказалось, что это Данишевский.

– Да ты что? Тот самый Данишевский?

– Ну да, – скромно ухмылялся Артем.

В атаке бегал аспирант Солодов. Аспирант Солодов был щупл и редко забивал голы, зато изображал прессинг, чтобы соперник напугался и потерял мяч, который в итоге достался бы Артему, а тот кого-нибудь обвел бы и дал пас Яше или Леше, а Яша бы уже забил. Яша был как раз из друзей Сурена: он не относился ни к факультету, ни к МГУ, ни чуть ли не к Москве, ездил на игры из дальнего пригорода или из деревни, самородок.

Вратарем был Серега, который когда-то учился в академии «Спартак» или «Динамо», или еще какого-то клуба высшего дивизиона. Он получил там ценный навык падения, ведь вратаря, как известно, можно всегда отличить от полевого игрока по тому признаку, что первый легко готов упасть и в воротах, и на поле, а второй только на поле, а в воротах не готов.

Остальные были студенты-старшекурсники.

В Юго-Западной второй лиге ЛФЛ (сокращенно ЮЗВЛЛФЛ) «Три звездочки» быстро вышли на первое место и так и шли на нем, отбиваясь от наскоков команд, поочередно занимающих второе место. Приезжали на стадион, собирали деньги для арбитра. Поле было без раздевалок, приходилось переодеваться на скамейках, под дождем, под снегом; кто приезжал на машине, тот, конечно, предварительно и дома мог переодеться, но переобуваться все равно приходилось у стадиона, ведь жать на педали шипами неудобно; Рональд, впрочем, все равно добирался общественным транспортом, садился в автобус, всегда полупустой в восемь утра в воскресенье, потом пешком еще минут пятнадцать. Сначала по парку, выгодно отличавшемуся от соседских парков наличием фонаря; потом через снег к гаражам, потом между гаражами и мимо закрытого шиномонтажа, перед которым тоже всегда горел фонарь; через три гаража от шиномонтажа по узкому темному проходу, который и на свету-то сложно увидеть, если не знаешь; снова между гаражами, только уже другими, выйти за ворота, там еще один шиномонтаж, уже открытый, и там постоянно играет музыка, группа «Демо»; по дороге без тротуара и с сугробами, и в одном месте с какие-то собачьи питомники, что ли, постоянный собачий лай за заборами, страшный, дикий. Собаки с двух сторон дороги заводили друг друга, бросались на забор, гремели цепью. Вскоре после собак дорога к гаражам и шиномонтажу вливалась в обычную дорогу, с которой нужно было только свернуть в определенном месте по

снегу на тротуар – и потом уже во дворы, где играли на школьном стадионе.

Протаптывали в снегу центральную линию, боковые, границы штрафной площадки и вратарской, надевали манишки, к тому времени уже потихоньку светлело, начинали играть.

Забивали много. Рональд регулярно выходил в основе, всегда по указанию Сурена отработывал в защите, выбирал своего нападающего, вперед не бежал, смотрел на игрока, а не на мяч, иногда не выдерживал и выдергивался (и тогда получал от Сурена замечание; три замечания – автоматическая замена), по возможности давал пас Артему, вперед не бежал – и оттого голов не забивал. Однажды «Три звездочки» выиграли у команды «Тонна» со счетом 19:3, и в протоколе на имя Рональда был записан всего лишь один голевой пас.

Полный состав на игру набирался не каждый раз, кто-нибудь постоянно болел, улетал в командировки на конференции или сдавал экзамены. Рональд всегда выручал, приходил вовремя, в защите был полезен, в атаке бесполезен. Вторым таким безотказным был деревенский Яша. Рональд чувствовал, что мутирует в настоящего защитника: утрачивает скоростные качества и хуже бьет по воротам. Зато улучшились первый пас, вынос, а также такие способности, как смотреть на игрока, а не на мяч, не выдергиваться и по возможности давать пас Артему. Когда же, когда смогу я себя проявить и стану полузащитником, думал он.

– Я проявил себя, мне пора в полузащиту? – спрашивал он у Сурена.

Сурен не знал, куда и поставить такого замечательного игрока, и отвечал уклончиво.

У команды все шло по плану. Выиграли ЮЗВЛЛФЛ, вышли в первую лигу. Рональд все играл и играл защитником. Во втором сезоне «Три звездочки» усилились легионерами, нашли второго вратаря, народу теперь хватало всегда, поле стало лучше, это выражалось в том, что, когда не было снега, запрещалось бегать в железных шипах, только в сороконожках. Раздевалок не было все равно. В середине сезона команда еще усилилась, и Рональд уже не всегда попадал на поле.

Говоря прямо, к концу сезона он вообще перестал попадать на поле. Юридически он значился (и выходил) в стартовом составе, фактически только этим дело и ограничивалось. Стратегема Сурена была такой:

Тренеры получали от судьи стартовые составы команд соперника и в соответствии с ними определяли план на игру. Рональд, соответственно стартовому протоколу, выходил на поле с самых первых минут. Когда Сурен разбирался в тактике вражеской команды, он менял Рональда, поражая сразу две цели: усиливал команду, адаптируя ее под его вражеский план, а также смешивал все заготовки соперника. Чтобы разобраться в тактике, Сурену нужно было минуты три. Он был очень гибким и умным тренером! за это его прозвали Ферги. Остаток матча Рональд досиживал на скамейке и уходил домой всегда в плохом настроении. Это превратилось в правило. Рональд растренировался, набрал вес и, если все-таки иногда выходил на замену, играл плохо. Вратарь Серега смотрел на него с сочувствием.

В мае, когда стало понятно, что все идет в соответствии с планом, и первую лигу они выиграли тоже, и вышли в высшую лигу Юго-Запада, играли матч на кубок, с командой «Виктория», многолетним чемпионом вышки. В «Виктории» играли два сына Валерия Георгиевича Газзаева (того самого), Вован и Аслан, и про нее говорили, что подсуживают ей именно поэтому. «Три звездочки» в этом матче считались обреченными. К Сурену подходили тренеры других команд и с облегчением выражали ему возмущение результатами жеребьевки.

Рональд как-то и не думал, что его вызовут, накануне вечером пил пиво с Андрюхой и проспал бы матч, если б его утром не разбудил звонок Сурена.

– Так что, ты идешь? – спросил, как обычно, Сурен. – Приходи, я на тебя рассчитываю.

– Ага, – сквозь сон ответил Рональд, неохотно собрался и даже чуть не опоздал. Придя на матч, он увидел там всех-всех-всех, кто хоть раз в течение сезона выходил на поле. Запасных набралось человек двадцать.

Капитаном «Виктории» был Вован Газзаев, а Аслан Газзаев, наоборот, остался в запасе.

Рональд вышел на поле, через три минуты его привычно заменили.

Вован Газзаев играл в той же манере, в какой играл когда-то его отец: постоянно торчал в оффсайде, получал мяч, разворачивался, несся к воротам, как носорог, ломая всех на своем пути, опять же как носорог, и забивал. Понимая, что судьи не будут свистеть против Вована, Сурен заготовил против «Виктории» особую тактику, которая заключалась в том, чтобы никто не мог дать ему пас вперед. Солдаты Сурена бегали как сумасшедшие и как безумные прессинговали «Викторию». Сил на это требовалась уйма, поэтому Сурену и нужен был весь наличный состав. Выпускали даже второго вратаря (в поле), выпускали даже Рональда, и он, отвыкший от нагрузок, бегал пять минут, его снова меняли, он тяжело, почти до рвоты, дышал, потом меняли еще кого-нибудь, еще кого-нибудь, и еще кого-нибудь, и снова доходила очередь до Рональда. Артема, бегавшего хорошо, но медленно, Сурен отправил отдыхать в середине первого тайма, когда мяч все-таки дошел до Газзаева, и тот забил гол. В том матче Артем больше на поле не выходил.

В соответствии с планом тренера Рональд выходил на позиции не защитника, а правого вингера. Его задачей было прессинговать соперника, а также по возможности простреливать в центр, чтобы Яша или Леша могли забить.

Рональд получал мяч, прессинговал, делал кроссы – и его команда держалась, счет не менялся. Один раз ему удалось чисто, подкатом, отнять мяч у самого Вована! Вован даже не среагировал, а когда упал, было уже поздно, мяч переместили вперед, и судья падения Вована не заметил.

Один раз вместо того, чтобы в соответствии с установкой тренера дать пас в центр, Рональд неожиданно даже для себя прокинул мяч вперед справа от защитника «Виктории», вышел к лицевой линии и хотел сделать пас уже оттуда – но во время рывка потерял силы, мяч сорвался с ноги и не полетел во вратарскую, а довольно медленно покатился в ближний угол ворот. Опытный вратарь «Виктории», по замаху понявший, что Рональд будет давать пас, вышел на перехват, мяч пошел ему в противоход – и получился ГОЛ. Один – один.

– Красава! – закричал вратарь Серега и даже перекувырнулся от радости, а Яша подбежал и обнял Рональда. Рональд же просто сделал радостный жест рукой и побежал к скамейке запасных – его как раз меняли на свежего правого вингера.

Аслан погрозил со своей скамейки запасных Рональду кулаком и грязно выругался.

– Ты молодец, но нужно было просто пас сделать, там Яша один стоял, – сказал ему Сурен.

– Ну я же забил.

– Ну да, молодец, но там рискованно было.

– Никакого риска.

– Рискованно, могли перехватить и отдать Вовану. И не спорь со мной.

– Ладно, как скажешь, извини.

– Индивидуализм есть феномен самоограничения реальности.

– Че?

– Подумай только, чего ты лишаешься, совершая индивидуальные действия. Ты пользуешься только своими возможностями, отвергая командные. Представь только, что было бы, растворись ты в команде и пользуясь возможностями всех! В этом твоя главная проблема. Вот остальные это норм делают.

Давление на ворота «Трех звездочек» усилилось. Меняться пришлось чаще. Стали выпускать Аслана Газзаева, он целенаправленно бегал за Рональдом. Один раз бортанул, потом пошел ногой в кость, Рональд увернулся, Сурен тут же его заменил и больше одновременно с Асланом не выпускал. В свои минуты на поле Рональд только и делал, что кроссы, как велел Сурен. Когда до конца оставалось пять минут, он снова решил обвести левого защитника – и снова у него получилось, и он забил второй гол, но уже целенаправленно, бил в ворота, а не

пытался сделать пас. На этот раз «красава!» закричала вся команда, кроме Сурена и Артема. Артем слишком был увлечен своей обидой на Сурена, на то, что это не он забил решающий (возможно) гол. Рональд рыбкой бросился на газон и покатился по полю. Аслан Газзаев бесновался и кричал:

– Тоби пыздец!

В итоге «Три звездочки» сотворили сенсацию и выиграли четыре – один, но последние минуты Рональд досматривал матч уже со скамейки запасных.

– Я же тебе говорил: растворишься в общем теле команды! Но останься собой. Все остальные – они части одного механизма, даже тела, например, шестимерного, как будто щупальца у осьминога. А ты как будто на уровне инфузории-туфельки остался. Я строю команду, которая будет одним организмом. Нельзя так, Рональд! А кроме того, у нас и так достаточно нападающих, ты же вообще-то защитник, – объяснил ему Сурен.

– Ты же сказал, что я должен проявить себя – и буду полузащитником.

– Ты что, все еще хочешь быть полузащитником? После всех моих сегодняшних объяснений?

– Ну да.

– Ладно, посмотрим. В общем, вижу я, что ты ничего не понял, очень горько это осознавать. В предсезонке попробуем тебя на полузащитника наигрывать, хотя, понимаешь, каждый человек родился для чего-то определенного. Ты, например, родился быть защитником. Но посмотрим, ладно. Учти, что конкуренция, выходим в высшую лигу, будем усиливаться. Ладно, давай после игры.

После игры ничего не изменилось. До конца сезона Рональд точно так же выходил на три минуты в самом начале, а потом сидел и ждал конца матча.

Прибытие постояльцев

Добраться до гостиницы непросто. Во-первых, нужно подняться по скользкой дороге – под дождем, в сверкании молний, этот подъем напоминает восхождение на гору (наверно). Ботинки скользят по грязи, если не держаться хотя бы за поверхность земли, есть риск упасть в пропасть, сорваться в жилые районы, на проезжую часть, где с максимально дозволенной скоростью пятьдесят километров в час ездят автомобили, в такую погоду тормозной путь усиливается. Да скорее всего и не будет никакого тормозного пути, потому что в таком освещении почти не видно, что кто-то упал со склона холма прямо на дорогу, одежда темная, светоотражающих элементов нет.

Тут, на холме, тоже есть какая-то жизнь, как и внизу, в основном неорганическая: стоят здания, аптека, почему-то еще банк. В сухую погоду сюда могут забираться машины с полным приводом, доказательством чему вообще наличие хоть какой-то дороги; но в тот день, конечно, не было никакого риска, что по дороге поедет машина и задавит барахтающегося в грязи покорителя вершин. Ни в одном доме не горел свет, зато на улице имелись фонари, в количестве примерно одного на квартал. Ветер мотал их, и все визуальные ориентиры перемещались с высокой скоростью, и на них нельзя было положиться. Иногда в просветах между облаками показывалась луна, но она не очень помогала.

Всюду висели какие-то веревки, например, из окон свисали веревки для подъема мебели, со столбов свисали веревки для белья, со стен иногда свисали полотнища национальных флагов; только хватаясь за все эти веревки, а иногда и просто за ставни, за стены и т.д., и можно было подняться до вершины.

Гостиница стоит на самом высоком месте, вокруг нее с трех сторон холм обрывается, улицы равны ущельям. Перед входом – навес, под ним образовался свободный от грязи и от сырости пятючок асфальта. Подойдя, можно было обнаружить, что входная дверь гостиницы

освещена, но видно это было это лишь в непосредственной близости от нее, потому что освещена она была снизу; в то время как обычно фонарь зажигают над дверью, в данном случае никакого фонаря не висело, свет пробивался из-под щели.

Я встал на колени, наклонился и заглянул в щель: свет шел откуда-то словно из-под пола, слепил глаза, и, кроме света, ничего было не видно, только тьму внутри, откуда пахло теплом.

– Есть здесь кто-нибудь?

– О, добрались наконец, – отозвался голос изнутри. – Ну что ж, молодцы, заходите.

– Я один, – сказал я.

– Добрались наконец. Ну что ж, молодец, заходите.

– Как это сделать? Вы мне дверь откроете?

– Дверь, понимаете, заклинило. Придется пролезать.

– Как заклинило?

– Ну так, заклинило.

– То есть вот так прямо лезть?

– Да тут чисто, сухо. Сухо же там?

Слышно было плохо, так свистел снаружи ветер.

– Да.

– Ну, вот.

Я помедлил.

– А давно ее у вас так заклинило! – крикнул я. – Может, починят скоро!

– Да уж месяцев восемь. Можете ждать, конечно, но вряд ли ее скоро починят. Ну, если только после Нового года.

– А окна!

– Окон нет.

Действительно, окон нигде не было.

– Как же вы вылезите!

– Слушайте, вы лезете или нет?

Я полез под дверь. Вот говорят – главное, чтоб голова пролезла, если голова пролезет, то и все остальное пролезет. Это не всегда верно. Когда имеешь лишний вес, самое тяжелое в таких ситуациях – это не живот, не голова, не задница. Самое тяжелое – протолкнуть грудь. Льстишь себе, что не толстый, просто много мышц, развитая грудная клетка – на деле на грудиросло довольно много жира, в зимней одежде не проползти, нужно расстегиваться, и когда ползешь в легкой одежде, большее всего соскам. У меня, впрочем, даже учитывая лишний вес, голова большая, все равно самое опасное место, наравне с грудью.

– Тут ступенька, осторожно, – сказали изнутри. – Лучше лезть ногами вперед и на животе. Ну, как Винни-Пух.

Я полез как Винни-Пух. Чтобы верхняя одежда не задиралась и не мешала, я ее снял и оставил снаружи у самой щели. Пролез до пояса, но все еще не коснулся ногами земли. Остановился и попытался полезть обратно.

– Лезьте дальше, немного до пола осталось, – сказал голос. – Не бойтесь. Я вам сейчас стул подставлю.

Я полез дальше, с трудом протиснул грудь, и нащупал ногами стул ровно в тот момент, когда в щели оставалась только голова. Если бы сейчас стул подо мной упал или кто-нибудь его выдернул, то, пожалуй, шея-то и сломалась бы.

Но стул пока никто не выдергивал. Я повернул голову набок и стал осторожно протискивать внутрь, стараясь не очень шевелить ногами. Шея болела от неудобного положения, а голова не пролазила.

– Ну что же вы, – торопил его голос. – Пролазьте уже.

– Не пролазит у меня голова, – сказал я в уличное пространство, не рассчитывая, что голос, подставивший мне стул, услышит.

– Что ж у вас за голова такая? – удивился голос. Пожалуй, это не было комплиментом.

– Я стараюсь, стараюсь. Подержите стул, чтоб не упал.

Голос ничего не ответил. Я стал дергать головой сильнее; стул стоял как-то шатко.

– Держите? – спросил я.

– Ну, конечно, держу, – ответил голос. – Но вы давайте поскорее, вдруг еще кто придет. Не надо образовывать тут затор. Погода сами видите какая.

Я изо всех тянул голову, но у меня ничего не получалось. Я лучше обратно полезу, сказал я. Нет, я лучше вперед полезу. Нет, обратно. Нет вперед. Ой-ой-ой! А голос все торопил меня.

Наконец дверь вроде бы немного подалась. Я свалился внутрь вместе со стулом, ободрав ухо. Поднявшись, я обнаружил, что нахожусь в темном помещении с конторкой, за которой сидел высокий худой клерк с бородой. Над конторкой висела тусклая лампочка, а более яркая лампа светила вдоль стены, по которой я спустился, прямо в заевшую дверь.

– Мне бы вещи мои.

– Так поднимите.

Тут сверху какой-то веселый голос крикнул:

– Есть здесь кто-нибудь?

– О, добрались наконец, – сказал клерк. – Ну что ж, молодцы, заходите.

– Еще там и теплые вещи скиньте, пожалуйста, – сказал я. Сверху прилетела одежда.

– Вы что, совсем без вещей? – спросил меня клерк.

– Увы.

– Дверь-то откройте! – крикнул веселый голос.

– Заклинило, лезьте, – сказал я.

– То есть вот так прямо лезть?

– Да там же чисто, сухо.

Голос пошуршал и крикнул:

– А давно у вас ее заклинило-то?

– Девять месяцев! – мстительно крикнул я. – А окон нет! А еще тут ступенька, очень высокая ступенька!

– Ну ладно, – решил голос и спустился вниз. У него не было таких проблем с протаскиванием головы, как у меня, и выглядел он в целом чище – подъем по грязи явно дался ему легче. Он был рыжий.

Потом еще пришло несколько голосов, еще. Клерк молчал, отвечали новеньким те, кто пришел раньше. Так набралось тринадцать человек, все мужчины, насколько можно было судить по бородам. Среди них был рыжий, три карлика (им было очень просто пролезть под дверью, зато сложно нащупывать стул), два, наоборот, очень высоких человека с длинными ногами (обратная ситуация), один среднего роста, но чрезвычайно сильный, и остальные как-то не очень выделялись.

– Ну что ж, все в сборе! – радостно сказал клерк. – Обратите, пожалуйста, внимание, господа спортсмены, я ваш наставник, и я с радостью проведу вас через все этапы подготовки. Меня зовут Артур, но для вас можно Арт. Из уважения к уважаемому Рональду будем говорить по-русски.

Тут сверху кто-то крикнул:

– Есть здесь кто-нибудь? – и нас стало тринадцать.

Преображение Чарли

Как-то слушалось дело о разводе. Разводилась одна известная блюзовая певица, обладательница нескольких дач в Юрмале, и один иностранец.

– Ваша честь, – сказала певица, – иностранец этот не говорит ни по-русски, ни по-латышски, ни вообще ни на каком цивилизованном языке не говорит.

– Как же вы его понимаете? – сказал судья. – Не нужно ли нам позвать сюда переводчика с нецивилизованных языков на цивилизованные?

– Нет, он прекрасно может обойтись без переводчика, и я его прекрасно понимаю, и вы его прекрасно поймете.

– Объяснитесь.

– С удовольствием. Видите ли, ваша честь, этот иностранец – венстрилоквист, или, по-нашему говоря, чревовещатель. В этом-то и специфика нашего брака и нашего скорого (надеюсь) развода. У него есть кукла, Чарли, которая говорит по-русски, и именно посредством этой куклы я все время с ним и общаюсь. А сам он совершенно и абсолютно точно не говорит. Я и ночью его пыталась будить, и по-другому пыталась врасплах застать, и иголкой тыкала – нет, не говорит. Лежит или сидит дуб дубом, или лопочет что-то по-ихнему, а говорить не говорит. Только Чарли может.

– Хорошо, давайте спросим венстрилоквиста.

Чревовещатель все это время стоял рядом, модельной внешности, но натуральный дуб дубом, как чрезвычайно метко описала его певица. Судья спрашивал, как его зовут, место и дата рождения, говорит ли он по-латышски или по-русски. Кукла Чарли тонким голосом переводила вопросы на язык чревовещателя, тот отвечал на своем языке, и потом кукла Чарли транслировала его ответы на русском. Выяснилось, между прочим, что чревовещатель родился в Антарктиде, а по-русски и по-латышски не говорит.

В суде все присутствующие, конечно, оживились, потому что случай уж очень необычный. Набралось ползала корреспондентов, а остальные ползала просто зеваки, работники суда и соседствующей с ним столовой, пришла даже одна женщина-водитель троллейбуса, проезжающего мимо. Поднялся некоторый гвалт, «Тихо!» – закричал судья и ударил молоточком. Все замолчали.

– Так и в чем же ваша проблема? – спросил судья.

– А проблема моя в том, что я желаю с ним развестись! – сказала певица. – Проблемы мои с ним двоякого рода. Во-первых, он меня обманул. Говорит, что любит, а сам не любит.

Чарли переводил все тихонечко на ухо антарктическому чревовещателю, а тот кивал. Потом тоже что-то ему сказал, и Чарли выкрикнул:

– Ваша честь, протест!

– Что такое?

– Я никогда ей не говорил, что люблю!

– Ну как не говорил! – сказала певица, – говорил, у меня на диктофон все записано! Разрешите приложить улики?

– Разрешаю.

Певица включила диктофон, и все услышали писклявый голос Чарли, произносящий: люблю тебя, дорогая, ты жизнь моя, ты судьба моя, хочу на тебе жениться, и так далее. Немножко даже похоже на рэп.

– Вот видите! – сказала певица.

– Да, – сказал судья, – вижу, точнее, слышу.

Чарли перевел все чревовещателю. Чревовещатель шепотом посоветовался с ним, после чего Чарли сказал:

– Так это же голос Чарли! Это Чарли говорит, а не чревовещатель.

Тогда певица сказала:

– Ваша честь, забыла вам сказать как раз. Соответчиком этот Чарли и будет, конечно.

Потому что вентрилоквист долго и красиво за мной ухаживал: и цветы дарил, и в рестораны водил, и так далее. Мы с ним даже выступать вместе ездили, чтоб получше узнать друг друга. Нельзя же так, сразу. Только он никогда, никогда-никогда, совсем никогда не расставался со своим Чарли: и на свадьбу его брал, и в путешествие на медовый месяц, и все время говорил мне комплименты...

– Голосом Чарли?

– Конечно, голосом Чарли, он сам-то ведь по-нашему не говорит. В общем, все было хорошо, кроме вот чего... Извините, я тут... Можно, эти люди выйдут?

– Нет, – сказал судья, – а, впрочем, почему вы хотите, чтоб они вышли?

– Ну ладно, нельзя так нельзя... В общем, почти все было хорошо, но потом он стал, извините, натурально срывать мои выступления! Например, я выступаю, пою, все хорошо, и тут на тебе! Раздается противный голос этого Чарли, он пищит что-то, хлопает в свои маленькие ладошки, перебивает, корчит рожи – в общем, мешает мне.

Рассказ певицы то и дело прерывался голосом Чарли, который кричал, что это не вентрилоквист перебивал певицу, а Чарли перебивал певицу, а вентрилоквист перебивал Чарли, что, дескать, не надо Чарли мешать певице, и гладил его по голове, чтобы успокоить, а певица говорила, что видите, они опять перебивают, а Чарли снова кричал, что это не вентрилоквист и т.д.

– Я запутался, – сказал судья.

– Вот видите? Я поэтому на обоих в суд и подаю. Ни в чем теперь не уверена. Я даже хотела проверить, Чарли это или муж меня перебивал (я тоже муж! – закричал Чарли), и вот что сделала. Во время выступления муж обычно пил подкрашенную водичку, чтоб все думали, что виски, а Чарли одновременно с этим говорил, чтоб все думали, что это на самом деле Чарли говорит, а не муж. А муж пьет виски. И все у них отлично получалось. Так я подговорила оркестрантов, чтоб они подменили водичку на настоящее виски, тогда и посмотрели бы, кто там говорит, Чарли или не Чарли.

– И что, прокололся муж?

– Нет. Он выпил виски вместо воды, и видно, что побледнел, но закашлялся Чарли, а он всего лишь закурил сигарету. Оркестр после того выступления аплодировал им, а не мне! Стоя! В общем, я не могу теперь нормально выступать.

– Это все ваши претензии?

– Нет, не все. Еще есть жалобы на физическое насилие.

– Что ж вы сразу не сказали! Это существенно облегчает дело. Побои?

– Да, побои. Вот, могу продемонстрировать синяки. Это меня Чарли бил.

– А муж бил? – спросил судья.

– Я тоже муж! – закричат Чарли.

– Нет, муж не бил, только Чарли.

– Я тоже муж! – закричал Чарли. Чревовещатель что-то ему сказал, но Чарли его не послушал и отвесил оплеуху. Опять поднялся гвалт.

– Требую уважения к суду! – закричал судья и позвонил в колокольчик. – Требую уважения к суду!

– Извините, ваша честь, – сказал успокоившийся Чарли. – Все дело в том, что у нас не было секса.

– Это правда?

Певица долго не хотела поддерживать тему, но в итоге признала, что да, секса у них не было. После медового месяца все испортилось. Чревовещатель вместо себя всё пытался подсунуть ей эту куклу, чтоб она, значит, занималась любовью с ней, а не с чревовещателем. Да он ее даже и не обнимал никогда, и не говорил с ней по-хорошему, ласково чтобы. По сути, все добро, что она от него видела, было лишь от Чарли, а потом, когда она его (Чарли) отвергла

(будем называть вещи своими словами), Чарли на нее и озлился, и только колотил ее, и во время выступлений перебивал. А тот, вендрилоквист, получается, никогда и не любил ее, пожалуй, да. Все время был холоден, даже буквально, температурно.

Судья рассмотрел это запутанное дело и огласил приговор: очевидно, что чревовещатель серьезно психически болен; развод певице дать; Чарли конфисковать у вендрилоквиста прямо в зале суда.

То, что случилось потом, перешло всякие границы. Чревовещатель, хотя Чарли не озаботился перевести ему приговор, почувствовал какую-то угрозу, напряжение, скопившееся в зале. Он стал озираясь, а полицейские стали осторожно подходить к нему все ближе и ближе. Чревовещатель вскочил и постарался убежать из зала, по пути ему удалось стукнуть одного из полицейских куклой по голове, пнуть второго деревянной ногой (у него была деревянная нога), но один из корреспондентов подставил ему подножку, и он упал. Но у него и с самого начала движения были какие-то неловкие. Полицейские и корреспонденты вместе набросились на него со всех сторон, человек пять держало его сверху, и еще двое пытались сорвать с его руки Чарли. Тогда чревовещатель вдруг закричал по-русски: я встаю, я встаю! Все так изумились, что он наконец-то сказал что-то по-русски, что расступились, и тогда Чарли спрыгнул с руки чревовещателя и стремглав выскочил из зала, пробежав под ногами охранников. Его не нашли.

– А что с чревовещателем? – спросил Серюня.

– А он оказался куклой, – проговорил Чарли. – Пластиковой куклой, соединенным со мной проводами, с помощью которых я им и управлял. Вы не поняли, что ли?! Чревовещателем оказался не вендрилоквист, а Чарли. – Теперь голос доносился от Серюни, а Чарли сидел и даже не шевелил губами. – Это я Чарли! Вот такие дела. Я с детства влюбился в певицу, ну, что значит, влюбился, просто захотел, – но какие шансы у уродливого карлика с рождения? *(От красивого и высокого Серюни слышать это было странно.)* Я выучился чревовещанию, купил пластикового красавца, но все равно мне не удалось ее добиться. Мое раздражение и даже разочарование вполне понятно. Кто не стал бы мстить на моем месте? Теперь-то уж всё, теперь Чарли всё. Если б меня сюда не позвали, я бы уже давно перерезал себе вены или бросился под поезд.

Теперь Чарли был среди нас.

«***»: Новая надежда

В предсезонке Рональд действительно наигрывался в основе, и на первый матч с командой «Селеста» Сурен не выпустил его на первые три минуты, на эту роль он подготовил другого игрока, нелепого студента по имени Макс. Для Рональда это был хороший знак, прогресс по сравнению с прошлым годом, значит, он выйдет на замену и переломит ход игры, как было в прошлом кубке, и уже много раз было в предсезонке. Команда играла хорошо, и замен пока не требовалось, но Рональд знал, что его должны будут выпустить, игроков было немного, кто-то наверняка устанет, где-то надо будет поддавить. Должны будут выпустить на второй тайм. Сурен все время одобрительно смотрел на него, а один раз даже спросил:

– Ну что, готов выйти на второй тайм?

Перед самым перерывом, однако, «Три звездочки» пропустили, и на второй тайм опять выпустили нелепого Макса, которого тут же, впрочем, и заменили. Рональд начал нервничать и поглядывать на Сурена, который нервно и даже в чем-то демонстративно смотрел на поле, не обращая никакого внимания на Рональда. Повод смотреть у него как раз появился – «Три звездочки» пропустили еще гол. А потом еще один.

Матч так и закончился, и Рональд не вышел на поле. В раздевалке после матча он сидел, и на лице его так явственно выражалось, что даже нелепый Макс выходил на поле два раза, а

он, Рональд, не выходил, что Яша просто подошел и обнял его, не умея выразить сочувствие словами, а Леша сказал ему на ухо:

– Даже Макс два раза вышел!

А Серега сказал, но уже вслух:

– Не могу понять, чего тебя не выпустили – такое положение было, мы же проигрывали!

Сурен, когда они вместе с Рональдом шли к автобусной остановке, позже именно этим и мотивировал свое тренерское решение:

– Извини, Рональд, не могли тебя выпустить, такое положение было, проигрывали же.

По этому дефициту он скучал

Телефоны у них отобрали, и вообще, сказали, первые несколько месяцев выпускать не будут. Без интернета поначалу была ломка. Главное, необходимо было проверить, написал ли что-нибудь Белобобр.

У Рональда была проблема, которую на удивление правильно сформулировал бородатый Рихард. С некоторых пор он перестал понимать, за что его держат на работе. Иногда он вроде бы приносил компании какие-то деньги, но, кажется, меньше, чем компания тратила на него. Работа Рональда заключалась в том, чтобы делать «исследования» по заказу нефтяных компаний. «Исследования» сводились к тому, чтобы посчитать какие-нибудь цифры и красиво оформить их в программном обеспечении word, или excel, или даже power point, часто для того, чтобы помочь клиенту уйти от налоговых доначислений, в рамках разумного, конечно. Мыслительных способностей это не требовало или требовало не так много. Бородатый Рихард не знал или просто не посчитал нужным сказать, что, помимо плохих стихов, Рональд писал в рабочее время и плохую прозу. Это было его величайшей тайной, он никому никогда не признался бы, что он «писатель». Работа устраивала его тем, что была аналогична работе дворника, или сторожа, или водителя троллейбуса, оставляющая время на так называемое творчество.

С приходом нового управляющего московским офисом, Белобобра, с прозой не заладилось. Белобобр, как справедливо указал информированный Рихард, был адептом эффективности. Каждый месяц он требовал отчета – сколько дней Рональда ушло на один проект, сколько на другой, сколько на третий. Хорошо, когда проекты были – тогда Рональд мог выполнять исследования быстро, экономя время на «творчество» – конечно, возникали ошибки, но ошибки возникали бы и в любом случае, это неотъемлемая часть работы исследователя. Клиенты в последнее время попадались строгие, влиятельные и важные, Белобобр старался всем угодить, упреждая возможные требования и претензии, заставлял делать Рональда лишние таблички в экселе, документы в ворде или презентации в пауэрпойнте. Это отнимало много времени, зато Рональд понимал, что он занят, он на месте, свои деньги он отрабатывает, риска никакого нет. Последние два года клиенты были настолько требовательные, что Рональд не мог реализовать свои законные выходные – именно летом требовалось доделать то или доделать се. Рональд безотказно оставался на все выходные – и из-за этого ссорился с Нице, которая брала отпуск на своей работе, согласовывая его с отпуском Рональда, в результате чего отпуска не было ни у кого.

Парадоксальным образом Рональд при этом был недозагружен. Когда заказов не было, ему приходилось выдумывать, чем же он занимался сегодня. Сосредоточиться на «большой вещи» не получалось, Рональд постоянно проверял почту, нет ли заказов от Белобобра, переводил статьи в Википедии или преждевременно эякулировал верлибрами или постами в фейсбук, не дав мысли дозреть, и с облегчением брался за все задания старых и новых клиентов. Тупая излишняя работа, которая так бесила его в самом начале, с приходом

Белобобра, теперь приносила ему только радость. Но часто не было и ее.

Неудивительно, что Рональд поминутно проверял почту. Обычно, уходя с работы пораньше по семейным делам, он уведомлял Белобобра о том, что уходит, но доступен по телефону, если что, звони, отвечу, да, сделал табличку, посмотри, завтра собираюсь сделать слайды пять и шесть. Ага, ну да, ага.

Теперь, оставшись без интернета в разгар рабочей недели, он мучался от невозможности предупредить начальство, и заранее придумывал оправдания, почему его не было на работе и почему слайды пять и шесть до сих пор не доделаны.

Переехав три года назад в Латвию, Рональд начал испытывать некоторый дефицит общения. Он и в Москве почти переселился в интернет, но все-таки встречался иногда, два раза в год, с теми, кто приехал в Москву (в случае одноклассников) или не уехал из Москвы (в случае сокурсников). Играл в футбол, сначала за команду в Любительской Футбольной Лиге, потом просто с чуваками, ездил иногда на какие-нибудь шашлыки. Все как у людей, короче.

Общаться, теоретически, в Москве можно было и с коллегами. Но делать этого не хотелось, за исключением рабочих вопросов и не общались, на корпоративы, правда, ходил и по пьянке приставал с разговорами то к Диане, то к Альбине, то к Рите, то к Юле, впрочем, Юля уже замужем и уехала в Германию. По пьянке-то и его никто не отвергал и с удовольствием разговаривал. Дальше продвигаться Рональд не решался, да и не стремился.

В общем, если подумать, в принципе, было чем заняться в Москве и помимо интернета.

Не то здесь. В офисе работало пять человек, таких, с которыми в Москве Рональд бы и словом не перемолвился. Дома сидела без работы Нида. Рональд передвигался по Риге в основном на работу и с работы. Даже на улице мало с кем поговоришь, потому что не знаешь, на каком языке. Даже почти все кафе работают до десяти вечера – и всё.

От тоски записался на русские театральные курсы, но там новая беда: жители Латвии (от национальности это зависит, но не так сильно, как кажется) мало того, что необщительны, они еще и очень церемонны. Видя возраст Рональда, все без исключения старомодно обращались к нему на «вы», сблизиться никто не хотел, а управлять чужим вниманием при помощи обаяния он разучился, делось куда-то обаяние от постоянных войн с Нида и детьми, от переезда, от возраста и от общей усталости.

Не умел он и общаться также и с институциями и невольными коллегами. Искусство общения с институциями и с невольными коллегами почти утрачено в определенных кругах городов-миллионников, хотя в более мелких городах осталось и процветает. Например, полным сюрпризом для Рональда стало то, что первого сентября в школу и даже в садик здесь принято приносить цветы. В Москве никто не смотрит, принес ты цветы или нет, ты можешь позволить себе быть чудаковатым, если у тебя есть деньги – помоги школе, а цветы нести не обязательно. То же самое – ты не обязан помнить дни рождения учителя или воспитателя, не обязан поддерживать отношений с родителями одноклассников детей, не обязан здороваться с продавцом в местном магазине. Зачем, когда все по интернету?

Здесь все по-другому. Не принеся цветов в школу, ставишь себя вне общества. Не помогая отремонтировать комнату в детском саду, ставишь себя вне общества. Твой ребенок, не поздравив одноклассника с днем рождения, ставит вне общества не только себя, но и тебя. Перестав после окончания театральных курсов поддерживать отношения с однокашниками, ставишь себя вне этого конкретного общества. Постов в фейсбук недостаточно. Не освоив в должной мере искусство смол-тока – ОСТАНЕШЬСЯ ВНЕ ОБЩЕСТВА. Деньги не значат почти ничего. Несколько раз поставив себя по незнанию вне общества, Рональд вне общества и остался.

В качестве психзащиты он выработал в себе отношение к местным как к хоббитам и филистерам, занятым своими ничтожными делами. Люди и правда говорили в основном о том, что видят, а интеллектуальной беседой считалось перечисление фактов, как в Википедии.

Мало кто любил говорить об абстрактных материях, а кто любил, находил себе собеседников и без Рональда.

Поэтому Рональд и жил теперь почти исключительно в интернете. Что было хорошо – резко оборвавшееся общение с внешним миром компенсировалось у него в этой гостинице в какой-то мере общением со своими новыми коллегами-иллюминатами, или сборниками. Дефицит общения ему теперь не грозил.

Но он скучал по этому дефициту.

Приводили примеры практики психоанализа

Первое теоретическое занятие было таким.

Сидели в номере Коннова и обсуждали кодекс Серафини, в том смысле, что это, конечно, подделка, никаких таких тайн в себе не скрывает и от этого не такой уж интересный документ – тем более, что сам Серафини на собрании Оксфордского Общества Библиофилов признался, что пользовался не более чем автоматическим письмом – но тем не менее как пример автоматического письма он-таки интересен: возможно ли посредством изучения книги забраться в голову Луиджи Серафини и понять его внутренний мир – о чем он думал тогда, и о чем он, возможно, думает теперь? Некоторые утверждали, что возможно, некоторые утверждали, что невозможно, приводили примеры из практики психоанализа, зачем-то упоминали *information integrated theory* – в общем, обычный такой спор ни о чем.

Вдруг все вздрогнули, оглянулись по сторонам, забеспокоились – что-то им, наверно, привиделось. Кто-то даже привстал, кто-то покосился на кого-то, Хатавлючий пошел в ванную умываться (оттуда донеслись звуки, будто он блюет). Все стали вдруг какими-то подавленными.

– Все нормально, ребята? – спросил я. Да, да, все нормально – был общий смысл ответов, но разговор дальше как-то не пошел, и когда вернулся Хатавлючий с бледным лицом, все просто замолчали и так дальше и сидели и молчали.

Без стука вошел Арт.

– Почему не на занятиях? – заорал он с порога. – Долго вас ждать?

– Так... мы не знали, – сказал Серюня. – Какие занятия?

– Погодите, – сказал Арт. – Вам должны были сказать. Вы что, ничего не видели? Минут семь назад.

– Я видел, как ко мне подлетела большая ворона и каркнула прямо в ухо, но что она каркнула, я не разобрал, – сказал Арюфил.

– Я почувствовал, как змея упала на меня с потолка, я ее стряхнул, она упала на пол и там растворилась, как будто в лужу попала, – сказал Сизаниц и Тренев.

– Я почувствовал вдруг дикое жжение в горле, – сказал Торин.

– Я увидел, как обвалилась стена, – сказал Фалитарист.

– Я увидел нечто ужасное, – сказал Шитовник.

– Я возбудился, – сказал Чарли.

Хатавлючий хотел сказать, что именно он почувствовал, но снова убежал блевать.

И все сказали что-то в таком роде.

– Вот это и будет вашими знаками. – сказал Арт. – А вы что увидели? – спросил он у меня.

– А я ничего не увидел. Я увидел только внешние проявления того, что что-то увидели остальные, вот то, что я увидел.

– Это странно. Вы спите, что ли? Может, вы пропустили просто? Ну, а теперь? – и он сделал пасс руками, как будто призывая кого-то.

Все вокруг как-то застонали, а кое-кто ахнул.

– Нет, и теперь не вижу.

– Все ясно. Вы спите. Оставайтесь в номере, остальные – со мной на занятие. Впрочем, вы тоже идите с нами, хотя вы и спите, сознательная теория не повредит.

– Арт, а можно ко мне тоже на ты?

– А, да, я забыл. Давай с нами.

В аудитории Арт сказал примерно следующее:

– Вы все замечали, наверно, следующее оптическое явление: когда из самолета видны сверху длинные тени (раз в десять длиннее отбрасываемого их объекта) вместе со старицами извилистой реки, и автомобили еще видно, а вот человека можно заметить разве только на открытом пространстве и именно с помощью его длинной тени, – тогда, если присмотреться, как будто бы черная точка пробегает по крышам зданий и железнодорожным составам, пробегает и тут же исчезает, и заметить ее можно только краем глаза и только на закате или на рассвете; помимо теней важно еще долго не спать или только что проснуться, впасть в пограничное состояние между сном (обычным, не метафизическим) и бодрствованием.

– Эта точка имеет ту же природу, что и то, что вас сегодня позвало в аудиторию (но вы еще не поняли, что это был вам сигнал; запомните его хорошенько, каждый свой, и в следующий раз при его появлении идите на занятие).

– Если, опять же, сверху, обратить внимание, как идут люди, или летят птицы, или ползут муравьи, или даже бегут страусы – видно, что дороги проявляются, практически в одночасье, как будто из ниоткуда. Для тренировки появления дороги представьте весь путь отдельного человека в едином пространстве-времени и умножьте его на всех путешественников. Можно еще представить, что человек оставляет за собой нитку, или след, подобный паутине, который работает как ткацкий станок и как будто сшивает пространство. Так вот, если все это представить себе и обратить внимание, то становится понятно и даже очевидно, что эти дороги существовали раньше, просто их мало кто видел, или, если угодно более формальный и академический подход, существует правило, или функция, строящее именно эти дороги; некий инстинкт заставляет путников идти именно ею – это и есть проявление сознания темного мира.

– Мир этот называется темным потому, что его видят неспящие – то есть вы, – это та самая темная материя, непосредственное восприятие которой якобы невозможно. Сущности и знаки, которые вы иногда видите – это сгустки темной материи, так же, как все, воспринимаемое профанами – это сгустки понятной им «светлой», то есть обычной, материи.

– В дальнейшем мы будем заниматься тем, чтобы уметь сознательно не спать и просыпаться по желанию – посмотрите, например, на Рональда, который сидит и хлопает глазами и ничего не понимает. На самом деле он тоже часто просыпается, просто сейчас ему сложно воспринять эти (даже самые простые) концепции. Когда вы научитесь видеть сущности, не видные большинству людей (это легко, пара занятий буквально), мы сможем использовать их законы и траектории для достижения максимальных результатов в спорте.

Все это показалось мне очень похожим на шарлатанство. Остальные, однако, внимали.

Далее Арт заставлял всех прикрывать глаза, смотреть сначала сквозь ресницы, потом сквозь веки (когда все думают, что ты ничего не видишь), краем глаза, отпускать сознание, чтоб слышать, видеть и осязать тайные неслышимые, невидимые и неосязаемые сущности, и так далее. Сколько я ни шурил глаз, сколько ни представлял бегающих по нему муравьев, так он ничего и не добился.

– Это потому что вы спите, я же говорил, – сказал Арт.

На втором занятии (я понял, что оно началось, когда все вдруг встали и пошли) Арт сказал уже гораздо меньше:

– Говорить о том, что единорога не существует – большая ошибка. Если бы его на самом деле не существовало, то мы и говорить о нем не могли бы. Как вообще возможно говорить о

том, чего нет? Про единорога мы знаем хотя бы то, что у него один рог. То есть понятно, как минимум в некотором смысле – в пространстве идей – единорог существует. И он «появился» только в тот момент, как кто-то сказал слово «единорог».

– Не то же ли самое и со всем остальным? Например, про пять великих дорог Ирландии – Шлиге Мидлуахра, Шлиге Куаланн, Шлиге Ассайл, Шлиге Дала и Шлиге Мор – говорится, что их не «построили», а «открыли» (то есть существовали они всегда).

– Экзистенциальный ужас охватывает при мысли об истинном несуществовании. Истинное несуществование означает черноту, о которой никто никогда не думал, бесконечный склад вещей, которые никто никогда не видел. Вот что такое истинное несуществование.

В дальнейшем теоретические задания сократились до подобия коанов, таких, например:

– Два ученика спросили Кодо Саваки, в чем смысл дзен. Ни в чем, ответил Кодо Саваки. Первый ученик сразу же удовлетворился этим ответом и ушел, а второй сразу же достиг просветления и тоже ушел. И вот я спрашиваю, в чем разница между этими учениками?

В отличие от настоящих коанов, Арт никогда не требовал от нас ответа на свои риторические вопросы.

Или:

– Вот два аргумента, дающие победу в любом споре: ничтожность точки и бесконечность плоскости. На сегодня все, идите.

Или:

– Вы думаете, это круто, что ли, – сосредотачиваться на объекте? Вы с ума сошли? Вы охуели? Вот конкретно вы, Рональд – вы – вы охуели? Когда сосредотачиваешься на объекте, его образ возникает внутри твоей головы. Можно медитировать на этот образ, но это не круто. Круто медитировать на образ, который возникает ВНЕ твоей головы. Вот это круто, а остальное – от лукавого и для лохов.

Правильный способ просмотра телепрограмм

По телевизору показывали новости, и Арт делился с нами подоплекой событий.

– Большие дела грядут, – сказал он, остановив картинку. – Вот, посмотрите внимательно. Что видите?

– В Латвии увеличилось поголовье медведей, в настоящее время может находиться до тридцати медведей, чего тут думать, как сказано, то и есть, – сказал Шитовник.

– Так может подумать только очень ограниченный человек, – сказал Арт. – Как обычно, расстраиваешь ты меня, Шитовник.

– О чем же там говорится, босс? – спросил Арюфил.

– А говорится там вот о чем. Во-первых, следует обратить внимание, что, рассказывая об этом, нам показали не обычного европейского бурого медведя, или *Ursus arctos arctos*, а *Ursus arctos horribilis*, или гризли. О чем это говорит? Это может говорить о том, что или нас обманывают, или ошибаются сами. В любом случае, нам подаются определенные сигналы. Опять же: сигналы могут соответствовать положению дел, а могут и не соответствовать, то есть быть истинными или ложными, но ведь, кроме того, они могут быть как сознательными, так и бессознательными. Отметим пока что, что нам зачем-то показали американских медведей. Кроме того – еще одна важная деталь – нам зачем-то сказали, что в Латвии в этом году много медвежат. Давайте дальше.

Арюфил включил телевизор. По телевизору сказали:

– Правда, неясно, родились ли медвежата здесь или в соседних странах и забрели в Латвию с матерью. Ученый института лесоводства «Силава» Янис Озолиньш допускает, что медведицы пришли сюда из Эстонии, скрываясь от медведей, которые в поисках бездетных самок могут убить медвежат.

– Что мы видим тут? Развивается тема медвежат, и недвусмысленно упоминаются новые директивы ЕС, касающиеся семейного насилия. Говорится, что, возможно, медведи пришли из Эстонии, хотя медведи повсеместно ассоциируются с Россией. Кроме того! Семейное насилие в России распространено куда больше, чем в Эстонии. Мы дураки, что ли? Очевидно, нет, поэтому Эстония столько раз упоминается тут не зря. Возможно (для научной чистоты скажем, что пока только возможно!), что Эстония тут для отвода глаз, а на самом деле речь идет о России. Остается непонятным, при чем тут Америка. Мне-то уже все ясно, но давайте посмотрим, какую еще тайную информацию нам передадут. Арюфил!

Арюфил снова включил телевизор, где сказали:

– В случае встречи в лесу медведицы с детенышами нужно бежать. «Ее цель не убить потенциального врага, а напугать и прогнать», – говорит Озолиньш.

– Картина проясняется, не так ли? Увидишь русского или американца – беги! Вас, латышей (простите, латвийцев), не тронут. Вас только хотят запугать. Вероятно, телевизионное начальство пытается подсознательно подготовить зрителей к вторжению русских под видом медведей или американцев, или американцев под видом медведей или русских, в Латвию, а латвийцам не надо давать отпор, а нужно просто уйти в сторонку. Тридцать особой может обозначать как тридцатую пехотную дивизию (в Российской империи базировалась в Минске), так и тридцатый десантный корпус США, или количество перебрасываемых танков. Или что угодно еще. Это все детали. И кстати, обратите внимание, почему до сих пор не разрешилась двусмысленность относительно того, американцы это или русские. Дальше!

Арюфил включил телевизор.

– Охотники также заметили, что с увеличением численности медведей в районе Лимбажи и Валмиеры стало меньше лосей и других животных, которым соседство косолапых может не понравиться. Убивать медведей в Латвии запрещено.

– Вот! Что я говорил! Лоси традиционно ассоциируются с эстонцами. Эстонцев становится меньше, американцев и русских больше. Тут латвийцам уже не просто рекомендуется, а прямо запрещается оказывать сопротивление двум супернациям, которые хотят поделить нашу страну. Кстати, видите? Вот и понятно, почему упоминаются европейские медведи, а показывают американцев! Да потому, что русские и американцы тут в сговоре! Хотят поделить Латвию, как Польшу в тридцать девятом. Ладно, что там еще осталось?

По телевизору показали карту Латвии с показанными точками, где были замечены медведи.

– А вот здесь обязательно нужно поставить паузу. Большую паузу. Посмотрите на карту и вам все станет ясно. Видите? Точки на карте складываются видите во что? В букву W! А это что значит? А это вот что значит. Американские медвежата, дети, буква W, угроза вторжения – если совместить это вместе, получится что? А получится то, что захватить нас хотят не только физически, но и морально. Американский медвежонок на W – это же Винни-Пух! Собираются растлить наших детей при помощи виннипухов и Макдональдсов (если перевернуть W, то получится M, легендарный логотип империи зла Рональда Макдональда). Кроме того, M – это «Маша и медведь», российский мультсериал, чрезвычайно распространенный в Европе. Опять «M», опять медведи! Вот и получается – с одной стороны американцы со своими виннипухами, с другой стороны – русские со своими машами и медведями, а валить опять все будут на эстонцев. Я не удивлюсь, кстати, если дальше будут как раз какие-нибудь мультики – про Винни-Пуха, например, или дебильные блять телепузики! чтоб оболванить наших детей. Или смешарики. Давай дальше, Арюфил, давай проверим.

И действительно, дальше по телевизору стали показывать детские мультфильмы, и именно диснеевского «Винни Пуха».

– Тут еще есть очень глубокое мистическое дно, но я вам пока его не скажу, рано еще, – сказал Арт. – Я еще и не то тут видел! Касается каждого из вас! Скоро вы сами научитесь видеть такие вещи. А пока слушайте меня и не забывайте, что вы мои ученики, а я ваш наставник.

Но было и еще кое-что. Кое-что другое, то, о чем не говорил Арт. Вот что я заметил.

Ученого Яниса Озолиньша из института лесоводства «Силава» в сюжете про русско-американских медведей показывали на фоне города. Это значит, что видно было городские улицы – и на них необычно много для такого короткого сюжета оказалось вдруг людей в спортивной одежде и полицейских на велосипедах. Более того! Янис Озолиньш оказался вовсе не Янисом Озолиньшем. Вместо Яниса Озолиньша из института лесоводства «Силава» интервью давал Рихард Пордзиньш из Первого Управления по Делах Миграции.

Если правительство хотело показать, что оно меня разыскивает, ему это удалось.

Далее показывали концерт, и там пела и играла на арфе Ниде Эрдели. Это тоже был повод призадуматься – зачем мне показали жену? После развода она же бросила карьеру. Она что, счастлива без меня?!

Чарли тоже смотрел на нее, раскрыв даже рот. Именно с Ниде разводилась его ростовая кукла, и теперь, видимо, в Чарли все проснулось обратно. Мы с Ниде сходились и расходились несколько раз, и в один из разов она и попыталась выйти за красивого и высокого, как ей казалось, живого человека. Судя по поведению Чарли, он не знал, что Ниде связана со мной. Это можно было как-то использовать.

– Хочу, кстати, сказать, – вклинился Арт. – Вы живете тут в намеренно депривированном от информации и от внешних демонов месте. Когда вы научитесь всему, чему я учу вас, вам очень тяжело будет жить в мире. Скажем так, ваша частота будет равна четырем с чем-то тысячам герц, а частота обычного человека менее двух тысяч герц. Так что забудьте, увы, о своих близких – когда (и если) вы выйдете, вы не найдете с ними общего языка, предупреждаю. Кроме того, те сущности, которые вы научитесь видеть, будут пугать вас. Это как Сцилла и Харибда – с одной стороны несовпадение частот, конфликты и постоянная опасность попасть в дурдом, с другой – монстры. Третий глаз, он когда откроется – он ведь больше никогда не закроется. У некоторых он уже приоткрылся, а некоторые еще спят. Я потом объясню вам, что спите вы не в фигуральном смысле, а в самом что ни на есть буквальном.

Попытка реконструкции мистического переживания

Торин собрал всех в своей комнате. Он собирался воспроизвести мистическое переживание, испытанное им много лет назад. Громко включил музыку.

– Так! Ты ходишь от двери к стене и обратно, стараешься соблюдать интервал движения тридцать секунд. Я сижу голый на кровати, тыходишь ко мне, клаянешься и говоришь: «Харе бол! Давай медитировать на белый лотос на воде!» Потомходишь ты и говоришь: «Когда же это опять будет?» Ты вылазишь из-под кровати и говоришь, так важно: «Через полгода!» Ты медленноходишь и говоришь: «Дирижабль выпускает свой воздух». Ты подбегаешь и кричишь: «Коридор там!»

– А я что делаю?

– А ты лежишь на кровати, ты как будто спишь. Изображаешь психа, мы же как будто в психушке лежим в одной палате, и так вот дебильным голосом говоришь: «Уомик! Сделай потише! Я спать хочу!» И все это мы должны сделать за тридцать секунд. Потом новый цикл. Ты говоришь харебол, ты спрашиваешь, когда же это опять будет, ты вылазишь из-под кровати, ты говоришь про дирижабль, ты говоришь, что коридор там. Ты кричишь про то, что спать хочешь, все время, не соблюдаешь цикл тридцать секунд. Всем понятно?

– Ага.

– Остальные могут смотреть, но тише, чтоб я вас не видел. Потом, когда вам Призмов скажет, быстро все выходите из комнаты. Поехали, давайте попробуем.

Сизаниц и Тренев стал ходить от двери к стене и обратно. Торин уселся на кровати голый, закрыв глаза. Гунарс подошел к нему, поклонился и сказал:

– Харе бол! Давай медитировать на белый лотос на воде!

– Давай, – согласился Торин.

Подходит Сизаниц и Тренев:

– Когда же это опять будет?

– Через полгода! – значительно отвечает Чарли из-под кровати.

– Дирижабль выпускает свой воздух, – медленно, как дирижабль, выпускающий воздух, говорит Шитовник.

Хатавлючий визгливо кричит, брызгая слюной:

– Коридор там! Коридор там!

Я лежу на другой кровати, изображая торинова знакомого психа.

– Уомик! Сделай потише! Я спать хочу!

Музыка всё играет. Как раз подходит 30 секунд, Сизаниц и Тренев, как метроном, совершает свой цикл от окна к двери. Гунарс говорит:

– Харе бол! Давай медитировать на белый лотос на воде!

– Давай!

– Когда же это опять будет?

– Уомик! Сделай потише! Я спать хочу.

– Через полгода!

– Дирижабль выпускает свой воздух...

– Коридор там! Коридор там!

– Уомик! Сделай потише! Я спать хочу!

Музыка играет. 30 секунд проходят. Гунарс говорит:

– ...

Музыка играет. Музыка играет. Музыка играет ещё много раз.

– Уомик! Сделай потише! Я спать хочу!

Торин поднимается и начинает танцевать, трясясь. Сизаниц и Тренев продолжает ходить. Хатавлючий продолжает кричать. Шитовник продолжает выпускать свой воздух. Я продолжаю орать не мешать мне спать.

Музыка играет.

Торин трясётся.

Наконец Торин затих. Призмов подал знак, и все поспешно вышли из комнаты.

Выйдя, я затрясся, держась за живот, показывая, как мне смешно, но никто не поддержал мой смех, посмотрели, как на крайнего циника. Когда вышел Призмов, обступили и стали спрашивать:

– Ну как?

– Никак, – покачал головой Призмов. – Пока никак.

Стали пробовать снова. Меняли роли, увеличивали темп, уменьшали амплитуду, добавляли и исключали зрителей, но все как-то без толку. Сложно сказать, конечно, но, кажется, эта реконструкция никак не повлияла на академическую карьеру Торина.

Ниде слышит звуки

При переезде Рональд с Ниде перевезли в Ригу из Москвы только шкаф, сделанный из индонезийской лодки, и два детских стульчика. Все остальное было здесь, вернее, всего остального здесь не было. Старые хозяева оставили новым обеденный стол, несколько стульев,

два стеллажа и три шкафа, все, кроме стеллажей, старое, такое же старое, как дом, в который они переехали, и, казалось, из того же дерева. Все очень подходило этой квартире. Такой же шкаф был у Нины, хотите забрать его, сказала Нина, смотрите какой шкаф, персик, а не шкаф, подходит вам как, смотрите. Возьмите его.

Шкаф действительно подходил, он был как будто братом-близнецом тех трех шкафов, что достались им в наследство от старых хозяев. Возьмем, возьмем, говорила Ниде, но потом пропал Рональд и стало как-то не до того.

Ниде часто в этот период закрывала глаза, потому что так было легче жить, и в основном воспринимала жизнь через уши. Однажды Ниде сняла трубку телефона и услышала голос Нины:

– Привет, Ниде, Рональд еще не вернулся?.. У меня день рождения, приходи в субботу с детьми... Спасибо, спасибо, милая, но я не к тому звоню... А к тому, что я на свой день рождения решила сделать тебе подарок, знаешь, как в садике все гостинцы другим детям несут? Короче, жди скоро шкаф, помнишь?.. Ну да, такой же, как у вас. Я тут позвонила в одну компанию, тебе когда удобно его получить?... Да не за что, не ты что, не за что, мы все равно место освобождаем... Я понимаю, что без Рональда, может, в чем-то и хорошо, что Рональд ушел... Ну как, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь... Ну да, я так и подумала... Ага, ага... В общем, они завтра с трех до пяти приедут... Нет-нет-нет, я все там сказала, и что у нас без лифта, и что у вас без лифта, все нормально, это мой подарок тебе... Ну да, пока-пока, пожалуйста... Да, надо увидеться, конечно, увидимся, приходи в субботу... Ну, часов в пять... Слушай, у меня тут урок начинается, позже созвонимся еще, ладно? Ну все, пока-пока. Ну ладно, давай, лаби, чао, пока, хорошо.... Ну давай... Ага, ага... Ну все, пока, целую!.. Ага, давай, пока... Ну пока, все... Пока-пока!.. Ага, ну давай, пока... До субботы... Ага... Ага-ага... Ну, пока.

Потом пришли грузчики, с новыми образцовыми инструментами, с нивелирами и уровнями, и Ниде услышала следующее:

– Нина сказала, что все очень просто! Очень просто! Двух человек хватит! Да вы попробуйте, попробуйте сами, какой он тяжелый. Не разбираетесь, так поверьте на слово, что ОЧЕНЬ тяжелый. Так, ладно, отойдите, дайте измерить все. Так, записываю. Сто пятьдесят, так, а тут сколько? А шкаф у нас сколько? Хммм, нет, не пройдет. Застрянет. Говорю тебе, застрянет. Я этих шкафов столько понатаскал, без шансов совершенно. Нет, если так повернуть, тоже застрянет. Вот тут, гляди, тут не пройдет. А так нет, так лестница мешает. Ну, если отпилить только. Не согласится, наверно. Ниде, ничего, если мы тут перила отпилим? Ну потом кто-нибудь другой припилит, мы нет, мы этим не занимаемся. Говорил же, не согласится. А вот тут ручка, измерь-ка, сколько она? Ее можно будет открутить, а потом прикрутить, это не перила. Так, если вычесть ручку, получится. Нет, все равно не влезет. О, можно окно вытащить еще. Так, если ручка, потом еще окно. Но окно разбиться может. Нет, все равно застрянет. Да его тут и не вытащишь. Да точно говорю, застрянет. Ну, смотрите, мы попробуем, конечно, но если. Тут уж вы сами. Так, давай. Пошел-пошел-пошел. Стоп! Окно трещит. Давай назад. А теперь вперед. Блядь (извините), лестница не пускает. Может, у вас соседи есть, помочь смогут? Ну да, я понимаю, конечно. Я сам тоже не грузчик, понимаете, я менеджер, мое дело смотреть, чтоб грузчики сделали свою работу качественно и в срок. А у нас еще видите сколько заказов! Эй, посмотрите! Да это понятно! Давайте, кстати. Семьдесят, как и договаривались. Ну что ж уж, все понимают, ситуации разные бывают. На площадке оставить или во двор опять спустить? Честно говоря, я бы предпочел на площадке. Ну как, видите, пройти можно. Так, вот вам тридцатник, но Нине своей передайте, что так дела не делаются. Нет, все, нам пора, вы извините, конечно, но вы нас сюда больше и не пытайтесь вызвать. Я ваш адрес занес в черный список, он у нас общий по компаниям, теперь только если по двойному тарифу. Извините еще раз, ну пока, до свидания, чао, лаби. Давайте, ата-ата, все,

до свидания.

На другой день вечером Ниде услышала стук в дверь (звонка не было). Это постучался сосед, латыш. Ниде не стала открывать дверь, говорила так, слышала:

– Привет, Ниде, Рональд еще не вернулся? Я хотел спросить, чего это у вас тут шкаф такой огромный делает, весь проход загородил. Ага... Ага... Ну, ясно. Лаби. Как мы эти шкафы занесли? а там другие грузчики были. Русские, да. О, а давай я тебе их телефон дам, а то пройти же невозможно. Ну вот найду и пошлю. Как Рональд вернется, давай мне знать, ладно? Ну ладно, чао. Да, да, пошлю тебе сообщение. Серега зовут. Да вот сейчас. Ну ладно, чао, увидимся еще. Заходи еще в гости.

Через несколько дней пришли другие грузчики, во главе с Серегой. Ниде не хотела их ни видеть, ни обонять запах перегара, которым от них пахло.

– Пятьдесят евриков, хозяйюшка, да, как договаривались. Только чего это он здесь стоит? Ребята, выноси. Нет-нет-нет, хозяйюшка, мы так не можем. Сейчас вниз снесем, потом с самого двора сюда, потом уж с разбега и дальше, тут траектория, это, понимаете. Да не бойтесь, пятьдесят евриков, как договаривались, и ни центом больше. Так, давайте, ребята... Так, вынесли нормально, теперь заносим обратно... Отлично, на второй этаж зашло. Бля, застряло. Че делать? Так, тут надо стоймя, потом боком... Бля. Потом развернуть. Нет, не так. Не видишь, я думаю, не мешай! Не волнуйтесь, хозяйюшка, сейчас все будет. Да заебал ты! О, у вас дети. Так... бля... уфф. Вешалка мешает. Митяй, сходи открути вешалку. Ну как-как, кверху каком, вот как! Хозяйюшка, отвертки нет? Спасибо. Уф... Ну долго там, Митяй? Сам иди нахуй. Погоди, бля, подумать надо. Так, ты теперь, Митяй, иди наверх как-нибудь и опускай угол вниз, а мы тут будем поднимать свой, потом так по лестнице и потянем. Да, блять, вижу, что придавило! Вован, да где ты там! Ты охуел, что ли? Потом попьешь. Не видишь, Власа придавило. Потерпи, Власик, родной. Власушка... Да где ты там! Тяни наверх! Да не так тяни, что за придурок-то. Уфф... Бля... Вот так, да. Хозяйюшка, крюков нет? Ну ладно, обойдемся. Так, ты тоже наверх, помоги там Вовану, я снизу один. Ну что, Влас? Я держу пока, только быстро давай. Ух, бля, вспотел. Давай-давай! Во! Пошло! Пошло-пошло-пошло! Отлично, блять! Давайте, ребята! Э-эй, ухнем! Э-эй, ухнем! Подернем, подернем, да-а ухнем! Куда двигать? Сюда двигайте. Влас, ты как? Ну, слава богу, слава богу. Хозяйюшка, а водички нам тоже можно? Только Вовану не давайте. Тебе, Вован, хуй. Спасибо, хозяйюшка. Деньги еще. Мерси, мерси. Ну все, до свидания, благодарствую, пошли, ребята! Звоните, если что.

Потом было слышно шуршание детей по шкафу. Леша жаловался, что одна дверца никак не открывается. Вечером, когда дети уже спали, зашел Халцедонов. Ниде как будто через закрытые глаза услышала:

– Привет, Ниде, Рональд не вернулся еще? Черт, ну ладно, извини. Пошел я. Да мог, конечно, просто мимо проходил, решил зайти, лично спросить, мне не сложно. Да нет, нету. Выпью с удовольствием. Поем тоже, чего. А чего у тебя есть? Давай, погоди, схожу, вина куплю, фруктов, мяса тоже, пожарим. Ну давай, нарежь.

Потом было несколько минут тишины.

– Смотри, мы едим и пьем как древние римляне: свинину и красное вино. Я потому руками и ем. А виноград бросаю в вино, он вино порождает, в вине и тонет, очень символично. Смотри, во, мой виноград тонет, а твой всплывает. Это можно объяснить так, что я человек основательный, а ты легкомысленная. Ну ладно, можно объяснить и так, что я тяжелый и мрачный, а ты легкая и веселая. Ну в целом веселая, моменты-то всякие бывают. Не, ну я не знаю, вернется или не вернется, да и не мое это дело. Мне найти его неплохо бы, но не найду, так обойдусь как-нибудь. Подлить вина? Ты спать во сколько ложишься? Смотри, я пойду скоро, приятно было побеседовать, заходи как-нибудь тоже, как тут говорят, чао, лаби, ата-ата, давай, пока, ага, давай. Простыню только натянуть? О, так давай помогу. Хи-хи-хи, мужское дело простынь натягивать, древние римляне все так делали. Мужчины особенно. Ого, какой

матрас, оказывается! Сколько-сколько? Да нет, я бы сказал, шестьдесят, но это только если угол поднять. Так-то килограмм сто, наверно. Ага, понятно... Одному тут и правда не справиться. Значит, смотри, мы приподнимаем угол, потом я его удерживаю, ты натягиваешь простыню, я перехватываюсь, ты натягиваешь, что осталось, и я опускаю угол. Потом точно так же делаем противоположный угол, и потом еще два угла. А может, уже и не нужно будет. Поняла? Ладно, поехали.

Случилось кое-что новое: с одной стороны матрас с грохотом провалился внутрь рамки от дивана.

– АХ-ХА-ХА-ХА-ХА! Погоди, не могу. Дай отсмеяться... Ух... Хааа-ха! Ну чего, давай поднимать. Так, давай я здесь пройду, а ты здесь, хватай вот тут. Давай, взялись. Так, нужно снова начать, давай-ка перехвачусь. Ы-ы-ы-ы! Я мощный римский воин!

Дернули. Диван встал на место, зато упала другая его сторона. Ниде как будто немного приоткрыла глаза, но воспринимала мир все равно в основном ушами.

– АХ-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! Ужасно смешно, если вдуматься. Так, ну давай теперь первую сторону снова поднимать. Так, ты сюда, я сюда, взялись! АХ-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! Бедная, дай подую. Так, давай: ну конечно, разумеется, само собой, несомненно, мне очень тебя жаль, но ничего не могу с собой поделать, очень смешно. И вот что: еще раз потребуешь от меня жалости или вообще что-то потребуешь, я сразу уйду, понятно? Просто чтоб не было недоразумений. Хорошо. Это все напоминает мне Бастера Китона в фильме Le Film. Он так же собаку и кошку выгонял из комнаты. Давай, пока перевязываешь палец, я поборюсь немного с покрывалом, чтоб тебе веселее было. ААА, СПАСИТЕ! НА МЕНЯ НАПАЛО ПОКРЫВАЛО! ГОВОРЯЩЕЕ ПОКРЫВАЛО! ГОВОРЯЩЕЕ ПОКРЫВАЛО! ВОТ Я ТЕБЯ! ВОТ! АХ-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! Уф, уф... ГОВОРЯЩЕЕ ПОКРЫВАЛО!

Ниде перевязала палец и услышала:

– Так, смотри, тут сбоку тоже вылетело. Щас, погоди, надо разобраться. Так... Так-так-так... Как-то так... Короче, план такой: полнимаем матрас вдвоем, потом ты держишь, а я вставляю, и опускаем. Придется крепко держать, я под матрас лезу. С простыней потом разберемся, сейчас важно кровать починить. Готова? Ну, раз, два, три!

Халцедонов почти не пил, и большую часть вина Ниде выпила сама. Она немного опьянела и выронила матрас из рук. Матрас упал на Халцедонова. От испуга глаза Ниде как будто раскрылись, но теперь она почему-то видела вместо Халцедонова Рональда, и слышал, как Рональд произносил странные слова:

– ОХБЛЯ! АХ-ХА-ХА-ХА-ХА!.. Ох... Да нет, ничего страшного, ничего. Хха-ха! (ой) Очень смешно, смеяться только больно. Ну ребро. Да хрен знает, как это выглядит, я не ломал никогда себе ничего. Ну, не надо. Ах-ха... ох. Ну ладно, вызывай, у меня полиса нет, правда, но пофиг. Ах-ха-ха, пользуешься тем, что под матрасом лежу и сбежать не могу, но вот не надо всего этого, серьезно говорю. Я сам по себе, Рональд сам по себе. Какой я моложе, на год всего! Не уверен уж так в этом. Нет, мы очень отличаемся, насколько я могу судить. Я знаю, что я клевый. Мощный римский воин повержен матрасом иудейки!

...Когда скорая увезла Халцедонова, из принесенного шкафа, из того самого ящика, который не могли открыть дети, вылез Эйнар в парике и с накладными усами.

– Ниде, я, конечно, очень извиняюсь, что пришлось посидеть в вашем шкафу, но я на задании. Разыскиваю вашего Рональда. Вы, пожалуйста, не волнуйтесь, я уже уйду. Ну все, пока, лаби. Чао-чао. Давайте. Скоро увидимся. Нет, я сам закрою. Ну пока, чао, лаби, ата, большой привет.

Примерно как с инженером из ЦАР

Мы все сидели и обсуждали, как обычно, интересные и необычные случаи, которые

происходили в мире. Например, однажды был такой случай, рассказывал Сизаниц и Тренев.

– 30 июня 1999 года случайный прохожий обнаружил на кукурузном поле в Вест-Альтоне в Миссури труп. Тело оказалось 41-летним мужчиной Рики Маккормиком, пропавшим пять дней тому назад. Он вышел из дома (в пятнадцати милях от Вест-Альтона) покурить. Автомобиля у него не было. В карманах Рики нашли два листочка, покрытые рукописным шифром. В течение двенадцати лет криптоаналитики ФБР и Американской Криптографической Ассоциации пытались расшифровать эти записки самостоятельно, но в 2011 году поняли, что не смогут, и выложили их на сайт ФБР по адресу <https://forms.fbi.gov/code>. Если у вас есть какие-нибудь догадки, пожалуйста, поделитесь с нами, написали они. Любая информация будет полезна, написали они.

– Погоди, схожу в туалет, – сказал Чарли, вышел, но тут же вернулся. – Занято, – сказал Чарли.

Туалет был в конце коридора. Там располагалось несколько кабинок, отделенных друг от друга перегородками.

– А вот еще другой случай, – сказал Арюфил. – Тоже про записку. Однажды к одному российскому инженеру, который работал в Центральноафриканской Республике и ремонтировал электростанцию, подошла уродливая черная старуха, одетая во все белое. Она молча дала ему записку с непонятным текстом, видимо, на каком-то африканском языке. Инженер не смог ее прочесть и, как сотрудник соответствующих госслужб, первым делом понес в посольство. В посольстве тут же приказали инженеру срочно отбыть на Родину, причем не воздушным, а водным транспортом. К инженеру приставили соответствующего сотрудника, который довез его до порта, посадил на корабль на реке Убанги, которая вливается в Конго, и дальше мимо Браззавиля в Кабинду, где он пересел на морское судно. По пути обратно сотрудника посольства съели члены правительства ЦАР.

Плавание было опасным, и в районе Азорских островов судно попало в шторм. Инженер с помощью своих инженерных познаний как-то спас корабль, отчего подружился с капитаном (тоже сотрудником соответствующих спецслужб) и часто обедал с ним. После Датских проливов инженер показал записку капитану, тот прочел ее и незамедлительно посадил его в карцер, откуда не выпускал до самого Санкт-Петербурга, а в Санкт-Петербурге не сказал ему на прощание ни слова. В ближайшем же плавании капитан корабля наскочил на риф у берегов Австралии. Корабль утонул, никто из экипажа не выжил.

Дома инженер показал записку жене, также сотруднику соответствующих госслужб, специалисту в области компаративной лингвистики. Та прочла записку и немедленно потребовала развода, а также написала докладную на мужа. Мужа из органов уволили, развод жене предоставили максимально быстро, никаких объяснений ни из госслужб, ни из загса не последовало. Впрочем, жена все равно скоро попала под машину и погибла.

– Жутко интересно, – сказал Чарли, но я все же схожу поссу.

– И я с тобой, – сказал Шитовник.

Они вернулись и сказали, что занято.

– Инженер, конечно, пытался расшифровать записку и самостоятельно, – продолжал Арюфил. – Он отсканировал ее и выложил на несколько сайтов, но нигде не получил ответа. Когда он попытался войти на эти сайты, чтобы проверить, есть ответы или нет, везде то пользователь оказывался заблокированным, то сайт больше не открывался, а то просто исчезал его пост. В отчаянии инженер понес записку в коммерческое бюро переводов, декларирующее, что оно работает со всеми языками в мире, у которых есть хотя бы четыреста носителей, включая в себя язык племени оровин в Бразилии и, конечно, инуктитут. Положив записку в бумажник, чтоб не измялась, инженер сел в метро и поехал на Васильевский остров, но, подойдя к означенному в рекламе зданию, понял, что бумажника у него в кармане нет.

– Бля, потом расскажешь, не могу уже, – сказал Чарли. – Вообще ссать хочу.

– Кто же там сидит так долго, интересно? – спросил Шитовник.

Мы огляделись. Присутствовали все тринадцатеро. Вдруг Хатавлючий заржал.

– Ах ты гад! – закричал Чарли. – Иди открывай!

– Да при чем тут я, – смеясь, говорил Хатавлючий.

– Иди открывай, – веско сказал Гунарс. – И больше так не делай.

Мы все смотрели, как Хатавлючий, смеясь, перелезает через перегородки и открывает каждую кабинку изнутри. Когда все поссали, историю продолжил уже Гунарс, который тоже оказался с ней знаком. Ему повезло обнаружить некоего финна Аки, который голым в Риге пытался в два часа ночи стащить вывеску с барбершопа. Неудачно упав, с высоты двух метров, он раскроил себе череп. Память он потерял, когнитивные функции также были нарушены, и все время до конца жизни он провел в отделении психиатрии рижской больницы им. Страдыня. Этот Аки во время алкотура в Питер в пьяном состоянии и вследствие эффекта Баадера-Майнхоф понял, что записка инженера как-то связана с Рикки Маккормиком из Миссури, но, протрезвев, забыл, как именно, а Гунарс при осмотре тела связал два и два, и понял, что одна из записок является переводом другой, но поскольку обе они были на непонятных языках, непонятно, какая записка перевод, какая оригинал, и что написано в переводе и в оригинале. Так Гунарс и попал к нам.

Подивившись на эту историю, мы пошли спать. Гунарс от руки начертил текст обеих записок, но, как и следовало ожидать, никто не смог внести достойного вклада в их расшифровку.

Перед сном мы вдруг слышали грохот и жуткую ругань. Выскочив в коридор, мы увидели Гунарса в одних трусах, барабнящего в дверь своей комнаты, откуда доносился утробный хохот Хатавлючего. Мы даже не знали, что культурный Гунарс умеет так материться. Хатавлючий кричал из-за двери сквозь смех:

– Не открою, пока он такой бешеный! Ха-ха-ха! Я ничего не делал, не знаю, чего он так взъелся! Ха-ха-ха!

Гунарс стал рассказывать свою историю и постепенно успокоился.

– Короче, я лежу на кровати и сплю, одновременно пытаюсь медитировать. Ну, сплю-один, и не сплю-два. И только я начинаю что-то видеть, то есть перешел в забытье между сном и явью, причем в обоих смыслах, как слышу грохот под кроватью. Следующее, что я помню – как стою в коридоре, а этот ржет в моей комнате.

– Хорошие петарды? – спросил Хатавлючий из-за двери. – Я ничего такого не делал! Меня подставили!

Утром все двери в туалет снова оказались заперты. Пошли будить Хатавлючего. Хатавлючий не просыпался и дрыгал ногами

– Отстаньте от меня! – кричал он сквозь сон. – Ничего я не закрывал! Дайте поспать!

Но ему никто, конечно, не поверил. Пришлось Хатавлючему пробуждаться и ползать спросонья по туалету. Гунарс ходил веселый и посмеивался.

Но я-то случайно видел, что аферу с петардами подстроили Чарли и Фалитарист. Фалитарист, имея ловкость рук и никакого мошенства, подбросил петарды под кровать Гунарса, а Чарли, как чревоушатель, говорил за Хатавлючего. Кроме того, это не мог быть Хатавлючий хотя бы потому, что мы сидели и обсуждали с ним вещества. Как он оказался в итоге в комнате Гунарса, я объяснить не мог, а кроме того, и про вещества говорить не стоило, поэтому мы с Хатавлючим молчали.

По совокупности вины я решил напугать Чарли так, чтобы у него поджилки затряслись. Однажды, когда я был еще маленьким и лежал на обследовании в детском отделении больницы при заводе имени Лепсе, с нами лежал мальчик-переросток по фамилии Ворончихин. Он был старше всех остальных детей, отец его был каким-то начальником, и Ворончихин имел полублатные повадки. Он был главным в нашей палате и вел себя, в общем, как наша крыша.

У Ворончихина были игральные карты, парни из других палат приходили к нам и играли. И вот, в вечер перед его выпиской я порвал одну карту. И Ворончихин что-то мне такое сказал, я не помню что (смысл, конечно, пиздецтебе), но помню, что до того самого момента, как выписали меня, я боялся, что явится Ворончихин и устроит мне пиздец, и потом еще несколько месяцев боялся ходить мимо больницы. И вот что-то такое я хотел сказать Чарли.

Я знал, что Хатавлючий родом из юрмальского района Каугури, населенного, по его словам, наполовину урками, а наполовину психами. Это самый страшный район не только в Юрмале, но и во всей Латвии! Только Маскачка или Болдерая могут сравниться с ними. И мы с Серюней попросили научить нас каким-нибудь крутым каугурским выражениям, чтоб у Чарли кровь в жилах застыла.

Хатавлючий призадумался и сказал:

– Есть! Есть такие выражения. Чарли обосрется.

– Ну, давай!

– Ман патык тавас каяс, – сказал Хатавлючий.

– Это что значит?

– Это значит «твой корабль приплыл». Приморский же город Юрмала, там моряки, если один другому такое скажет, сразу за нож надо хвататься, а еще лучше убегать, пока жив.

– О, круто! А еще?

– Еще?.. Ну вот можно «эс грибу ар теви пааргулэт».

– А это что?

– Это вообще значит уже пизда тебе пришла, готовь гроб.

– Круто! погоди, дай записать. Слушай, спасибо тебе большое!

– Да ничего, пользуйтесь. Это очень сильные заклинания.

– А слушай, а как еще будет по-латышски «я крутой»?

– О, это хорошо, что ты спросил. Так тоже часто говорят. Это как раз такая каугурская специфика. Крутой в каугурском смысле, это значит, типа, бью только два раза, второй по крышке гроба. Это ты молодец, что спросил. Это будет «эс эсму зилайс».

– Эс, эсму, зилайс. Ага, записал. Ну, спасибо тебе, Хатавлючий.

– Да конечно, ребята. От души.

Мы распределили слова так: Серюне будет первая и третья фраза, а мне зато самая длинная, вторая. После теоретического занятия мы вызвали его на разговор.

– Man patik tavas kajās, понял? – с решительным видом спросил Серюня.

– Понял, – с испуганным видом кивнул Чарли.

Я понял, что Чарли понимает, и закрепил успех:

– Es gribu ar tevi pārguleit, понял?

– Может, не надо, парни?

– Es esmu zilais, имей в виду, – подытожил Серюня, и мы удалились, как два самых настоящих каугурских гопника, как Мишкин и Петров.

В принципе, получилось точно так же, как с запиской инженера из ЦАР.

«***»: Новый тренер

На другой день стало известно, что у Сурена – ВНЕЗАПНО – перелом обеих ног, шагнул в открытый люк, что ли. Врио тренера стал Артем.

Артем подошел к делу серьезно. Он вызывал каждого игрока по очереди и о чем-то с ним говорил в индивидуальном порядке. Рональду, например, в индивидуальном порядке он сказал:

– Очень на тебя рассчитываю, Рон. Ты игрок с большим потенциалом. Я видел, как круто ты забил два гола «Виктории», – но тебе надо понимать, что, несмотря на всю крутизну,

это был всего лишь всплеск. Для того чтоб играть так на постоянной основе, тебе придется потренироваться. Уже в ближайшее время думаю выпускать тебя в основе, но есть проблема: ты наигрывался под философию Сурена, он не вернется до конца этого сезона, а я его футбольную философию, честно говоря, не совсем понимаю. Я это уже и Лехе сказал, и Яше, и Игорю. Игорь? Это новый игрок. С Яшей, кстати, наверно, надо будет расстаться, потому что забивает-то он много, но вот под нашу философию не подходит. Не говори ему пока, может, и не расстанемся, я еще не решил. Вот я тебе честно скажу, бля. Ты думаешь, наверно, что быть тренером легко и пиздато? Нет, Рональд. Это далеко не пиздато и не легко! Вот я сижу, нахуй, на этом кресле, и все вижу совсем с другой стороны, чем когда сидел с твоей стороны, как игрок. Ты думаешь, я хотел быть, нахуй, тренером? Нет! Уговорили! Уговорили меня! Я и не собирался. Я еще поиграть хочу, ты же знаешь, я Данишевского как щенка обыгрывал. Чего мне нахуй о тактике думать! А тут пришли какие-то щенки, молокососы какие-то бля пришли! Без мозгов совсем. Философии у них нет нахуй игровой! Игорь еще этот. Сурен бля им еще и потакает! Ну вот и получил три – ноль от «Селесты»! От «Селесты», бля! Выпускает, понимаешь, игрока на пять минут, а потом тут же меняет. Тоже мне, стратегаму нашел! Мог бы и тебя сразу выставить! Я же видел, что в прошлом году он тебя как мальчика использовал, но ты же, бля, не мальчик уже, понимать должен! Мы-то с тобой, Рональд, давно знакомы, ты надежный игрок, не то что эти молокососы. Я понимаю, ты молодец, два гола забил. Еще, главное, приходят, типа, раз мы друзья, давай мне теперь больше игрового времени. Намекают, что уйдут. Да уходи ты, конечно, раз че-то не устраивает, я всегда говорил, пускай люди пробуют себя в других клубах, конкуренция только на пользу же всем! Намякивают они, намякивают. Если че-то не устраивает, бля – уходи! Ссориться же с людьми приходится!.. В общем, я на тебя очень рассчитываю, завтра приходи на тренировку, покажу, как я твою роль вижу. Ага, ну давай, да, пока. Ну все, иди, иди. Ну все, пока.

Рональд ничего не понял из этой мотивирующей речи, понял только, что нужно хорошо показывать себя на тренировках – и на следующей тренировке пахал как лошадь.

Следующую игру, с командой «Реальчики», «Три звездочки» свели вничью, забив на последней минуте. Вновь выходил два раза на первые три минуты нелепый Макс, вновь тренер (теперь уже Артем, а не Сурен) спрашивал Рональда, готов ли он выйти после перерыва, вновь, услышав «разминайся», Рональд обрадовался, но потух, поняв, что обращались к Игорю.

– Не могу понять, чего тебя не выпустили, – сказал после игры в раздевалке Серега, – вообще же могли проиграть.

А Артем сказал так:

– Видел, как ты выкладывался на тренировке. Подумал, что ты устал, хотел тебя побережь, тем более счет такой скользкий был. Мы с тобой давно знакомы, ты человек надежный, не то что эти новые молокососы, тренируйся, мне нравится твое отношение к делу и твой потенциал!

Следующая игра была с командой «Триада». Эту команду «Три звездочки» разгромили, Рональд вновь не вышел, и Артем на сей раз объяснил это так:

– Понимаешь, бля, Рональд, командный дух! Командный дух это часть моей философии. Ребята вытащили самый сложный матч против «Реальчиков», даже нелепый бля Макс потащил! Меня он радует, кстати, молодец! Несправедливо было бы не дать им шанс продолжить, они на подъеме сейчас. Вот и результат это подтвердил, «Триаду» пять – ноль разгромили, а ведь это не хуй собачий, ее «Изумруд» всего лишь четыре – ноль выиграл, а «Изумруд» «Реальчиков» три – два затащил! Сам видишь, что динамика у нас потрясающая. Раз уж так игра пошла, не стал я никого менять, сам понимаешь, мы с тобой давно знакомы. Ладно, Рональд, иди. А, да, отличную банку на тренировке тогда положил, молодец.

Так и пошло. Когда команда выигрывала, на следующий матч Рональд не выходил или потому, что победный состав не меняют, или потому, что счет скользкий, без практики

рискованно, сам понимаешь, или потому, что ребята в прошлом матче проиграли, и надо же им залечить раны и дать себя реабилитировать. Ты красав, хорошую банку на тренировке задвинул, я на тебя все равно рассчитываю (на прошлой тренировке Рональд забил гол в свои ворота). Сезон длинный, предстоят еще неизбежные травмы, ротация.

Рональд терпеливо ждал. Ситуация была еще хуже, чем в прошлом году – тогда он хотя бы на три минуты выходил, а если повезет, то и во втором тайме, и на пять даже, возможно. Три да пять – вот тебе и восемь.

Стал приходить на костылях Сурен. Пытался вмешиваться в тренировочный процесс. Один раз поправил Артема, два раза. Но нет. Артем терпел, терпел, потом они закрылись в тренерской. Игроки столпились около двери и стали подслушивать. Из тренерской некоторое время раздавались крики, и можно было расслышать следующие термины: «игровая философия», «финансирование», «фонды», «конспекты», «рисунки игры», «Три звездочки», «Яша», «Андрюха», «Рональд», отдай мои черновики ААА ОТДАЙ МОИ ЗАПИСИ СУКА ААААА!!! Несколько раз слышался стук гипса по гипсовой стене, потом короткий крик Сурена, и все смолкло. Потом приехала скорая и констатировала у Сурена рецидив перелома обеих ног.

– Вор! Вор! – говорил он горько, но без крика. Без нажима. – Отдай мою коричневую тетрадь.

Артем собрал команду и всех успокоил:

– Даже и знать не знаю, о какой такой коричневой тетради идет речь. Ребята, это тяжело, но должен вам сказать. Думаю, у Сурена помешательство. Ему в Кашенке, кажется, пора провериться, – сказал он. – Так что теперь до конца сезона точно я тренер, а там посмотрим. Разумеется, Сурен остается нашим общим другом, несмотря на все прискорбные обстоятельства. Это мой лучший друг, между прочим! Составим список, кто когда будет носить ему мандаринки. Есть кто против? Поднимите руку.

Появилось то знаменитое финансирование, о котором слышали игроки во время ссоры Артема и Сурена. Во всяком случае, купили новую красивую сине-черно-белую форму, с номерами, но без фамилий. Как только Артем стал тренером, все игроки подписали контракты. Платили какие-то копейки, по крайней мере, Рональду – ну, хватало на хлеб, майонез, гречку и кофе «три в одном».

В последнем матче сезона, ничего не решавшем, снова против «Виктории», Рональда все-таки выпустили. С первых минут. Играющим тренером «Виктории» в тот год стал Вован Газзаев, а Аслан стал капитаном. Рональд опять забил гол, все кричали «красава» и радовались за него, даже Артем кричал и радовался.

– Вот видишь! – радовался он. – Можешь ведь, когда хочешь! Я всегда говорил, что у тебя большой потенциал! Не то что у этих молокососов! Ну давай, да, молодец. Красава.

А Аслан Газзаев сказал:

– Тоби тэпэр точно пыздец. Как капитан тебе говорю.

После этого случая нам стали попадаться свиные черепа

Просыпались рано, так, что перед утренней зарядкой еще хотелось спать, а после нее уже хотелось спать. Завтракали. Все, кто не дежурил, шли в подвал, там включали свет. Приятно пахло землей.

– Пойду за лопатами, – говорил обычно я.

– Погодите, – говорил Хатавлючий. – Курнуть есть?

– Да не курю я. И можно ко мне на ты?

Хатавлючий смеялся как лошадь. Потом шел к Торину с Призмовым, Торин долго искал сигареты, потом Призмов долго искал спички, все втроем курили, я пил кофе, смотрел на

фигуры, образуемые табачным дымом, пытался понять, на кого они похожи, и спросонья не понимал. Хатавлючий возвращался.

– Ну что, за лопатами пойду, – говорил я.

– Да погодь, куда торопиться, папаша, – говорил Хатавлючий, и снова смеялся.

Подходили Чарли с Серегой, приносили тоже сигарет и огонька.

– Ты че такой маленький, Чарли, потому что куришь? – спрашивал Хатавлючий.

– Лопату мне, лопату! – свирепо кричал Чарли. Хатавлючий ржал. Я шел за лопатой, а когда возвращался, никогда не заставал ни Чарли, ни Серегу, только Хатавлючего, который говорил:

– А мне где лопата?

– Сам сходи.

Хатавлючий уходил, я оставался один, потому что на складе образовывалась очередь, в которой Хатавлючий стоял вместе с Чарли, Серюней, Ториным, Призмовым, Арюфилом, Сизаницем и Тренивым, Фалитаристом, Шитовником и другими. Пили кофе и обсуждали теоретические занятия. Лопаты выдавались под роспись, потому что однажды, когда лопаты выдавали еще без росписи, Марьян, Торин и Марис оставили лопату без присмотра на три минуты, и ее тут же кто-то украл. С тех пор инвентарь всегда стали давать под личную ответственность.

Кто и куда унес лопату, было неведомо, потому что все работали в одном и том же подвале, из подвала никто с лопатой не выходил. Вероятнее всего, вор закопал лопату тут же в подвале, чтоб потом ее вынести. Всем сказали смотреть внимательнее и говорить Арту обо всем, что попадется в земле. Но ничего не попадалось.

Один только раз попался свиной череп, и все сбегались на него посмотреть. Арт сказал выкинуть череп, его погрузили в мешок и вытащили наверх, как и все остальное.

Работали в тишине, лампочка светила так тускло, что с ней, казалось, было темнее, чем без нее, и черными дырами светились в разных концах подвала лампочки, под которыми работали другие компаньоны. Приятно пахло землей. Загружали почвой мешки, отвозили на тачках к выходу, где мешки кто-то поднимал и возвращал уже пустыми.

– Курнуть есть? – спрашивал Хатавлючий и шел смолить к Торину и Призмову. Я пил кофе, смотрел на сигаретный дым, пытался понять, на кого похожи клубы, но никогда понять не мог.

Иногда раздавался сигнал срочно бежать на занятие к Арту, где он изрекал свои мудрости. Сигнал был виден и слышен всем, кроме меня, но я научился ориентироваться по тому, что все срочно бросали свои дела, даже курить, и покидали подвал.

– Опять гном, гад, пинается, – говорил то Торин, то Призмов, хватаясь за задницу. – Хорошо тебе, Рональд, ты такой толстокожий, ничего не чувствуешь.

Когда мы возвращались, Хатавлючий курил и спрашивал:

– Опять не видел?

– Опять.

– Везет тебе, – говорил Хатавлючий. – Как я их боюсь! Они же, блядь, ЖУТКИЕ.

Однажды они выкопали лист фанеры. Хатавлючий стал возбужденно рассматривать его под разными углами и обнаружил в нем дырку. Хатавлючий заглянул в дырку и тут же схватился рукой за глаз.

– Блядь! – закричал он.

– Что такое?

– Ничего! – он обеспокоено закрывал то один глаз, то другой, и смотрел куда-то в угол.

– Посмотри, все нормально?

– Че?

– Ну, с глазом у меня все нормально?

Было темно, я приблизил свое лицо вплотную к левому глазу Хатавлючего. Глаз был не красный, все вроде выглядело как обычно.

– Вроде да. А че случилось-то?

– Да блядь, ничего! Нахрена мне это. – Хатавлючий был расстроен и то и дело прикрывал левый глаз. – СТОП!!! Не смотри туда.

Но было поздно. Я заглянул в дырку.

– Чего такого? Ничего не случилось. Хрень какая-то в углу шевельнулась вроде.

– Не видишь, зовут нас, – буркнул Хатавлючий. – Пойдем давай, толстокожий.

И тут я понял, что хрень, которая шевельнулась в углу, – это и был мне знак. И теперь я знаю, когда нужно идти на теоретические занятия. На всякий случай я еще раз посмотрел сквозь фанерку, ничего не почувствовал и не увидел, но так и должно было быть, потому что ничего не произошло, знак мне уже дали. Я запечатлел момент, в который ничего не произошло, значит, фанерка точно обладает магической силой. А даже если это и не так, то можно фиксировать момент, в который ничего не произошло. Хармс научил Шварца и Заболоцкого считать до трех, а я буду смотреть в фанерку.

Позже по совету Серюни я сделал из фанерки маску и всегда надевал ее на работу. Как только замечал в углу какое-то шевеление – шел на занятия.

После этого нам часто, примерно раз в неделю (хотя календаря у нас и не было) при раскопках стали попадаться свиные черепа – совершенно неотличимые друг от друга, так что, возможно, это был один и тот же череп.

Пустота в образах собаки и медведя

Моим соседом был Серюня – тот рыжий, который спустился в подвал сразу после меня. Его позвали за то, что он отлично проявил себя в «Что? Где? Когда?». История была следующей.

Он участвовал в игре как представитель спонсора – магазина «Мяснота» на улице Дмитрия Ульянова, 16. Играли не просто знатоки, а знатоки дзэн. Та самая игра, которую показывали, когда Халцедонов принес кости, и первый вопрос был про кошку, которую собирался убить праведник Нансэн, а второй и третий – «в чем смысл прихода Патриарха с запада». Что было дальше, я не видел, но помнил, что то ли он очень хотел спать, то ли не хотел, а Ниде его заставила, то ли она его соблазнила. Скорее всего, заставила.

Серюня рассказал, что еще чаще, чем «в чем смысл прихода Патриарха с запада», спрашивали, в чем природа Будды. Ведущий из всех сил поддерживал интригу и довел игру до счета 5:5.

При счете 5:5 выпал вопрос телезрителя из Москвы.

– Уважаемые знатоки, внимание, таинственная фигура!

Ассистент вынес огромный лист, на котором был нарисован почти идеально ровный круг.

– Уважаемые знатоки дзэн. Здесь нарисованы собака и медведь. Найдите их на этом рисунке и схематически перерисуйте, симметрично отразив вдоль вертикальной оси.

Поскольку вопрос не касался напрямую дзэн-буддизма, знатоки дзэн пребывали в растерянности. Они, как всегда молча, обсудили этот вопрос, и никто не предложил удовлетворительного ответа.

– Вы можете взять помощь зала! Пятнадцать секунд, и все могут советовать вам, – сказал господин ведущий.

Капитан команды знатоков дзэн молча согласился. Пропикал таймер, и зал не взорвался подсказывающими возгласами, как это бывает обычно, когда каждый зритель хочет подсказать ответ знатокам, даже если сам его не знает. Все потрясенно молчали, молчал и ведущий,

потрясенный тем, что никто не подсказывает знатокам. Молчало даже большинство телезрителей, потрясенных тем, что молчат все остальные. Можно сказать, среди всех, кто так или иначе имел отношение к той игре, воцарилось пятнадцать секунд молчания.

Не молчал только Серюня. Наступили его пятнадцать секунд славы. Сначала он тоже был потрясен тем, что все молчат, но вскоре закричал:

– Но это же очевидно!

Капитан команды знатоков дзэн все так же молча повернулся к нему.

– Ну, странно, что вы не можете этого нарисовать. Нужно же просто повернуть налево, и вот вам собака, а вот и медведь.

– Срочно! Срочно нарисуй нам! – закричал капитан, потеряв привычное самообладание.

Представитель спонсора стал проталкиваться к столу (надо понимать, что представители спонсора обычно стоят дальше всех от игрового стола, чтобы их всегда могла выхватить камера), возле стола толпились знатоки-зрители, они расступались неохотно, как в тумане. Секундная стрелка на часах бежала как безумная, к тому моменту, как представитель спонсора пробился к столу, осталось всего пять секунд. Все пропало, все, все пропало, думал, видимо, капитан команды знатоков дзэн.

– Подержите горизонтально, я так плохо вижу, – сказал представитель спонсора. – Нет, не так, поверните налево. Да не направо, а налево!

Так прошло еще четыре секунды, и лишь в последнюю секунду Серюня нарисовал на бумажке круг.

– Готово, – сказал он одновременно со звуком финальной сирены.

– Итак, каков же ответ? – спросил господин ведущий. Капитан команды знатоков дзэн подумал и молча показал рисунок. – Покажите в камеру, пожалуйста.

Наезд камеры – на листке бумаги виден почти идеально ровный круг.

– Вы уверены в своем ответе?

– Абсолютно уверен.

– А где тут собака?

– Ну вот же она, – сказал господин капитан знатоков дзэн, не делая никакого жеста, чтоб прояснить, где именно вот.

– Хм... а медведь?

– Да вот и медведь.

– Вы абсолютно уверены?

– Абсолютно.

– Что ж, я объявляю победу команды знатоков со счетом 6:5. Игра сделана! – сказал ведущий.

После этой истории Серюня получил приглашение в сборную.

Просто в глубине души каждый подозревал, что тринадцатый – это он

Гунарс сказал:

– Итак, начнем заседание. Очевидно, что нам нужно самим решить проблему. Арт не способен.

– Какую проблему? – сказал Серюня.

– Чарли, ты тут никого не обманешь, – сказал Фалитарист. – Мы тебе не буки. Давайте каждый будет говорить своим голосом, окей?

– Извините, – сказал Чарли.

– Короче, нам надо найти, кто из нас тринадцатый.

– А с чего вы взяли, что тут кто-то тринадцатый? – спросил я.

Все посмотрели на меня как на идиота.

- Ты, наверно, и тринадцатый, – сказал Гунарс.
- Может, после двенадцатого идет четырнадцатый, – сказал я.
- Хватит бредить, – сказал Арюфил.
- Чарли, я же просил!
- Извините.
- Ну что, какие мысли?
- Может, рассмотреть свойства?
- Какие свойства?

– Ну смотрите. Первый самый благородный, добрый друг, Второй чревовещатель, Третий самый талантливый, Четвертый ложный друг, Пятый стукач, Шестой самый высокий, Седьмой самый сильный, Восьмой тоже очень сильный, Девятый карточный фокусник, Десятый прикидывается дурачком, а на самом деле очень умный и тоже добрый друг, Одиннадцатый брат-близнец, Двенадцатый организатор, певец, танцор, полицейский! Кто ничему этому не соответствует, тот и тринадцатый.

– Я прикидываюсь дурачком, – сказал Шитовник. – Но я же и самый талантливый. Что делать? Видно, придется вам потом выбирать из двоих.

- Чарли!
- Все-все, молчу.
- Давайте Чарли и выгоним!
- Нет, ты что, он Второй.
- Ладно, давайте по порядку. Кто из нас самый благородный, добрый друг?
- Я, – ответили все.
- Самый благородный не будет кичиться своим благородством, – сказал Гунарс. – Так что самый благородный это я. Далее, Второй это Чарли, а кто Третий, самый талантливый?
- Я, – сказали все.

На этом обсуждение зашло в тупик. Как решить, кто из нас самый талантливый и кто, например, тоже сильный? А также кто признается в том, что он ложный друг или стукач? Никто не признается. Никто не признается и в том, что он Десятый (который прикидывается глупым). Более того, имеются вопросы и к номеру один! Гунарс не может быть Первым, потому что он организовал это собрание, а еще он певец, танцор, полицейский! То есть ему прямая дорога в Двенадцатые. И вообще роли могут совмещаться: самый сильный может одновременно быть и самым высоким, и самым талантливым, и одновременно еще и стукачом.

– А еще, – сказал я, – вы не учли одного обстоятельства, а именно – того, что натуральный ряд не терпит пустоты. Вы вот шикали на меня за то, что после Двенадцатого может идти Четырнадцатый, а, допустим, Первый умрет или каким-то иным образом нас покинет. Что делать в таком случае? Натуральный ряд не терпит пустоты. Второй очевидно переместится на место Первого, Третий на место Второго и так далее (или мы даже мы перетасуемся каким-либо иным образом). Тогда, к примеру, Чревовещатель внезапно вдруг облагородится, Талантливый станет Чревовещателем, Ложный Друг обретет способности, Стукач станет Ложным другом, Самый Высокий станет Стукачом, Самый Сильный внезапно вырастет, Также Очень Сильный станет просто Самым Сильным, Фокусник станет Также Очень Сильным, Ложный Дурачок обучится карточным фокусам, Брат-Близнец начнет прикидываться Дурачком, а Организатор, Певец, Танцор, Полицейский станет Братом-Близнецом!

- Жопа, – сказал Серюня, и все с ним согласились.
- Так что этот путь нам не подходит, – сказал я.
- Давайте думать дальше, – сказал организатор Гунарс.
- Можно еще по росту построиться.
- О, давайте! – закричали все, кроме Сизаница и Тренева и Чарли.

- А кто из нас выше? – спросили Марьян и Марис.
- А Тринадцатый это самый высокий или самый низкий? – спросил Сизаниц и Тренев.
- А давайте самый высокий! – сказал Чарли.
- А давайте самый низкий, – сказал Сизаниц и Тренев.
- Чего-то я не понимаю, – озадаченно сказал Шитовник. – Чарли же Второй, а Сизаниц и Тренев Шестой. Никто из них не может быть Тринадцатым. Фигня какая-то получается.
- Жопа, – сказал Серюня, и все снова с ним согласились.
- Давайте тогда по росту в случайном порядке выстроимся, – сказал я.
- Это другое дело! – сказали все.
- А кто из нас выше? – спросили Марьян и Марис.
- Чарли, я же просил!
- Извините.
- Что дальше? – спросил Гунарс, когда все выстроились в случайном порядке.
- Не знаю, – сказал я.
- Жопа, – сказал Серюня, и все с ним опять согласились.
- А еще вы не учли одного обстоятельства, – сказал Арюфил. – А именно: среди нас есть Стукач, и он сразу после этого заседания пойдет и заложит нас всех Арту.
- Он и так заложит.
- Зато сейчас у него нет никакой информации, – сказал Арюфил.
- Мне кажется, никто на самом деле эту проблему решать не хочет, потому что в глубине души каждый считает, что Тринадцатый – это он, – сказал Гунарс.
- Жопа, – сказал Серюня, и все с ним согласились в очередной раз.

Постепенно выяснилось, что не все из этого было правдой

Тайное общество – это предприятие, актив в нем – люди. Когда тайное общество создается с нуля, а не существует уже несколько веков или хотя бы десятилетий, главная проблема – это найти первоначальный набор участников. В устоявшихся тайных обществах, с репутацией, нет недостатка в новых участниках – старые участники активно рекомендуют новых, все наслышаны об уважаемом тайном обществе и рвутся в него вступить. Люди к людям, как деньги к деньгам. Не то свежесозданное тайное общество. Оно стартап: полетит или не полетит.

Одним из способов отбора спортсменов был следующий: писалась какая-нибудь чушь в газетах, для непосвященного набор символов буквально; кто способен был найти в нем смысл, находил и обращался по зашифрованному адресу, дальше все шло по обычной схеме. Уговаривать никого не приходилось, все соглашались. Для каждого находился соответствующий стимул, но главным стимулом было причаститься кругу избранных. Люди с удовольствием соглашались участвовать в тайных обществах, просто обычно их не зовут. В (явном) обществе ощущается очевидный дефицит обществ тайных. У человека примерно семь способов самоидентификации, но все его круги общения, к сожалению, в той или иной степени явные.

Газетный способ вербовки сторонников имеет много недостатков, главный из которых – некоторые люди не читают газет и вообще презирают новости. Среди неспящих был человек, который с ходу понял карточный трюк, продемонстрированный фокусником, уже состоящим в обществе; еще один с первого раза воспроизвел тайное движение брейк-данса; еще один с первого раза на корпоративе под караоке спел The Rocky Road to Dublin. Еще один понял смысл расположения колонн на острове Видей и написал об этом в своем блоге (после этого ему и прислали оффер). Еще один воспроизвел Майкла Джексона.

Про колонны на острове Видей следует рассказать отдельно. Видей (Videy) – это остров

в Исландии, во фьорде Коллафьордюр, в Рейкьявике. Хотя название переводится как «остров деревьев», на нем нет ни одного дерева. В 1990 году Ричард Серра, знаменитый скульптор-концептуалист, закончил там инсталляцию под названием *Áfangar*, которая представляет собой несколько пар базальтовых столбов, один столб в каждой паре высотой в три метра, другой – высотой в четыре метра, и оба заканчиваются на высоте тринадцать метров над уровнем моря. Несложно подсчитать, что один столб врыт в почву на высоте десять метров, второй – на высоте девять метров над уровнем моря. Расстояние между столбами непостоянно и зависит от угла наклона местности. Вместе два столба обрамляют окружающий пейзаж, соединяя тем самым природу и рукотворные создания человека. Помимо декларируемой цели – «естественной рамки» – инсталляция обладает другими ценными концептуалистами свойствами: парадоксальностью (асимметрией и в то же время симметрией, случайностью и в то же время просчитанностью), Obsessively-Compulsively счетом, гигантизмом, единообразием, однородностью и т.д.

Мало кто знает, что при постройке инсталляции были принесены человеческие жертвы. Серра понимал, что крепость без крови не стоит. Ричард Серра, очевидно, был бы принят в латвийское тайное общество – если бы уже не состоял в американском. Объяснение точного расположения его колонн было логичным признаком того, что человек достоин быть в тайном обществе.

За что в общество пригласили Рональда, который к тому же был существенно старше всех прочих, и как он вообще попал в эту гостиницу, может, случайно – оставалось непонятным. Может быть, он как раз был Тринадцатым и подлежал немедленной депортации.

Вырваться из заточения тайного общества неспящих не представлялось возможным. Их никто не охранял, дверь, через которую все попали в гостиницу, так и была открыта снизу, но пролезть под ней было невозможно, учитывая, что нужно было подставлять стул, подтягиваться на руках, просовывать в щель голову, а потом все остальное – и это без точки опоры, потому что стул оставался далеко внизу. Волей или неволей приходилось принимать участие в теоретических и практических занятиях.

Теоретические занятия уже описаны выше. Набор практических занятий диктовался вот чем: оказалось, это было не просто тайное общество, это было спортивное тайное общество.

В связи с допинговым скандалом от спорта отлучили сборную команду России, пока только от Олимпиады, но, возможно, и вообще тотально, от спорта. Как минимум, на одном спортивном ивенте место одной из сборных оказалось вакантным. Латвийским спортивным функционерам в определенных кругах определенно намекнули, что это место будет ее, поэтому власти спешно создали спортивное общество. Но попросили это не афишировать, поэтому спешно собранное спортивное общество создано было тайным. Не гарантирован пока был ни вид спорта, ни соревнование, но тренировки уже проводились. Нельзя было привлечь ни одного более или менее даже полупрофессионального спортсмена, поэтому привлекали экспатов-иллюминатов. А Арт предложил свои услуги в качестве дипломированного тренера-гуру (учеников он называл пригурками).

Так он сам всем рассказал, не за один раз, конечно, а постепенно, дозированно выдавая информацию. Постепенно выяснилось, что все это была не совсем правда.

Профессиональные керлингисты

В связи с диверсификацией спортивного направления Латвии физкультурные занятия иллюминатов были разнообразны. Например, играли в крокодилчиков – стандартную борцовскую игру, когда один или два крокодилчика на коленях пытаются ловить на ограниченном пространстве мата остальных участников, передвигающихся на ногах, и те, кого они поймали, тоже становятся крокодилчиками и ловят всех остальных. Играли также в мини-

футбол, настольный теннис, эстафеты, борцовский баскетбол.

Но основным видом спорта был керлинг. Он признавался самым полезным и развивающим все виды мышц.

В Риге под землей выстроен параллельный город с системой коммуникаций, и из гостиницы можно было попасть в разные места, и в частности на базу керлингистов сборной Латвии на улице Бикерниеку. Уважаемых участников тайного общества привозили туда в вагонетках. Постепенно все как-то выучились узнавать маршрут, хотя ехали в темноте, по тоннелям, как в метро.

Керлинг очень тяжелый вид спорта, несмотря на то, что кажется легким: беги себе и три. На самом деле сердцебиение терщиков может достигать двухсот ударов в минуту – нужно контролировать свое тело, чтоб не упало, перемещаться рядом с движущимся камнем, и при этом тереть как можно интенсивнее. Нередки несчастные случаи. Ни одна команда не может ужиться вместе больше четырех сезонов, это игра в высшей степени командная, сильнее, чем футбол, и при этом вина каждого игрока очевидна и легко доказуема. Проскользил камень слишком далеко – виноват подающий, который запустил его слишком сильно, а также трущие, которые лучше бы вообще не терли. Слишком близко – виноваты трущие, которые плохо терли, и подающий, который слабо запустил. Всегда очевидно, кого обвинить. Поэтому каждая третья или каждая четвертая тренировка – поход к психологу. Групповая психотерапия, команда ругается в присутствии специалиста по ругани, а также учится концентрироваться, не медитативно, как на теоретических занятиях, а механистически, с помощью холотропного дыхания, напряжения и расслабления определенных групп мышц, физических упражнений. Сущности темной материи тут никак не используются.

– Помните про дороги, которые всегда существуют! – кричал Арт. – Без вашего желания! Вам только открыть. Кто-нибудь видит дорогу? По которой нужно покатить камень. Я вот вижу, заранее, никаких полотеров не нужно! – и запускал камень всегда точно туда, куда нужно. – Если не видите, давайте я вам нарисую. На льду мог бы начертить, портить только его не хочется. Вот, на бумажке, смотрите, всегда подскажу, даже траекторию руки при подкрутке, смотрите, вот! только вам нужно научиться силу разгона контролировать, и все. Строго по моим рекомендациям двигайтесь! Строго! Неужели сами не видите?

Некоторые видели, или хотя бы так говорили, но с правильным разбегом ни у кого не получалось. Я в своей маске тоже, наверно, иногда видел. Но, может быть, и не видел. Полезная штука эта маска все-таки! Или бесполезная.

После тренировки заходили в душ, перед тренировкой или перед психологом появилась традиция всем вместе идти в туалет. Это как-то спланировалось, и если в начале все старались встать как можно дальше друг от друга, то уже через несколько тренировок два человека могли стоять рядом и разговаривать, а весь ряд писсуаров слева или справа был свободен. Каждый ссал по-своему, у каждого был, так сказать, свой стиль. Арюфил, например, сразу начинал мощно, и быстро заканчивал. Сизаниц и Тренев начинал еле-еле, но потом разгонялся и завершал большим напором. Фалитарист писал ровно и слабо, и потому дольше всех. Шитовник начинал обильно, с брызгами, потом ослабевал, и в самом конце снова обильно и с брызгами. Хатавлючий... ну, короче, у каждого свой стиль.

Сборная Латвии, когда не тренировалась, сдавала свою базу обычным непрофессиональным любителям керлинга или просто любопытствующим. Они играли на льду, а лед снизу был прозрачным, как одностороннее стекло в полицейских участках, и в ясную погоду нам снизу бывало видно, как молодые или немолодые люди запускают по льду камни, трут щетками, оскальзываясь и падая (один раз кровь из чьей-то разбитой головы закрыла нам обзор). Играли, конечно, очень плохо.

Как-то раз я увидел так через лед Ниде. Она пришла с Ниной, Кристой, Улдисом, Рауфом с Аней, Ягмуром и еще каким-то мужчиной, очень похожим на меня (или то отражался

я сам сам? Во льду или в слезах). Возможно, это был Халцедонов. Ниде смеялась, злилась, когда не попадала камнем в круг, отбивала пятеры и один раз чуть не упала. Где ты и с кем ты теперь? С кем остались дети? Почему ты такая веселая, когда мне так плохо? Все-таки что-то было и хорошее.

Помнишь, в Барселоне, вдвоем в крошечной каморке с балконом, шириной в ладонь? Или в Брюсселе на колесе обозрения? Или как ночевали в кладовке, темно было, как под землей, мы не видели друг друга, поэтому острее ощущали слухом, запахом, прикосновениями, вкусами? Или как ты тонула, а я подошел, обнял тебя и вытащил из воды? И как когда-то думали, что мы на самом деле одно? И как был дымный город, и мы поставили разбрызгиватель и сидели за завесой дождя, укрывшись и от дыма, и от людей? И как однажды ты сломала нос, и мне было жалко тебя до слез? А у меня умер отец, а ты была беременна? Наверно, можно найти нам общее дело. Ну вот хотя бы этот вон керлинг – я отлично уже играю, и ты научишься.

Она была очень красивая, наверно, несколько лет не видел ее такой красивой.

Я затосковал.

Первый шаг к повышению уровня своей компетентности – это осознание своей примитивности

Арт сказал:

– Вас, ребята, это может заинтересовать. Российские конкуренты в порядке.

Он включил телевизор. Диктор, как будто только того и ждал, сразу охотно рассказал, что на прошедшем в эти выходные открытом чемпионате Страны Эльфов по мистическим практикам победу одержала команда «Звезда» из России в составе Всеволода Белобобра, Бориса Борисова, Сержа Агибаняна, Домера Хазрцтулавы и Альбины Деветьяровой. Потом стали показывать концерт с участием Ниде Эрдели, и Арт выключил телевизор.

– Задавайте вопросы.

– Что такое Страна Эльфов?

– Условно так называется страна магических существей, которых вы до сей поры не видели, но вот теперь начали воспринимать. Такая же страна, как Мурохамма, Арашамф, Фальтора и так далее.

– Но Россию же дисквалифицировали из-за допинга!

– И правильно сделали! Но мистические практики, к сожалению, пока не регулируются МОКом. Или к счастью, учитывая их токсичную коррупцию. Они, как видите, назвали «Звезда», частная команда (фактически это сборная, конечно). И, кстати, то, что они выиграли, наводит на определенные подозрения. Вам, ребята, еще раз напомню, заучите как отчет наш: вам нельзя использовать никакой допинг, вы должны быть кристально чисты и трезвы. Ни аяуска, ни псилоцибиновые грибы, ни мухоморы, ни кислота, ни шалфей, ни мескалин, ни акация, ни бетель, ни слоновое яблоко, ни марихуана, ни кофеин, ни кратом или лавровый лист. Ничего. На этом все и держится. Это квинтэссенция, ребята!

– Я правильно понимаю, что состав России сформирован из моих коллег? – спросил я.

– Из бывших коллег, – поправил меня Арт, – но да, правильно.

– Они так же сидят в подвале или ходят на работу?

– Не знаю. Если сидят, то не в подвале, не ниже уровня земли, это точно. Это же чемпионат Страны Эльфов, а не Каттарама.

– Но как они могут участвовать в чемпионате по духовным практикам? Вы же их видели?

– А что с ними не так?

– Они же, блядь, все заточены на успех. Они настолько приближены к земле, что ближе уже и вообразить некуда. Никогда не сделают глупости, не потратят энергии впустую. Адепты

эффективности и саморазвития, готовые клиенты коучей или сами готовые коучи, все время позитивно улыбаются, строят нетворкинг, тимбилдинг, моральный дух. Да вы правда только посмотрите на них! Всегда в пиджаках, аккуратненько причесаны, знают по пять языков, не курят, пьют только оранжевые вина, не теряют над собой контроль, развиваются! В спортзал ходят! При этом обсуждают цену кокса и шлюх, едят только в ресторанах, ездят только на такси. Молодые, блядь, специалисты! Крутые отели, интересные проекты, адекватные и приятные коллеги, дни полные челенджей, зарубежные тренинги и командировки, крутой офис с бесплатной едой, престижный социальный статус. Каждый – синоним успеха. У всех огромные планы, амбиции, через пять лет видят себя крутыми специалистами... и что там еще? Знают все термины, человеки будущего! Ну как они могут быть духовными личностями?

– А почему они не могут быть духовными личностями?

– Да потому что у них на мистические практики просто времени не останется при такой одержимости Успехом. Да их просто не интересуют духовные практики! Да, я понял, что мне в них не нравится.

– Что?

– То, что их кроме так называемого «успеха» ничего и не интересует. В том, что они делают, они, может, и хороши, но они читают только нужные книжки, говорят только с нужными людьми, слушают только нужные подкасты. А прекрасный, но излишний мир снаружи их не интересует – ну, может, кроме одного там, двух увлечений – военная история, например, и интеллектуальные игры.

– То есть широты нет?

– Ну да.

– Ясно. А зачем им широта? Если это их работа. И вообще, ты не представляешь, Рональд, какой широкий мир там открывается, в духовных практиках. Никаких книг не нужно. Ну вот смотри, чтоб понятно было на твоем примитивном уровне. Вот представь себе, Рональд. Работаешь ты аналитиком, делаешь исследования. Твоя цель какая? Не перебивай меня, пока все не расскажу, это риторический вопрос. Твоя цель в том, чтобы побольше сделать исследований, интересных, и правильных, и поменьше облажаться, так? Так. Ходишь на работу в грязном свитере, потому что нет времени на себя, это я все понимаю. Потом что? Я даже не говорю, что тебе нужно встречаться с клиентами, хотя это тоже, но я пока говорю на твоем уровне понимания. Ты начинаешь понимать, что твои коллеги вообще-то ничего не делают, но это ладно, они еще и тебя подводят, и вообще из-за их так называемой деятельности скоро прикроют всю контору, а тебе есть-то надо все-таки, жена, дети, квартплата, интернет. И ты не можешь за них за всех работать. Учти, что я не сказал тут слова «эффективность», но это именно то, что УЖЕ есть у тебя и то, чего нет у твоих коллег. Ты не ищешь эффективности, она в тебе уже есть. Что тебе остается делать? Тебе остается идти на повышение, и к своим навыкам ты добавляешь еще несколько, чтобы контролировать своих коллег и вообще понимать, что происходит. Я не говорю тут слова «саморазвитие», но это оно и есть. Саморазвиваясь, ты становишься более эффективным и оставляешь время для дел, которые действительно важны, если угодно. В том числе и покупая дорогие костюмы, и умея подбирать к ним галстуки. Короче говоря, для выживания тебе приходится повышать свой уровень, переходить в лигу выше. Вот и тут. Вот и тут. Адепты эффективности не просто так нюхают кокс. Это им жизненно необходимо. Но в данном случае твои бывшие коллеги, может, и не нюхали кокс, поскольку духовным практикам (на низших, по крайней мере, уровнях) он только вредит. Развивайся! Повышайся! И в будущем тоже сможешь участвовать в открытом чемпионате Страны Эльфов, и дальше, дальше – Файр, Нэртис, Готимна, – лиг очень много, бесконечно много, и мы сейчас в одной из самой нижних. Ясно? И это, кстати, и всех касается. Аккуратная прическа очень важна. Развивайтесь! Повышайтесь! Ясно, говорю?

– Ясно, – ответили все, только Шитовник сказал не в тему:

– Там, когда начался концерт, была бегущая строка: «сборная Латвии не попала в финал, заняв двести тридцать пятое место, проиграв команде Гибралтара». Как же это можно понять? Мы же не играли с Гибралтаром.

– Хм! Да, верно, была такая надпись, кажется. Ну так это вы так думаете, что не играли, а на самом деле играли. Просто сами пока не доросли до того, чтоб осознать. Играли, играли. Вы примитивны, поймите это! Потому и проиграли даже Гибралтару. Потому вы сейчас и не доросли до уровня Страны Эльфов и остаетесь в Каттараме. Осознание своей примитивности – первый шаг к повышению уровня своей компетенции.

«***»: Аудиенция у Газзаева

Несмотря на гол в последней игре, Рональду не хватало практики, и он несколько раз ходил проситься в другие клубы. В первую очередь пошел, конечно, в «Викторию». У них был целое административное здание на улице Щипок. Вован ему очень обрадовался.

– Пойдем-ка, пойдем-ка, как раз здесь сам, – он взял его под локоть и вывел из офиса, кивнул охраннику, тот взял его под другой локоть, и повели его вместе по коридорам. Долго шли, открывали перед собой множество дверей (не одновременно, конечно) и закрывали их за собой. Спускались по каким-то лестницам. Подошли к бронированной двери с огромным колесом в качестве дверной ручки, позвонили по служебному телефону, получили, видимо, разрешение войти, набрали код, открутили колесо.

В комнате сидел Валерий Георгиевич Газзаев.

– Ну, чего надо?

– Вот он! – закричал Вован. – Сам пришел, голубчик!

– Кто? – спросил Газзаев.

– Да вот же, чувак, в прошлом году нам два гола забил, кубок отнял.

– Ну и че?

– Ну, как че? Сам говорил еще тогда – ноги бы ему обломать.

Рональд обратил внимание, что в углу бронированного кабинета Газзаева стоит пара бейсбольных бит. Охранник перехватил его взгляд и тоже заинтересованно посмотрел в угол. Из задней двери вышел Аслан Газзаев.

– Ты! – закричал он, свирепея глазами.

– Я так говорил? – спросил Валерий Георгиевич.

– Ну конечно! Так он мало того, в этом году нам тоже забил.

– А че он пришел-то?

– А че ты пришел? – спросил Вован у Рональда.

– Да я... вообще... проситься к вам в команду хотел.

– Ты охуел, что ли, да? – грозно заорал Вован (в сущности, он был добрый человек). – Ты думаешь, ты нам гол забил, так сразу Рональду стал ебаный? Да ты на себя посмотри! К нам Акоп Акопян просился, мы его не взяли, у нас своих, с Владика, с Сунжи... да даже, блять, с Верхнего Фиадона я лучше пацана возьму, чем тебя, Рональду ебанного! Да даже блять грузины и то лучше, ты понял?

– Я все понял, – сказал Рональд. – Конечно, я все понял.

– Так че с пацаном делаем? Нихера он не понял!

– Отпустим, – решил Газзаев. – У него с головой не в порядке. Хочет играть – пускай играет, где хочет. Больше никаких ног пока.

Охранник с трудом отвел взгляд от биты в углу, взял Рональда под локоть и повел к двери.

– А ты останься, Вован, – сказал Газзаев тренеру. – Дела делать будем.

Потом Рональд сходил в «Реальчики» и поговорил там чрезвычайно коротко.

«Реальчики», видимо, еще не знали, что Газзаев разрешил Рональду играть, где он хочет. В сущности, весь разговор ограничился словами «велено не пускать».

Еще в двух командах ему сказали, что, чувак, мы все понимаем, ты, конечно, молодец, что забил за два года три мяча «Виктории», но этого как-то мало, что ли, почему ж ты в остальных играх не выходил, у нас и своих пацанов хватает, короче, нет, извини, все укомплектовано, ну что уж тут поделывать, потренируйся у Артема, у вас новая игровая философия, говорят. Прояви себя, а то пока что-то нет, не очень, ну, что уж тут поделаешь, ну, извини, парень.

В то лето в ЮЗВЛЛФЛ игр не происходило в связи с участием сборной России в чемпионате мира, участием чрезвычайно кратковременным. Следующий сезон в вышке начинался весной, но тренироваться решили начать уже в октябре. Было целое лето отдыха, и еще полтора месяца осени.

За это время Рональд с удовольствием забыл о футболе, у него появилась девушка, и к исходу лета он решил бросил все. Ему несколько раз звонили друзья и звали поиграть на коробке, но Рональду не хотелось даже видеть никого из них, даже Яшу, даже Серегу. Даже Андрюху. Футбол закончился как страшный сон.

Пара ущербных чуваков, которым приходится есть акулу

С течением времени постепенно нам разрешили заказывать персональные посылки, которые доставляли через ту же щель в двери, через которую каждое утро дневальные получали провизию для всей компании и письма. Через эту же щель поднимали наружу выкопанную нами землю.

– Гляди-ка, что привезли, – сказал Хатавлючий, и мы подошли посмотреть. Вокруг столпились уже все остальные.

– Что это, – спросил Чарли.

– Может, пианино, – сказал Марис.

– Сам ты пианино, – сказал Фалитарист.

– Тогда это набор для барбекю, – сказал Шитовник.

– Сам ты набор для барбекю, – сказал Фалитарист.

– Или дирижабль, – сказал Марьян.

– Сам ты дирижабль, – сказал Фалитарист.

– Или огурец!

– Или вуалехвост!

– Это гроб, ребята, – мрачно сказал Серюня.

Фалитарист промолчал, потому что действительно, это был гроб. Все как-то сразу приуныли. Арт спросил, кто заказывал гроб, но никто не признался. В тот же день Рональд с Хатавлючим выкопали еще один гроб, точно такой же, так что у нас стало теперь два гроба.

Гробы переставили в конец жилого коридора, там, где были комнаты моя с Серюней и Чарли с Хатавлючим. Каждый раз, возвращаясь домой, Рональд кидал взгляд на гробы и не знал, что и сказать. Потом привык и уже не замечал.

Через два дня Серюня сломал ногу. Арт сказал, что Серюне необходим покой и велел мне от него отселиться и подселиться к Хатавлючему, Чарли отселиться от Хатавлючего и подселиться к Арюфилу, Сизаницу и Треневу отселиться от Арюфила и подселиться к Торину, Призмому отселиться от Торина и подселиться к Фалитаристу, Шитовнику отселиться от Фалитариста и подселиться к Гунару, а Марьяна и Мариса не трогать.

В комнате Хатавлючего воняло аммиаком – не сильно, но запах был везде. После индивидуальных занятий я обычно шел в гости к Серюне, мы пили чай и обсуждали текущую ситуацию. Серюня помогал мне словом и делом, объяснял непонятные моменты.

– Остерегайся Арюфила, – говорил Серюня. – Арюфил стукач.

В последнее время, после того как сломал ногу, Серюня был очень нервный и грустный. Нога никак не заживала, а кроме того, Серюня сломал и руку. А кроме того, лежал и температурил.

– Смерть моя скоро придет, – говорил он.

– Ну что ты, ты еще поживешь, – утешал его я. – Ты еще на на моих похоронах простудишься.

Серюня скорбно лежал, прикованный к кровати. Нога висела на веревочке, противовесом служила полуторапудовая гиря. Утку Серюне менял только я. В воздухе висел тяжелый запах аммиака, так что, возвращаясь с индивидуальных занятий к Хатавлючему, я не замечал, что у того тоже пахло аммиаком. А пахло там с каждым днем все сильнее. И вообще весь конец коридора пропах мочой.

Возвращаясь как-то от Арта, я постучал Серюне в дверь. Никто не ответил. Я постучал еще раз и вошел. Серюни не было, более того, кровать была чисто убрана.

Я вышел из комнаты. Что делать, кому говорить, что Серюни нет, кого спрашивать? Я надел маску из фанерки, в который раз надеясь, что она мне как-то поможет.

ГРОБ.

Гроб только один. Второго гроба нет! Пахнет свежестью! Никакого аммиака! Никакой мочи!

У меня подкосились ноги. Надо срочно упасть на кровать и все обдумать. В холодильнике лежит плитка шоколада. Как назло, забыл ключ, Хатавлючего в комнате не было. Делать нечего! Дверь хлипкая. Я размахнулся и выбил ее.

А Хатавлючий-то, оказывается, в комнате был. Хатавлючий резко раскрыл дверцу холодильника и попытался что-то убрать внутрь. Ужасно, просто невыносимо воняло мочой.

– ЧТО ЭТО.

– Ничего, не твое дело, – ответил Хатавлючий.

– Может, это Арта дело.

– С чего бы.

– Да ни с чего. Если это то, что я подозреваю, то я сейчас же иду к Арту. Нам же запрещены всевозможные средства, расширяющие сознание: что аяуска, что псилоцибиновые грибы, что мухоморы, что кислота, что шалфей, что мескалин, что акация, что бетель, что слоновое яблоко, что даже марихуана, что даже кофеин, что даже кратом или лавровый лист. Это же вообще самое главное! чтоб без допинга. На этом же все и держится.

– Мое не запрещено, – сказал Хатавлючий. – Про него Арт ничего не говорил.

– Ну, раз не говорил, я пошел. Тем более, что и Серюня пропал.

– Ладно, ладно! Стой. Не надо к Арту.

– Почему это?

– Ладно. Давай начистоту. Обещай только, что к Арту не пойдешь.

Выяснилось, что препарат, который принимал Хатавлючий, называется хаукарль, или ферментированная гренландская акула, *somniosus microscephalus* (сонный микроцефал), обитающая в холодных водах Северной Атлантики. Живут эти акулы до двухсот лет и, чтобы выжить при таком высоком давлении и низкой температуре, накапливают в тканях триметиламиноксид и мочевину. Мочевыводящей системы у них нет, моча выводится через кожу. Есть мясо этой акулы в сыром, жареном, вареном или вяленом виде нельзя – симптомы похожи на симптомы сильной алкогольной интоксикации. Плоть гренландской акулы используют (в малых дозах) для общения с духами эскимосские шаманы. Исландцы же придумали, как ее можно готовить: закапывают мясо в землю на месяц-полтора, где оно гниет, или *ферментируется*, из нее выходит большая часть токсинов. Потом ферментированное мясо выкапывают и вялят на морском ветру еще два или три месяца. Вот это мясо и называется

hákarl, в ресторанах оно считается деликатесом. Будучи в Рейкьявике, Хатавлючий купил хаукарль на рынке и привез в Ригу несколько кусков. После уговоров коллег он принес ее на работу попробовать, и сам съел пять кусочков. Пространство вокруг него начало скручиваться и деформироваться, в частности, верхний край станка начал выглядеть как симметричная ломаная. Так он понял, что даже в таком виде гренландская акула умеет расширять сознание.

– Помнишь, мы тогда выкопали фанерку? В сказках бывает – человек смазывает, например, волшебной мазью глаз, видит гномов или там лепрекоунов, гномы понимают, что человек их видит – и раз ему пальцем в этот глаз! Вот и тут то же самое. Я теперь все мистические сущности только одним глазом вижу – сам понимаешь, хаукарлем нужно компенсировать.

– Как же я через эту фанерку вижу? Почему мне глаз не выкололи?

– Да ты и не видишь ничего. Ты изначально не видел. То, что ты там якобы какие-то тени видишь – самовнушение. То, что ты зрения не лишился, только доказывает, что в тебе никаких способностей нет, абсолютно никаких!

– Ну, я же как-то дошел сюда? Арт говорил, что случайно сюда не попасть.

– Случайно можно попасть, но потом выгонят, ха-ха. Но я-то знаю, кстати, почему тебя здесь держат.

– Почему?

– Ты думаешь, потому, что ты такой неспящий, что ли? Потенциальный спортсмен? Олимпийский чемпион? Ха-ха! Я тебе скажу всего два слова. Коричневая. Тетрадочка.

– Какая коричневая тетрадочка?

– Не притворяйся, а? Тебя же облизывают, чтоб ты свою тетрадку отдал.

– Да какую тетрадку-то?

– Ну ладно, не хочешь – не признавайся. Короче, давай, услуга за услугу. Я тебя предупредил за тетрадочку, а ты не говоришь Арту за мое лекарство. Идет?

– Нет, не идет.

Договорились, что Хатавлючий делится акулой со мной, а я за это никому про него не говорю. Придумали также, как решить проблему запаха.

Дело в том, что у хаукарля очень сильный и очень неприятный запах. По опыту Хатавлючего, этот запах пробивается даже через пластиковый контейнер и три слоя полиэтилена и остается на стенках морозилки спустя три недели после извлечения оттуда самой акулы. До сей поры запах маскировался запахом мочи Серюни, но теперь, когда его нет, кто-нибудь обязательно унюхает и заинтересуется.

Решили разобраться, что там с Серюней, может, еще вернется. Если нет – сломать кому-нибудь ногу (Гунарсу, его никто не любит), поселить его в бывшей комнате Серюни и не менять утку. Или, в крайнем случае, самим мочиться на свои кровати.

Также договорились, в качестве бонуса, что Хатавлючий признает, что фанерка помогает. С помощью нее я все-таки вижу какие-то тени, никакое это не самовнушение – и тем самым доказываю Арту, что я все-таки что-то вижу. И – для закрепления равного статуса – что мы два ущербных чувака, которым приходится есть акулу.

Перформативная акция на острове видеЙ

Как уже говорилось выше, одного из нас позвали сюда за то, что он познал расположение колонн на острове ВидеЙ. Сей один был Хатавлючий. Но пока Арт не объяснил ему этого, он и сам этого не понимал. Хатавлючий был талантливый, но темный. Вот его рассказ (вкратце).

Он ничего не знал про эти столбы, он поехал на ВидеЙ потому, что был фанатом the Beatles. Йоко Оно в память о своем муже построила на этом острове Колодец Желаний.

Несколько раз в год оттуда били прожекторы, в ясную погоду не менее чем на четыре километра ввысь. Про столбы он узнал только из карты Видея на плывущем на остров пароме, и тут же у него в голове отчего-то созрела художественно-концептуальная Акция – пройти через каждые образованные столбами ворота, одни за другими, оплодотворить их смыслом, зафиксировать моменты, в которые ничего не происходит (как я через фанерку или Хармс, досчитав до трех), открыть порталы пустоты и должным образом задокументировать открытые порталы на фото пленку.

Был март, паром по случаю несезона ходил на остров лишь трижды в день – в 13:15, 14:15 и 15:15, и обратно тоже трижды в день – в 14:30, 15:30 и 16:30. Переправа от гавани Скарфабакки занимает пять минут. Тем самым максимальное время нахождения на острове составляло около трех часов, если выйти первым паромом и вернуться последним и не терять времени на осмотр остального острова.

Весь остров Видей покрыт травяными кочками. Между ними в теплое время года растет предательски мягкая трава, а в холодное – лежит довольно глубокий снег. Под снегом (весной) часто тает вода. Ходьба и особенно бег по таким кочкам требует сравнительно больших усилий – как физических, так и умственных (потому что надо быстро ориентироваться, куда поставить ногу). При выполнении задуманной Акции Хатавлючему необходимо было соблюдать дополнительную осторожность, поскольку некоторые из этих восьми пар столбов стоят прямо на берегу моря, и можно было запросто свалиться в воду.

Помимо столбов Ричарда Серры, великого, на острове Видей много достопримечательностей: Самое Старое Каменное Строение Исландии, Здание Школы (заброшено), Табачный Огород, Холм-Внутри-Которого-Живут-Женщины-Скрытого-Народа, Загон Для Овец и так далее, не говоря уже о знаменитом Колодце Желаний. Остров необитаем с 1950-х годов. Мемориал Леннона располагается на Восточном острове, куда причаливает и паром (Видей делится на Домашний (или Восточный) и Западный (Heimaey (или Austurey) и Vesturey), и все достопримечательности, кроме Столбов, находятся на Восточном, а для того, чтоб пройти на Западный, нужно миновать Eidið, Перешеек, по некоторым версиям, специально насыпанный, чтоб скот мог перейти с Западного Острова на Восточный и обратно. Помимо упомянутых травянистых кочек, на Видее имеются и более масштабные земляные образования, такие как пригорки, холмики, холмы и холмищи, в одном из которых даже живут женщины из скрытого народа, а второй имеет название Смертельный Склон.

Хождения по пригоркам, холмикам и холмам, учитывая общую кочковатость поверхности, разглядывание пейзажей и леннонских мемориалов, документирование всего этого на цифровой фотоаппарат заняло у Хатавлючего довольно много времени, отъез его от выполнения основной, как позже выяснилось, миссии. Но он еще не понимал, что это критично. Лениво подошел к Перешейку – здесь поверхность опускалась к морю плавно и образовывала что-то типа пляжа с черным песком, спустился к морю, постоял и пошел на Западный остров.

Здесь было больше снега, чем на Восточном, идти стало тяжелее. Навстречу прошел незнакомец (и это оказался единственный увиденный им на Западном острове человек). По заснеженной туристской тропе, обозначенной на карте как «удобная дорожка», вели два следа, как будто прошли рядом Винни-Пух и Пятачок одного размера, не отвлекаясь, впрочем, на ворота Ричарда Серры. Всего два!

В рюкзаке Хатавлючего лежало две банки напитка под названием «Легкое пиво». Легкое исландское пиво обладает обычно каким-нибудь мужественным названием, имеет крепость полтора градуса, и единственное из относительно спиртных напитков продается в исландских супермаркетах. Во всем Рейкьявике есть единственный магазин, где продаются напитки крепче легкого пива, и магазин этот специализируется именно и исключительно на алкоголе. Взять с собой в путешествие хоть какой-то алкоголь нелегко, и у Хатавлючего было

всего лишь две банки этого, с позволения сказать, пива. Одна синяя, другая голубая, одна «Туле», другая «Викинг», какая именно какая, уже и не вспомнишь. И вот он оказался на острове с двумя банками легкого пива в рюкзаке и фотоаппаратом в руках, и помимо пива, фотоаппарата, рюкзака и рук на острове не было никого, кроме него, это он быстро понял по той довольно мертвенной тишине, что воцарилась вокруг. Вроде время от времени дул довольно сильный ветер и летели со страшной скоростью облака, как всегда в Исландии, но, рассказывая об этом своем путешествии, Хатавлючий всегда говорил, что совершенно не помнит звуков. Определенно били волны о берег, и летали чайки, но все это было беззвучно. Чайки летали и касались одним крылом воды, и когда набегала волна, и вода поднималась или опускалась, чайка точно так же поднималась или опускалась, и не меняла своего положения относительно воды, с видимой легкостью, словно вообще не обращая внимания на волны, это было просто поразительно. Хатавлючий видел это собственными глазами, и многократно, и часто не мог оторваться от этого зрелища. Все он видел, но звуков при этом не было, как в немом артхаусе.

Хатавлючий – типичный латышский гопник. Он любит гулять, отхлебывая из бутылки и по возможности лузгая семечки. Но общество, и особенно полицейские, такое поведение не одобряет, поэтому Хатавлючий выбирал для прогулок с пивком и семками именно заброшенные места, где его никто не видит. И тут, на Западном острове, настало время его тайного триумфа. Пройдя через пару ворот и задокументировав их и все, что полагается (вид через них на Рейкьявик или на море, или на противоположный берег, дома в тени гор на котором буквально казались точками; отсутствие изменения мира; отметив про себя, что сакральное действие по проходу через ворота ничего не изменило ни в нем, ни в мире вокруг него), он вытащил из рюкзака то ли «Викинг», то ли «Туле» и, чувствуя себя то ли берсерком, то ли на краю ойкумены (а скорее всего, и то и другое), сделал глоток. Только берсерком он оказался трусливым, потому что заробел показывать возможным соглядатаям с Восточного острова, что тут пьют пиво, пусть даже и такое легкое, как 1,5°. Западный остров хорошо просматривается с Восточного, по крайней мере, с крыш его немногочисленных зданий и с многочисленных холмов и холмищ, и особенно через бинокль. Хатавлючий был уверен, что на Восточном острове сидят специальные люди, какие-нибудь спасатели с биноклями, и время от времени обзревают окрестности, в том числе, конечно (и особенно), Западный остров. Поэтому он все время держал пиво в западной руке, чтоб его было не видно с востока, или же вообще засовывал его в карман. Это причиняло ему довольно большие неудобства, делало карман мокрым, а также отвлекало умственные ресурсы (все время приходилось следить, какая рука западная), которые и так требовались для передвижения между кочек. Но Хатавлючий не роптал. В конце концов, тут было на что посмотреть. Дул ветер, вокруг волновалось море, за морем с одной стороны был Рейкьявик с Хальмигримскиркьей, с другой величественные горы. Безумно красивые облака, какие бывают только около моря. По морю то и дело проплывал какой-нибудь корабль, или, скорее, катер. От потенциальных толп вооруженных биноклями соглядатаев с корабля Хатавлючий точно так же прятал свое пиво, как и от потенциальных соглядатаев с Восточного острова, что еще сильнее усложняло логистику перемещений не только его тела в целом, но и частей этого тела, как то: рук, ног, кадыка, подмышек и пр., и пр. Ноги, как уже говорилось, также требовали особого внимания. Не перечисленные части тела были немного более автономны.

Это могло бы показаться безумием; такая паранойя относительно пива и частей тела может вызвать некоторые узкоспециальные вопросы. Но это было не случайно. Хатавлючий не понимал, пока не попал сюда, но все дело в хаукарле. Перед Акцией Хатавлючий съел восемь или девять кусочков. Возможно (но полной уверенности нет), что их количество случайно совпало с количеством ворот Серры.

От вторых до третьих ворот было довольно далеко, но следы как-бы-Винни-Пуха-и-

Пятачка оптимистически вели его вперед. На карте на этом отрезке имеется малая достопримечательность – грудка камней, на которой некто неизвестный когда-то сделал какие-то таинственные надписи. Хатавлючий пошел посмотреть, но угодил в подснежную лужу, кое-как выбрался обратно на тропу, пошел дальше – через пять метров с тропы отходили деревянные мостки, по которым шли и сообразительные путеводные следы (Хатавлючий последовал за ними). Дошел до третьих ворот, прошел свозь, оплодотворив их смыслом, потом до четвертых. На этом отрезке была еще одна достопримечательность в виде гребного винта корабля, потерпевшего здесь крушение во время войны, а также там было место, которое каким-то непостижимым образом не просматривалось с Восточного острова, и можно было сделать глоток, не упуская из внимания, впрочем, возможность нескромных взглядов со стороны моря. К четвертым воротам Хатавлючий подходил в довольно уже большой спешке, потому что в голове вдруг возникла мысль о том, что он может опоздать на последний паром в Рейкьявик. Эта мысль сначала была слаба, потому что ей противостояла другая мысль, о том, что он не опоздает. Эти две мысли образовывали простую оппозицию «опоздаю – не опоздаю». Все мысли Хатавлючего тогда были крайне просты. Он смотрел на камень и думал «это камень», он смотрел на гребной винт и думал «это гребной винт», он смотрел на Столбы Ричарда Серры и думал «это Столбы Ричарда Серра». Противостояние мыслей со временем росло, усложнялось и диалектически развивалось. Вторая (успокоительная) мысль взяла себе в союзники расписание паромов, и на какое-то время с помощью глотка легкого пива взяла верх. Однако первая, тревожная мысль, не умерла, а призвала на помощь еще несколько: что непонятно, как локальное время соотносится с латышским; что непонятно, насколько действительно еще (или уже) это расписание, быть может, его уже сменили; что пропади он тут, никто не хватится, потому что ведь при посадке на паром пассажиров не пересчитывали; что тут очень красиво; что тут очень пусто и дует ветер; что тут грустно; что тут летают чайки; что это камень; что это гребной винт; что это Столбы Ричарда Серра. Легкое пиво, будучи сначала союзником успокоительной мысли, вдруг предало ее и переметнулось на сторону мысли тревожной; возможно, не стоит полностью игнорировать и влияние хаукарля. В общем, к шестым воротам Хатавлючий уже почти подбегал, к седьмым подбегал в буквальном смысле. Ну ничего, вот еще эти, и еще одни, и тогда, возможно, успею на 15:30. Или бросить все и бежать на причал? Не, ну а как же тогда Акция.

Последние, восьмые ворота были на склоне, на отшибе, не на берегу моря, а на склоне, который опускался к Перешейку, а за ним уже был Восточный остров. Чтобы добежать до них, нужно было существенно отклониться от путеводной двойной тропы, и, объективно говоря, много времени это не занимало, но субъективно Хатавлючему этот бег в расстегнутой куртке, с фотоаппаратом и пивом, когда он черпал ногами снег, показался очень долгим. Бежать по такому снегу немного тяжелее, чем бежать, к примеру, по рыхлому песку. На бегу он зафотодокументировал последние ворота, прошел через них – Акцию можно было считать завершенной – и тут перед ним встала мощная дилемма: он мог спуститься по крутому склону к Перешейку и попытаться пройти по бездорожью, учитывая, что на карте было обозначено что-то типа пересыхающего ручья, и там может быть вода; или пойти, вернее, побежать, по туристской тропе, уже потерянной в гонке между седьмыми и восьмыми воротами, с почти полной гарантией не успеть на последний паром. С другой стороны, если спускаться напрямую, то пути, возможно, вообще не будет, и придется возвращаться. Хатавлючий в сомнениях огляделся и увидел еще одни, не ожидаемые им, ворота! Оказывается, их было девять, а он все время отчего-то думал, что их восемь, хотя на карте явно и недвусмысленно было сказано, что их девять (в своем описании Акции он говорил, что их восемь, лишь для того, чтоб слушатели хоть немного, а почувствовали себя в его шкуре). Девятые врата решили вопрос, и он побежал к ним, уже наплевав на соглядатаев с Восточного острова, допивая на бегу пиво. Между восьмыми и девятыми вратами тропы не было никакой, то есть можно было

вернуться по своим же следам на путеводную тропинку, пойти по ней и там где-то отойти к девятым, но искать тропу уже не было времени, к тому же, кажется, там где-то два следа наконец разделились, поэтому Хатавлючий рванул по глубокому снегу напрямик, бежал по склону, добежал, прошел сквозь, задокументировал, зафотофиксировал, зачекинился. На паром он все равно уже не успевал, но по инерции полушел-полубежал – есть такой вид перемещения в пространстве, когда идешь со всей возможной скоростью, но иногда эта скорость кажется настолько медленной, что срываешься на несколько шагов на бег. Потом меняешь бег на шаг и передвигаешься с почти такой же скоростью. Потом снова бег. Так он дошел до тропы, спустился к Перешейку, стал подниматься на Восточный. На перевале, где стоит указатель и два часа назад было много людей, никого не было. Пустая алюминиевая банка звякала в рюкзаке очень громко, в отличие от наполненной. В данном случае плевать, но вообще надо потренироваться шагать осторожно, научиться ходить бесшумно даже с этим дополнительным усложнением. Зато, наконец, появились звуки, как будто их включили при переходе на Восточный остров. Теперь, когда он не мог ничего изменить, тревожная (вторая) мысль стала терять свою силу, снова уступая первой («да не опоздал, наверно») и третьей, новой («а прикольно!»). Поднявшись на перевал, он увидел подошедших с востока двух старушек, которые спросили по-английски, а как тут пройти, милоч, на Западный остров и где мы вообще находимся. Хатавлючий показал старушкам их место на карте и информировал, так, на всякий случай, вдруг им будет интересно, что вообще-то он не советовал бы особенно увлекаться Западным островом, поскольку можно не успеть на последний паром. Так до него еще почти час, сказали старушки, вскинув голову и с некоторым надменным удивлением посмотрев на него, и мы все-таки пойдём на Западный остров, спасибо. Up to you, подумал Хатавлючий, но промолчал. Up to you. Никогда, никогда человека не переубедить словами.

Поскольку оставался, по мудрому замечанию упрямых старушек, почти час, Хатавлючий мог посвятить некоторое время осмотру достопримечательностей, наконец-то, Восточного острова. Восточный остров был удивительно пустынен по сравнению с тем, что было час с небольшим назад. Уже никаких детей, почти нет взрослых. Хатавлючий успел добежать (дойти полушагом-полубегом, см. выше) по прямой покрытой гарью дорожке почти до восточного конца Восточного острова, не дойдя до Мыса Тора, не сворачивая ни к Огороду, ни к Скале-Где-Живут-Женщины-Из-Скрытого-Народа, никуда. Не работали уже даже и общественные туалеты. По дороге ему встретилось лишь несколько человек, примерно пять, они возвращались с восточного конца Восточного острова, парень с девушкой приветливо поздоровались с ним.

На пароме обратно было примерно восемь пассажиров, в том числе примерно пять встретившихся ему на Восточном острове. Что ж вы опоздали, последний паром был час назад, добродушно ворчал человек в красной униформе. Вот всегда так, останется несколько человек, и ради них паром гоняй. В благодарность запоздавшие посетители острова помогли работникам все убрать, перенести нераспроданные в буфете маффины, какие-то алюминиевые кольца. На пустом судне можно было залезть на верхнюю палубу и, дрожа на ветру, пять минут любоваться приближающимся Рейкьявиком, отъезжающим островом и относительно неподвижными облаками. Хатавлючий все смотрел на гребень склона – не появятся ли давешние старушки. Нет, не появились. Он спросил у одного из людей в красной униформе – а что, если там кто-то останется? Ничего страшного, сказал тот, у нас тут еще остаются люди, еще повезут тех, кто останется, но никто ведь не остался вроде.

И правда, когда они отплыли, там еще оставалось несколько человек, почти все в красной, кровавого цвета униформе.

«*»: Номер семь, как у Бэкхема**

В конце августа Рональд случайно встретился на улице с Артемом. Шел покупать себе ботинки, а Артем, видимо, уже купил. Можно подумать, он сюда пришел, чтоб с Рональдом встретиться, нет, это было совершенно исключено

Артем сказал, даже не поздоровавшись:

– Послезавтра делаем футболки. Какой себе номер выбираешь?

– В смысле, футболки?

– Ну, мы же с октября тренируемся, все как у больших будет. У каждого свой номер.

Тебе какой сделать?

– Эээ, а какие заняты, какие можно?

– Девять, десять и одиннадцать заняты. А, ну еще единица, конечно, она у Сереги.

– О, мне тогда седьмой.

– Как у Бэхема?

– Ну да, как у Бэхема.

– Ага, ну давай, пока, запомнил, Рональду, у него будет седьмой номер, как у Бэхема.

Ну давай, пока.

– Пока.

– Ага, давай-давай, пока.

– Пока.

– Большой потенциал у тебя.

– Да.

– Молодчик. Батя.

Вернувшись домой, Рональд сказал своей девушке, что теперь у него будет седьмой номер, как у Бэхема. А ночью долго не спал, и еще у них был потрясающий секс. То есть сначала секс, а потом долго не спал.

Небольшое приключение на пляже

Халцедонов привез Ниде и детей на дачу. Приехали, разгрузились, дотащили чемоданы до веранды, внутри, как обычно, никого не было, двери были заперты на ключ. Из дальней веранды вышла Майя.

– Здравствуйте, – сказала Майя. – Вы, наверно, наши новые жильцы? Как вас зовут?

– Меня зовут Нида, – сказала Нида, – а это Антон, Таня и Тоня, Леша.

– Здравствуйте, – вежливо сказала Майя. – Здравствуйте, Антон. Здравствуй, Леша. Здравствуй, Таня, – сказала она Тоне. – Здравствуй, Тоня, – сказала она Тане.

– Здравствуйте, Майя, – сказал Леша.

– Вы знаете, как меня зовут? – удивилась Майя. – Меня действительно зовут Майя, и я театральная критик.

– Мы отдыхали у вас в прошлом году, – сказала Нида.

– А, да, припоминаю. С вами еще был такой красивый мужчина, математик и Аполлон, как его звали?

– Алексей.

– А, да, точно. Алексей. Ну что ж, в этом году Лайла уехала от нас, нашла себе парня... Янис сказал показать вам, где ключи, он будет вечером.

Ключи лежали на столе в общей зоне. Комната Яниса была наполнена приглушенными женскими рыданиями. Выяснилось, что в этом году постельного белья и посуды Янис оставил еще меньше, чем в прошлом (а в прошлом было меньше, чем в позапрошлом). С каждым сезоном постельного белья и посуды становилось все меньше, и теперь, можно сказать, вообще не осталось. Нида постелила белье (сколько было), сказала Халцедонову, что нужно купить, а сама с детьми пошла на пляж.

С пляжа навстречу ей шла Тамара со своей молчаливой confidentкой. Тамара сразу узнала Ниде, или, скорее, ее детей, потому что Ниде изменилась – коротко постриглась и похудела, – а семью Ниде все запоминали по большому и шумному количеству детей, – Тамара их узнала и посчитала своей обязанностью сообщить:

– Водичка сегодня отличная!

Ниде кивнула. На пляже она встретила Яниса, тот мрачно сидел у дорожки и угощал горячей грибовницей какую-то незнакомую женщину. Янис был в красных трусах, и сам он был весь красный, не только трусы. Краснота Яниса имела, разумеется, не тот же оттенок, что краснота его трусов: это было сделано намеренно, иначе никто бы не понял, что Янис в трусах, а не голый.

Янис жутко улыбнулся и сказал, что водичка сегодня очень теплая.

К вечеру жара спала, дети вылезли из моря и стали вместе с Ниде строить замки из песка. Халцедонов все не возвращался, зато снова вышла на берег Майя с мопсом по имени Синдерелла. Синдерелла имел обыкновение хрипло и очень громко пыхтеть, подобно храпу довольно толстого человека (такого, как Янис), который, храпя, не спит, а совершает разные физические упражнения, как то: бегают, зарывается носом в подушку и проч.

– Инесе не может сегодня выйти погулять с Синдереллой. Как ты, говоришь уже немного по-латышски? – спросила она Лешу.

– Runāju, bet ļoti slikti, – сказал Леша.

– Ai, malācis, – сказала Майя. – А приедет из Франции Алексей в этом году?

– Я не знаю, – сказала Ниде. – Скорее всего, нет.

– Да, жаль. Ну что ж, и Лайлы тоже не будет... – и она пошла берегом моря, ведя собачку на поводке.

Как стемнело, приехал Халцедонов, покормили детей. От впечатлений дети долго не ложились, заснули только в начале двенадцатого. Ниде с Халцедоновым пошли на пляж, до пляжа было пятьдесят метров, туда вела с гребня дюны бетонная дорожка, слева от которой стояли общественный туалет и будка спасателей. Табло показывало время, дату и температуру воздуха и воды, прямо на песке стояли скамейки и бетонные разделки. Халцедонов зашел далеко в море в тапках, стоял и смотрел на звезды, а Ниде сидела на скамейке, пила вино и тоже смотрела на звезды.

– Аааа! Цунами! ЦУНАМИ! – заорал Халцедонов и выбежал из моря. Ниде засмеялась.

Возвращаясь домой, встретили Инесе. Она шла на ночное купание. «Здравствуйте», – сказала Инесе по-русски.

Ночью Ниде проснулась от страшного крика. Янис ругался с Инесе по-латышски, по дому кто-то бегал, хлопал дверьми, послышался звон стекла, женский плач. Ниде лежала и только думала о том, что хорошо бы и дети не проснулись. Хотела уже разбудить и Халцедонова, но все смолкло.

С утра в раковине лежали красные трусы и весьма мешали чистить зубы и умываться. Утром, когда Ниде жарила яичницу, подошла Майя и по секрету сказала:

– Слышали, что ночью-то было?

– Что? – спросила Ниде.

– Ужасные ужасы! Представляете, ко мне в окно стал ломиться какой-то пьяница! Русский. И я никак не могла его выгнать. Он все лез и лез ко мне в окно. Я очень испугалась, ведь я всего лишь женщина, театральный критик. А он, хоть и пьяный, но мужчина. Но меня, знаете, Янис выручил. Он его выгнал. Пьяница никак не хотел уходить, стал ругаться и кричать, что всех убьет, но Янис его все равно выгнал. Представляете?

– Ну и ну, – сказала Ниде.

Завтракали на веранде. За едой Таня с Тоней рассказали эту же новость, а Леша их все время поправлял, потому что они, по его мнению, неправильно ее рассказывали. Халцедонов

рассказал, что он тоже слышал от Майи эту историю, а Ниде рассказала о том, что слышала ночью она.

– А, ну все понятно, – сказал Халцедонов.

Мимо проходила Тамара. Она остановилась, поздоровалась и, понизив голос, сказала:

– Водичка сегодня отличная.

Что касается Яниса, то весь день он ходил мрачный. Его (предположительно) красные трусы опять мешали всем чистить зубы. На следующий день он спросил у Леши:

– Не знаешь, чьи это красные трусы лежат в раковине и мешают всем чистить зубы?

Очевидно было по размеру, что трусы не Лешины, и точно так же было очевидно, что Леша – последний из всех обитателей дачи, кого могут интересовать чужие красные трусы, так что вряд ли он знал, чьи они (а если бы и знал, то вряд ли бы сказал).

– Не знаю. Ваши?

– Ха-ха, неизвестные трусы, выставим на аукцион, – гробовым голосом сказал Янис.

На следующий день за завтраком Леша рассказал всем эту новость, а Таня и Тоня его поправляли, хотя слышали эту историю впервые. На это Ниде рассказала поверье: якобы если повесить именно красные трусы на люстру, тебя ждет финансовое благополучие. Халцедонов засмеялся и побежал поскорее в ванную, но трусов там уже не было.

Мимо проходила Тамара. Она остановилась, поздоровалась и, понизив голос, сказала:

– Водичка сегодня отличная.

И добавила, еще более таинственно:

– Сегодня Янис косит траву!

– Да? – спросила Нида.

– Не выглядишь впечатленной, – сказал Халцедонов.

– Когда Янис косит траву, – пояснила Тамара, – у него улучшается настроение. Больше всего на свете он любит косить траву. Вы ведь, наверно, видели, каким мрачным он был последние дни? Это все из-за того пьяницы, который лез в окно к Майе. Но теперь все переменится, Янис начинает косить траву, вы можете что угодно у него попросить, он не откажет. Больше всего на свете Янис любит косить траву.

– Ага, ясно. Спасибо.

– А водичка сегодня просто шик! – закончила Тамара и полезла в свою комнату под потолок. За ней, как всегда в безмолвии, зная свое место, полезла ее молодая confidentка.

За окном, действительно, зажуужала ручная газонокосилка. Газонокосилкой управлял Янис, он был доволен: широко улыбался во весь рот и раскраснелся, хотя краснеть ему, казалось, было и некуда.

– Я кошу траву! – перекричал он газонокосилку, чтоб сообщить очевидное.

Нида закивала, а Халцедонов поднял вверх большой палец.

– Извините, если громко! Просто заросло все! Время косить траву! А что ж вы не пользуетесь моим мангалом! Помните, я предлагал вам сделать шашлыки, позвать гостей!

– Будем! – закричал Халцедонов.

– Пользуйтесь, когда хотите! Зовите гостей!

– Это хорошо, что вы косите траву! – закричала Нида.

И Янис счастливо засмеялся.

За такими событиями проходило лето, каждый день Нида, Халцедонов, Леша, Таня и Тоня завтракали на веранде и шли на пляж, по пути встречали Тамару, которая говорила им, что водичка сегодня хорошая, или прекрасная, или отменная, или замечательная, рядом с Тамарой всегда была ее молчаливая confidentка, на пляже проводили весь день, вечером Янис пил пиво, Инесе или Майя выгуливали Синдереллу, по ночам Нида и Халцедонов сидели на скамейке на пляже, пили вино и смотрели на звезды.

Через две недели такой жизни внезапно приехал Леха (Леша Большой). Приехал на

такси, привез, как обычно, подарков, поздоровался с Ниде и Халцедоновым.

– Я не знала, что вы знакомы, – сказала Ниде.

– Ну так на мехмате вместе учились, на олимпиадах пересекались. Есть какие-нибудь новости о Рональде?

Из дальней веранды вышла Майя.

– Здравствуйте, – сказала Майя. – Вы, наверно, приехали в гости?

– Здравствуйте, Майя. Меня зовут Алексей.

– Вы знаете, как меня зовут? – удивилась Майя. – Меня действительно зовут Майя, и я театральный критик.

– Это тот самый французский математик и Аполлон, – подсказала ей Ниде.

– А, да, здравствуйте! А вы знаете, Алексей. Лайла уехала от нас, нашла себе парня...

– Лайла?

– Да, но вы не расстраивайтесь.

– Хорошо, я не буду. А кто такая Лайла?

– Non, il n'ya rien de lui, – сказала Ниде.

– Clairement.

Все вместе пошли на пляж.

В кафе взяли сосисок и нагетсов, а себе пива и вина. Дети поели и стали прыгать на батуте; время кончилось, стали просить еще. Заплатили за них еще. Потом еще. Потом монетки в два евро закончились.

– Ну я тогда пойду ползать на паутинке – сказала Таня.

– А я пойду купаться, – сказал Леша.

– И я пойду купаться! – сказала Таня.

– И я пойду купаться! – сказала Тоня.

– Никаких купаться. Вот мы поедем, пойдете с дядей Антоном купаться, – сказала Ниде.

– Или с Лешей! – сказал Леша.

– Или с Лешей. А пока никаких купаться!

– Ну я тогда пойду ползать на паутинке, – сказала Таня и побежала на паутинку.

– А я пойду строить город из песка, – сказал Леша и побежал к морю.

– А я тоже пойду, – сказала Тоня.

– В море только не забегай! – крикнула Ниде.

Тоня знала, что Таню она не догонит, потому что Таня бегала быстрее, но зато на паутинке они будут вместе, поэтому она не побежала, а пошла пешком, куда спешить, если все равно она ее догонит. К тому же зачем спешить, тем более раз понятно, что Таня будет раскачивать паутинку и Тоня может упасть – она и так-то не очень хорошо ползала. Так что спешить было некуда.

Тоня шла, шла не спеша, но потом подумала, что паутинки чего-то все нет и нет, и прибавила шагу. Паутинки все не было и не было. Тогда Тоня еще прибавила шагу. Ни Тани, ни паутинки снова все не было и не было. Тоня еще прибавила шагу. Наконец впереди показалась паутинка, на нее взбиралась Таня, и Тоня со слезами облегчения подбежала к ней.

– Таня, Таня! – закричала она, – представляешь, я чуть тебя...

Это была не Таня. В таких же трусиках, но не Таня. По паутинке ползали совсем незнакомые мальчики и девочки, а Тани не было. И сама паутинка была не совсем такого цвета, похожего, но не такого – та была синего с розовым, а эта розового с синим. Самое главное – что Тани не было. Тоня увидела рядом кафе, и ей очень захотелось, чтобы, может быть, Таня просто решила вернуться к маме, Леше Большому и дяде Антону, может быть, они ей купили мороженое или разрешили попрыгать на батуте. Немножко задыхаясь, она побежала к кафе – но ни Тани, ни мамы, ни Лешу Большого, ни дяди Антона там не было. Да и кафе выглядело немного по-другому, внешне все то же самое, но стулья расставлены по-другому, что ли. Что-

то было не так с кафе.

Может быть, они все пошли купаться, подумала Тоня с ужасом. Побежала к морю – много было людей, но все незнакомые. Кто-то строил из песка замки, но это был не Леша. Кто-то плавал на матрасе, но это был не дядя Антон. Кто-то обнимался – но это была не мама. Тоня побежала сама не зная куда, надеясь, что наткнется на кого-нибудь из своих или увидит знакомую станцию спасателей, а рядом дорожку домой – там она дождется всех и расскажет, как перепугалась, когда чуть не потерялась.

Она плакала и шла, все быстрее и быстрее, пляж вокруг нее был одинаковым, как пустыня, везде были люди, много людей, но все незнакомые, впереди показалась знакомая паутинка, и кафе вроде было таким же, но люди все были незнакомые. Потом снова показалось точно такое же кафе и рядом точно такая же паутинка. И все время справа было совершенно одинаковое море, а слева совершенно одинаковые дюны.

– Ладно, – сказал Халцедонов. – Пойду за Таней и Тоней. Ты скажи пока Леше, чтоб меня здесь ждал.

Ниде поглядела на Лешу. Он поймал ее взгляд, и она показала ему рукой: сюда. Леша подошел. Тем временем пошел переодеваться Леха.

– С нами будет купаться Леша? Ура! – закричал Леша Маленький.

Подошел Халцедонов с Таней.

– Что-то мы Тоню не нашли. Она не с Лешей была?

Ниде похолодела.

– Ты не видел Тоню?

– Нет, она же к Тане пошла.

Ниде побежала к паутинке. Тони там не было.

– Тоня потерялась, Тоня потерялась! – закричал Леша.

– Так, вы ждите тут, – приказала Ниде Леше и Тане, – а мы пойдем искать Тоню. Быстро! Хотя нет. Вы пойдете домой, понятно? И будете там нас ждать. Леха, отведешь их домой?

И Ниде побежала по берегу в одну сторону, Халцедонов – в другую, а Леша Большой повел Лешу Маленького и Таню домой. По пути им встретилась Тамара.

– Водчика сегодня отличная, – сказала она.

Леха привел детей на дачу.

– Ждите здесь, – сказал он, а сам пошел на пляж.

– Это нечестно! – сказал Леша Маленький, когда Леха пропал из виду.

– Что нечестно? – спросила Таня.

– Они побежали искать Тоню, а нас оставили здесь. Я тоже хочу искать Тоню!

– И я!

– Но мама нам сказала ждать ее...

– Да...

– Таня!

– Что?

– А вдруг она в лесу?

– Да!

– А вдруг ее волки окружили?

– Да!

– А ее все на пляже ищут!

– Да!

– Надо спасать идти, в лес.

– Но мама сказала!

– А мы успеем вернуться.

– А если нет?

– Успеем. Мы же в лесу ее найдем. Мама будет ее на пляже искать, а ее на пляже нет. А мы ее в лесу найдем, поэтому вернемся раньше. И придем все вместе, с Тоней, на пляж, и скажем маме: «Буу! А вот и мы!»

– А вот и мы!

– Только надо скорее идти, чтоб успеть, пока мама не вернулась!

– Да!

И они пошли в лес. Это и не лес был, а тонкая и узкая лесополоса, растущая вдоль дюн и тянущаяся от Дубулты и до самой Колки.

Ниде тем временем бегала по пляжу и не знала, что предпринять. Она плакала и спрашивала отдыхающих:

– Вы не видели, тут такая девочка потерялась? В желтых трусиках, такая вот примерно? Волосы светлые.

Ей показывали девочек в трусиках разного цвета, светлых и темных, разного возраста, но все это была не Тоня. Все это была не Тоня. Одна женщина предложила позвонить в полицию, но Ниде как-то в голову не пришло, как это можно сделать. Она просто искала Тоню, бестолково бегая по берегу. Тогда женщина сама позвонила в полицию и передала трубку Ниде, та в слезах сказала, что девочка в желтых трусиках, волосы светлые, на вид лет четырех. Будем искать, сказал полицейский голос. Зовут Тоня. И снова стала бегать по пляжу.

Халцедонов действовал иначе. Он просто пошел по берегу, оглядывая каждого ребенка, и все шел и шел, не метался туда и обратно, а шел все время в одном направлении, и прошел до впадения в море Лиелупе.

Леха же взял телефон и кое-кому позвонил. А сам зашел в море и стал зорко смотреть, не собирается ли кто-нибудь войти в воду и утонуть.

Таня, Тоня и Леша были в это время на пляже в Каугури. Они строили город из песка. На пляже никого, кроме них, не было: проходила иногда какая-нибудь дама с собачкой, какие-то местные пацаны пробегали, туристы разложили палатку и сидели внутри, прячась от солнца, пили пиво. Бегал один мужик и пинал невидимый мяч.

– Чего это он тут бегаёт! – возмутился Леша. – Дурачок, что ли!

– Он в футбол играет, – сказала Тоня. Она была очень рада, что Леша с Таней нашли ее на опушке леса.

– В футбол поодиночке не играют! – сказал Леша.

– Играют, – сказала Таня.

– Он не поодиночке, – сказала Тоня.

– Поодиночке.

– Не поодиночке, посмотрите, сколько там людей.

– И правда, – сказала Таня.

– Не спорьте, он один бегаёт! – закричал Леша.

– А вот и не один! Вот и не один! – закричала Тоня.

– Нет, один! Нет, один!

– Ребята, а вас как зовут? – вдруг раздался голос. К ним подошел какой-то человек, несмотря на жару, одетый в спортивные штаны.

– Девочки, помните, нельзя разговаривать с посторонними! – громко зашипел Леша.

– Не скажем! – сказала Таня. – А если вы к нам подойдете, мы будем кричать.

– Да! – подтвердили Тоня и Леша.

Они отвернулись и стали демонстративно копать песок. Посторонний помолчал, потом сфотографировал их, отошел к дюне и стал внимательно наблюдать, но никуда не уходил.

– Давайте останемся около этой палатки, – шепотом предложил Леша девочкам. – Если он захочет нас украсть, мы закричим, и туристы нас спасут. И сумасшедший этот рядом пускай бегаёт. А когда он уйдет, пойдем домой.

– Он не сумасшедший, он в футбол играет!

– Тоня! Сейчас не время спорить!

Они продолжали строить город. От нервозности Леша стал копать особенно глубокий ров, наткнулся за кость, все вместе стали ее тянуть, и вытянули череп. День заканчивался, начинались сумерки, но посторонний в спортивном костюме так и не уходил.

Так никого и не найдя, Ниде вернулась домой в сумерках, где ее ждал новый удар: Леша и Тани тоже не было. Не было никого. Дача стояла пустая и темная. Ниде снова побежала на пляж, где увидела одиноко стоящего в воде Леху.

– Леха! Таня и Леша не с тобой? – закричала она.

Леха вышел из моря и сказал, что нет, не с ним. Почему ты их оставил, почему, закричала Ниде и попыталась ударить Леху, но тот легко перехватил ее удар, а потом взял за руки и держал, пока она не успокоилась. А не успокаивалась она долго, пыталась вырваться, пинаться ногами, кричала на Леху и обзывала его придурком. Пока она пыталась драться, у нее из кармана выпал телефон и несколько раз звонил.

Подошла Тамара с confidentкой:

– Водичка сегодня замечательная.

– Ладно, все, отпусти. Дай ответу, мне звонили.

Было несколько вызовов – незнакомый номер, родители, Халцедонов, Эйнар. Чего им всем надо, снова заплакала Ниде, взяла телефон и только собралась перезвонить на незнакомый номер (вдруг это полиция), как снова ее вызвал Эйнар.

– Эйнар, извините, не могу говорить сейчас с вами, у меня потерялись дети, – сказала она, собравшись, ровным голосом. – Рональд, потом дети, это ту мач. Я пока не готова говорить, извините. – И положила трубку.

Начала набирать снова – и снова звонок от Эйнара.

– Я же просила мне не звонить! Я сама вам перезвоню.

Зазвонил телефон Лехи.

– погоди, не звони куда, – сказал он, выслушав сообщение. – Это тебя. Эйнар. Нашлись твои дети.

– Что? Как? Нашлись! – закричала она в трубку.

– Вы подходите, я около ваших ворот сижу в машине, отвезу, все расскажу вам подробнее, – сказал Эйнар.

– Нашлись? Как!? – она снова заплакала. – Нашлись! – сказала она Лехе, и от радости со слезами поцеловала его в губы. Он ответил, но как-то крайне невнятно. Все часы ушли в сторону – это новое время. У Ниде отчего-то отнялись ноги, так она и появилась перед машиной Эйнара – на руках у Лехи.

Сели, поехали в Каугури. Там мой человек стоит, присматривает за ними, сказал Эйнар. Хотел их домой отвезти, они не идут, не говорят с посторонними. Выяснилось, что Леха, будучи самбистом, позвонил по специальному дружественному телефону, трубку поднял Эйнар, развернул сеть дзюдоистов, и они быстро обнаружили детей Ниде.

– Не так просто в Латвии пропасть! – смеялся Эйнар. – Вот только Рональд ваш – случай серьезный.

Лишь в Каугури, после положенных объятий, должного количества слез, криков, оправданий, смеха, шлепков по заднице, вспомнили о Халцедонове.

– Привези винища, побольше, – звонила ему Ниде. – Нет, Леша, этот череп ты с собой не берешь. Нет, я сказала! Извини. И ништяков каких-нибудь к вину. И детям еще пельменей купи. Леша, не перебивай. И тортик. Да, давай, ждем, пока-пока! Да, Леша, что ты хотел?

– А что это за череп?

– Свиной, кажется, – сказал Леха. – А что касается вина и ништяков, у меня есть кое-что в рюкзаке. Я ж из Франции приехал.

– Какой ты молодец, Леха! – восхитилась Ниде и снова поцеловала его. И он ответил уже лучше.

Ночью они смогли подвинуть тяжелую скамейку прямо в море так, что можно было сидеть на ней, пить вино, есть ништяки, считать падающие звезды и одновременно мочить ноги. Даже Халцедонов выпил непривычно много. Когда он от выпитого вина отошел в люны поссать, Ниде поцеловала Леху в третий раз – и вот тут-то он уже ответил как надо.

Пропесочить Серюню

Где пропал Серюня, неизвестно, но как-то он просто вернулся в свою комнату, теперь уже со сломанной второй ногой; а первую отняли целиком. Как так случилось, Серюня не говорил: он только лежал и бредил, про ящеров, летающих в космосе, про космонавтов, охотящихся на ящеров, про первого из тех, кто проснулся, про последнего из тех, кто заснет.

Последняя вещь, о которой он мне успел поведать, пока был в сознании:

– Рональд! – сказал он. – Рональд. На меня уже нет надежды. Я скоро попаду в Страну Эльфов. Ты потеряешь единственного друга: наши способности никак не коррелируют с нашими этическими принципами. Скажу тебе так: опасайся того, кто ни разу не перейдет с тобой на ты! Это твой главный враг.

– Да они никто со мной не говорят на ты!

– Не перебивай! А главным вместо меня другом будет тот, кто первым назовет тебя по имени. А самое главное, они собираются... – тут вошел Арт, и Серюня замолчал, и после этого уже не сказал мне ни одного осмысленного слова.

Я потерял единственного своего друга здесь. Нового друга я найти не мог, потому что никто долгое время не называл меня по имени. Больше того – все остальные, кроме Хатавлючего, со мной даже не говорили, то есть говорили, но я ничего не понимал. По мере того как они продвигались в науке, которой я даже и названия-то не мог определить, они все меньше обращали на меня внимание – у них появился какой-то особенный язык, который я разумел все меньше и меньше, и это происходило не скачком, а постепенно. Сначала я не понимал только некоторые буквы и звуки, потом отдельные слова и термины, потом комбо «слово и звук из другого слова», потом половину предложения, потом три четверти, и, наконец, вообще не понимал ничего. Точно так же постепенно обучаешься новому языку, например, латышскому, но только в данном случае – в другую сторону. Как будто они постепенно переходили с латышского на кымри. Это происходило и на занятиях, и в обыденной жизни. Когда они пытались говорить со мной, а не между собой – я отлично понимал каждого. Приняв хаукарль, я мог уловить общий смысл их беседы и даже сформулировать простейшие предложения, не грамматически, а как бы телепатически – смотрел на говорящего и понимал, что он имеет в виду, – а когда позже пытался это записать, выходил сплошной бред и каракули. Таким же языком говорил в бреду Серюня, и некоторые, кажется, его понимали, или же делали вид.

В болезни Серюни для нас с Хатавлючим были и хорошие стороны – например, вопрос, кто же из нас Тринадцатый, теперь не поднимался – дееспособных стало двенадцать. Кроме того, в нашем конце коридора теперь снова запахло мочой, так сказать, натуральным образом, и нам не пришлось никому ломать ни ногу, ни руку.

– Серюня самый способный среди вас! – сказал Арт. – Серюня уже на полпути в Страну Эльфов, или уже там, и может участвовать в чемпионате по духовным практикам. Но он раздолбай, вон, вторую ногу уже сломал. Редколлегия! Пропесочьте его в стенгазете. Нарисуйте в смешном и жалком виде.

Редколлегия состояла из Арюфила, Шитовника и меня. Мы собрались а редакции, чтобы обсудить это дело. Я был под хаукарлем, но мне это не очень помогало.

– Эс пулынганту ко мэс парамэс худайнат виня нарбурди покрыни, – сказал Арюфил. – Ибо нехуй. Виню вис ыкуоли а курбади вис ыкуоли ит дарабоёт. А мэсам палаби. Эмигранту.

– Я вообще ничего не понимаю, что ты говоришь, – сказал Шитовник. – Рональд пускай переводит.

Я посмотрел на Арюфила сквозь фанерку.

– Эс пулынганту ко мэс парамэс худайнат виня нарбурди покрыни. Ибо нехуй. Виню вис ыкуоли а курбади вис ыкуоли ит дарабоёт. А мэсам лаби. Я тоже не понимаю. Мне кажется, он выпендривается просто.

Это предположение имело под собой основания. Мы были тремя слабейшими учениками и в какой-то степени изгоями. На самом деле я догадывался, что Арюфил, скорее всего, с воодушевлением готов взяться за это дело. Просто я хорошо его изучил.

– Полагаю, мы можем специально нарисовать его похуже. Ибо нехуй. Ему все равно, и его все равно кто-нибудь нарисует. А нам лучше. И Арт нам потом ништяки какие-нибудь даст. А Серюне я передам часть своей премии.

– А я считаю, что это недостойно как-то. Как будто мертвого льва пинать. И кроме того, это предательство.

– И я, – сказал Шитовник.

– Ну, как знаете, Рональд, – сказал Арюфил.

Вечером на индивидуальном занятии Арт сказал мне:

– Что, не будешь рисовать своего друга Серюню?

– Это предательство же, – сказал я.

– Ему же все равно, его все равно кто-нибудь нарисует. А вам по прянику. Тебе устрою встречу с тем, кого ты больше всего хочешь видеть.

– А кого я больше всего хочу видеть?

– Ага, уже торгуешься. Так что, идет?

– Нет.

– Что ж, тогда придется применить кнут. Ты ведь знаешь, что у нас под колпаком Ниде Эрдели.

– Нет.

– И дети. Ты хочешь, чтоб кому было хуже: твоей семье или чуваку, которого ты знаешь без году неделя и которому уже все равно. И твое упрямство ничего для него лично не изменит, только тебе будет хуже. И твоей семье. Хотя у вас уже частоты разошлись, откровенно тебе скажу, когда все закончится и ты вернешься с почетом, будешь искать себе другую жену, получше, больше соответствующую твоим новым способностям. А ты просто хочешь обидеть бедную будущую разведенку и еще детей своих (которым частоту-то еще можно будет разогнать). И кому от этого лучше?

– Ну ладно, ладно, – я с облегчением сдался. – Так с кем, вы говорили, можете мне устроить встречу?

– Пошел вон. Главное, нарисуй.

Я вышел, сладко думая о том, что есть у меня на примере девушка, частота которой может потенциально совпасть с моей.

На следующем заседании редколлегии Арюфил сказал:

– Эс пулынганту ко мэс парамэс худайнат виня нарбурди покрыни. – Сказал Арюфил. – Ибо нехуй. Виню вис ыкуоли а курбади вис ыкуоли ит дарабоёт. А мэсам палаби. Эмигранту.

– Я согласен, – сказал я. – Меня вынуждают, я не могу отказать.

– А я не буду рисовать, – сказал Шитовник. – Рисуйте сами.

И мы нарисовали сами, привлекив Торина. Газета имела большой успех, и никто никогда и не подумал, что Арюфил, Торин или я предатели. Но меня все равно что-то грызло.

В итоге тот, кого считали Шитовником – это на самом деле был Торин, а Шитовник

просто не пришел. Серюне было и в самом деле все равно, потому что он получил свои три подарка, а Торин – это тот самый, существованием которого оправдывался Арюфил.

«**» Играют в бенди

Игровая философия Артема включала в себя переименование команды и тренировки в межсезонье также и на льду. Помимо ЮЗВЛЛФЛ, команда записалась на чемпионат Московской области по бенди.

Бенди, или русский хоккей – игра, очень похожая на футбол. Размеры поля такие же, и по времени так же – два тайма по сорок пять минут, и игроков выходит на поле по одиннадцать. Имеются угловые, пенальти, штрафная площадка, центральный круг и так далее. И, кроме того, гораздо меньшая, чем в футболе, конкуренция. В общем, идеальный вид спорта для того, чтоб потренироваться в преддверии сезона.

Когда «Трем звездочкам» позволили участвовать в чемпионате области, командой овладело радостное возбуждение. Разумеется, говоря о том, что командой овладело радостное возбуждение, и держа в уме, что речь здесь идет в основном о Рональде, надо понимать, что действительность в данном случае воспринимается исключительно через призму его восприятия; так что, возможно, только Рональдом и овладело радостное возбуждение. Зато можно с уверенностью сказать, что уж Рональдом-то оно овладело железно.

Ведь вообще-то бенди, хоть и похож на футбол, не совсем футбол. Как минимум, нужно уметь кататься на коньках и иметь какое-то представление о том, как держать клюшку. В школе Рональд посещал занятия секции по хоккею, правда, не с мячом, а с шайбой, и даже однажды забил один гол на межшкольных соревнованиях, дело было так: Рональд получил шайбу на входе в зону и помчался к вражеским воротам, мчался он довольно медленно, но так случилось, что догнать его было некому: в обеих командах на площадке были слабейшие звенья, и остальные могли мчаться еще медленнее, или, по крайней мере, недостаточно стремительно, чтобы ликвидировать расстояние до него. Он мчался к воротам и не падал, хотя стоял на коньках довольно неустойчиво, – а не падал он потому, что опирался на клюшку, а клюшкой толкал маленькую черную шайбу. Когда Рональд приблизился к воротам на достаточное расстояние (сзади его уже тщетно догоняли соперники), он размахнулся клюшкой, от чего потерял равновесие и упал. Получилось ложное движение, на которое среагировал вражеский вратарь, – а шайба, нетронутая, медленно покатила дальше и между его щитков заехала в ворота. Несмотря на забитый гол, Рональд испытал такой стыд, что после этого случая перестал посещать занятия школьного кружка. Концептуально гол был похож на самый первый гол «Виктории», но Рональд с тех пор вырос и перестал стыдиться таких вещей, тем более что на футболе ему кричали «красава» и «батя», а на том матче никто не кричал ему ни «красава», ни «батя».

В общем, на коньках Рональд стоять мог, поэтому не без оснований ожидал, что уж тут-то, на хоккее, у него есть все шансы стать лидером команды и вести ее за собой на серебряных стрелах. К тому же команду переименовали (с «Трех звездочек» на «Две звездочки»), и в связи с этим игроки подписали новые контракты, согласно которым денежное довольствие увеличивалось вдвое пропорционально количеству игровых видов спорта, и Рональд даже взял себе небольшой ипотечный кредит, хибара на отшибе, но тем менее хоть свой угол, тем более у него была девушка.

Кроме того, в ЮЗЛЛФЛ на поле выходило по восемь футболистов, а тут, на хоккее, по целых одиннадцать. Вероятность выйти на поле повышалась на 37,5%!

Футболку, правда, ему выдали без номера, но Артем и не обещал номер на хоккейных футболках, он обещал на футбольных. Кроме того, возможно, когда делали футболки с новым названием, забыли напечатать футболку Рональда; или, возможно, в то время как команда по

бенди стала называться «Двумя звездочками», команда по футболу по-прежнему называлась «Три звездочки», и футболка с седьмым номером Рональда (как у Бекхэма) пылилась на складе до весны. В общем, с футболками было все сложно.

На тренировках, как и ожидалось, Рональд был лучше всех (по крайней мере, не падал без особой причины), даже забивал голы в двухсторонках и, поначалу, имея столь богатый опыт в хоккее, участвовал в матчах. В чемпионате области «Две звездочки» прочно шли на последнем месте со стабильным нулем очков и забитых голов – пока остальные члены команды (Яша, Игорь, Макс и прочие) учились стоять на коньках. По мере того как они обретали уверенность на льду, их начали выпускать на матчи; по мере того как в матчах в составе команды «Две звездочки» все больше людей уверенно стояли на льду, стали улучшаться и результаты команды (очков по-прежнему было ноль, но пропускать стали меньше, и даже стали иногда забивать); по мере улучшения результатов команды стал улучшаться и показатель плюс-минус для отдельных игроков; у Рональда как у игрока, участвующего с самых первых матчей, показатель плюс-минус был хуже всех; по мере относительного ухудшения этого показателя Рональд все чаще оставался на лавке; чем больше Рональд сидел на лавке, тем еще хуже становился его показатель плюс-минус относительно других игроков. Чем еще хуже становился этот показатель, тем еще реже его выпускали даже на замену. В предыдущем предложении слово «еще» можно умножать бесконечно, как «пра» в титуловании предков далее, чем дедушка.

Так что логичным образом Рональд перестал проходить в состав и в хоккее с мячом. Остальные игроки с удовольствием катались на коньках, здоровые, румяные, пышущие жаром футболисты, постепенно мутирующие в хоккеистов. Любая тренировка была для них как праздник! Даже очевидные аутсайдеры, у которых не было шанса выйти на лед, с удовольствием раскатывались с основной и бегали подавать основе кожаный мяч, когда тот улетал в снег. Возвращались с тренировок с большим аппетитом, дружно ели пельмени, пили чай, пиво и водку, парились в баньке. Состав был несбалансированный, кто-то постоянно вливался в команду, а кто-то выливался из нее, но все равно это была Команда, как сказал Артем, так и сказал, Команда с большой буквы, можно даже сказать, настоящий Коллектив (тоже с большой буквы).

В этом Коллективе Рональд (чувствовал, что) становится изгоем, и виноваты в этом были отнюдь не румяные спортсмены. Чего им не хватает, думал Рональд, так это немного эмпатии. В остальном, по справедливости, румяные были крайне дружелюбны: они искренне удивлялись тому, что Рональд не выходит на лед, иногда некоторые говорили, что вот даже Игорь выходит, а ты чего-то нет, или что эх! вот надо было тебя выпускать, – но эмпатии им явно не доставало, и в ответ они, вероятно, ожидали, подсознательно, какой-то благодарности, радости, может, какой-то или хотя бы понимания того факта, что тебе сочувствуют, и не надо вот тут вот ходить с такими кислыми щами.

А Рональд просто не мог тренироваться как следует, вполотдачи или хотя бы в четверть силы, понимая, что все зря, что все равно его не выпустят. Даже Игорь тренировался со старанием, понимая, что он выйдет на пять минут и получит какой-нибудь плюс один или ноль к своему показателю плюс-минус, увеличив пропасть по этому показателю, в которой остался Рональд. Да и, в сущности, с чего бы Игорю расстраиваться, с его скромными данными даже пять минут будут наградой. Не то что Рональд, хотя, конечно, такие тренировки только добавляли усталости, но никак не физической силы или мастерства (которые как раз терялись). Команда чувствовала, что Рональд несчастен, но как она могла ему помочь? Несчастье заразно, люди держатся подальше от несчастных.

Таким образом, Рональд сам выстроил стену между собой и командой. Как-то раз он просто не пришел на тренировку – зачем? Раздался телефонный звонок, и Артем напомнил ему, что по контракту, который все игроки подписали в октябре, штрафы за опоздания, и

особенно за прогулы, и особенно за систематические прогулы, могут превысить месячную или даже полугодовую зарплату. Рональд перечитал контракт и убедился, что Артем прав – мелким шрифтом там было написано именно это. (Сразу на всякий случай посмотрел, что полагается за разрыв контракта: за разрыв контракта полагалось вернуть всю зарплату и бонусы за время действия контракта, в двойном размере. При смене клуба это должен сделать новый владелец.) Что делать? – Рональд собрался и пошел на тренировку. У него был кредит и была девушка, и скоро должен был появиться еще и ребенок. Артем был в тот день хорошим настроении, вошел в положение и не взыскал на первый раз никаких санкций.

– Я вхожу в твое положение и не налагаю на тебя никаких санкций, но ты уж, пожалуйста, больше не опаздывай. Взрослый же, блять, человек!

Пришел новый румяный спортсмен (по имени приблизительно Василий). Значение этого приблизительно Василия для дальнейшей Рональдовой карьеры было таким, что у него оказался такой же размер ноги, и на тренировках Рональду перестали даже выдавать коньки, поскольку фондов на коньки его размера не хватает. Рональд никак не мог понять, зачем же он в таком случае Артему нужен. Очевидно (всем), что ухудшить игру команды, даже в своей теперешней форме, Рональд не мог, но на поле он не выходил. Нет фондов на коньки, говорил Артем. При этом Рональд должен был присутствовать на каждой тренировке, на каждом пред- и пост-игровом разборе, сидеть на скамейке запасных во время каждой встречи рядом с откровенными дебилами, Рональд даже не помнил, как их звали, даже приблизительно. На тренировках он бегал в валенках, и даже в валенках умудрялся выглядеть лучше, чем такие персонажи, как Игорь или Василий, не говоря уже о дебилах. Если бы они играли в пинг-понг, то Рональд выиграл бы у них батоном против ракетки «Штига».

После каждого матча команда возвращалась в сауну, румяные спортсмены, которым совместными усилиями удалось закатить хотя бы один гол, переодевались, шли все вместе по скользкому полу, в водяном паре, настоящее мужское братство.

– Молодцы, ребята! – говорит Артем, который тоже моется вместе со всеми, тем самым сплавивая команду. – Победы придут, бля буду! Уже в этом сезоне. Главное, что вы придерживаетесь моего тактического плана и игровой философии.

– Нормально ты прошел там слева, – говорил Макс Игорю, желая подбодрить его.

– Ага, – говорил Игорь, – а как Василий-то справа прошел! Упал, правда, потом.

– Ну что делать, научится, – вздыхал Леша.

– Да мне по ноге ебнули!

– Не расстраивайся, Васюша.

– А этот-то, этот чуть не упал, – смеялся еще кто-то.

– Да, хорошо, Серега подбежал, помог.

– А пятнадцатый номер видели там, расстегнулся, ездил и мудями махал?

– Да ладно? Пиздишь.

– Нет, я тоже видел.

– Еще бы в валенках вышел.

Когда кто-нибудь видел Рональда, он осекался. Разговор чаще всего прекращался, и все домывались молча. Рональд прятался в самую гущу водяного пара.

Да все и рады были бы его не видеть, но Артем настаивал на всеобщем участии в ритуалах, сплавивающих команду, пропускать которые не позволялось никому.

Пошарил по стене, нашел выключатель, но он не работал

– Ты тоскуешь, – сказал Арт. – В древних ритуалах есть смысл, в христианстве, иудаизме, исламе, буддизме и квантовой физике.

Сквозь маску я отметил, что в углах комнаты задергались знакомые хрени.

– Я понимаю, что вы хотите мне сказать что-то важное.
– Не перебивай меня после первого же предложения.
– Второго.
– Не перебивай меня после второго предложения! И после третьего тоже. Можешь перебивать после одиннадцатого, но не сосредотачивайся на счете, потому что можешь пропустить главное.

Он сделал паузу. Я молчал, потрясенный как мудростью наставника, так и тем фактом, что перебивать его пока было нельзя, он сказал пока всего шесть предложений. Убедившись, что в целом я все понял, Арт продолжил:

– Так вот, в древних ритуалах есть смысл. Древние не понимали, конечно, ничего про темную материю, неспящие что-то видели, и не могли этого объяснить. Со всем их примитивным пониманием они интуитивно находили иногда способы использовать свои видения себе на пользу... Впрочем, что я повторяюсь, короче: тебе надо сходить в храм, облегчить душу, пообщаться с Богом. Усек?

Я не знал, отвечать или нет, поскольку не был уверен, сколько предложений сказал Арт. Означает ли многоточие конец предложения? Если не означает, то предложений было всего десять.

– Ну, понял или нет?

Теперь я мог говорить.

– Так точно, конечно, понял. Разрешите отбыть?

– А куда ты отбудешь?

– В храм.

– Ну хорошо, отбывай.

– А где он, этот храм?

– А это ты должен сам найти.

– Опять загадки задаете. Вы мне хотите помочь облегчить душу или снова загадки загадываете? Может, мне от этих загадок и тяжело.

– Сложный ты человек, Рональд. Ладно, я приведу тебя в храм. До завтра постишься, на полдник и ужин не идешь, ни ешь ни пьешь ни с кем из ребят не общаешься, чтоб был здесь в шесть утра.

В шесть утра я был в кабинете у Арта. Мы сели в вагонетку и поехали незнакомым маршрутом. Ехали долго. Вышли в подвале длинной двухэтажки барачного типа, поднялись по лестнице на второй этаж. Как давно я не видел солнечного света! Двухэтажка стояла на море, сквозь разбитое окно виден был пляж, откуда доносились отрывистые голоса играющих в футбол, не разобрать, что там было, то ли «Дюна» (это значит, пасовать нужно было в направлении от моря), то ли «Море», то ли «Красава», то ли вообще по-латышски. Под ногами лежало битое стекло от шприцов и бутылок, я остановился у окна посмотреть на море и послушать футболистов, Арт меня не торопил. Как часто бывает на Балтийском море, какое время года – даже не понять, может быть, необычно теплый апрель или октябрь, а может, необычно холодный июль.

Голоса футболистов с пляжа показались мне знакомыми, и я задумался, где мог их слышать. И вдруг вспомнил! На самом деле был слышен только один голос, и этот голос я признал. Это был одинокий голос Саулюса, литовца с раздутым самомнением, и с таким громким голосом, что казалось, что кричит целая толпа. Я играл с ним в Юрмале, казалось, годы назад, и тот совсем не изменился. Играл-то он неплохо, конечно. Саулюс рассказывал, что играет каждый день, не только с нами, а еще там в Каугури со своими, на пляже около заброшенного барака.

Так я понял, что я в Каугури.

Арт повел меня дальше, мы поднялись на второй этаж и пошли по коридору. В самом

конце коридора он сказал «лаби», то есть «хорошо». Я, помня о правиле одиннадцати предложений, молчал. Арт повторил, и теперь оказалось, что он сказал не «лаби», а «палаби», то есть «направо».

– Открывай, открывай, – сказал Арт.

Я открыл дверь палаби. Внутри было темно, то ли не было окон, то ли они были плотно закрыты. Изнутри пахло шваброй.

– В общем, дальше сам. В конце комнаты еще одна дверь, это и есть храм. Я молиться не собираюсь, мне туда нельзя. Приду за тобой, когда настанет время. Сегодня от тренировок освобождаешься.

– А... свет?

– Как-нибудь! Там выключатель. – Арт втолкнул меня в комнату и захлопнул дверь.

Я пошарил по стене, нашел выключатель, но он не работал. Тогда я пошел по комнате, выставив вперед руки, и шел, кажется, удивительно долго, несколько минут, не бывает таких длинных комнат вообще, пока пальцы не наткнулись на противоположную стену, это оказалась дверь, я нащупал филенку и затем ручку. Все то время, что я продвигался к двери, в комнате слышалось громкое дыхание, кто-то, возможно, спал, стонал во сне, храпел и разговаривал одновременно. Но ничего не было видно. Звук нарастал как звук приближающегося поезда (или это я так хорошо адаптировался к нему), и, когда я нащупал ручку, я как можно скорее раскрыл дверь, шагнул внутрь и закрыл ее. Со щелчком дверь заперлась.

Внутри было так же темно, я снова нашарил на стене выключатель – и на этот раз свет загорелся.

Я был в маленькой, совсем не длинной комнате, без окон. Дверь была единственная, стены голые, с потолка на длинном шнуре свисала голая лампочка, под которой стоял табурет. Больше в комнате ничего не было.

Я сел на табуретку и задумался. Это и есть храм? Я должен пообщаться тут с Богом? Сколько мне еще тут быть? И здесь конкретно, в этом так называемом храме, и в глобальном смысле – с этими так называемыми спортсменами? И в еще более глобальном смысле – в этом так называемом мире? И в еще более глобальном смысле? А что там Ниде, сколько ей еще тут (там) быть, во всех смыслах? А дети? Что с машиной, она не завелась около Первого отделения по Делах Миграции, ее правда починят? А Белобобр? А Хатавлючий? Чарли? Для чего это вообще все? За что мне так? Почему со мной никто не говорит? Где же Бог? Что за детский сад? Где моя фанерка? Где Бог?

Бог – это твоя фанерка.

Кто это сказал? Кто здесь? А где фанерка? Щелкнула дверь. Я оглянулся – никого. Снова стал задавать себе вопросы, и вышеперечисленные, и все прочие, и никто ничего мне не говорил, только иногда в голове раздавалось, что Бог – это фанерка. Так проходили часы, и я как будто бы задремал.

Проснулся я от того, что кто-то гладил меня по голове и по шее. Я хотел обернуться, но невидимые руки меня удержали. Но я и не оборачиваясь понял, что это Альбина. Не все мои тайны знал Рихард из Отдела Миграции, или просто назвал не все. Руки спустились мне на грудь, а в шею сзади стали дышать. Я протянул руки и сплел их за шеей Альбины, почувствовал ее волосы. Потом все-таки обернулся – она была (почти что) голая, и ласково так, ласково смотрела на меня, при этом еще с какой-то печалью.

Печаль во взгляде была ей не свойственна – скорее, загадка, которую я никогда не мог разгадать.

– Помнишь, в Барселоне, вдвоем в крошечной каморке с балконом, шириной в ладонь? Или в Брюсселе на колесе обозрения? Или как ночевали в комендантской, темно было, как под землей, мы не видели друг друга, поэтому острее ощущали слухом, запахом, прикосновениями, вкусами? Или как я тонула тогда, а ты просто подошел, обнял меня и вытащил из воды? И как

когда-то думали, что мы на самом деле одно? И как был дымный город, и мы поставили разбрызгиватель и сидели за завесой дождя, укрывшись и от дыма, и от людей? И как однажды я сломала нос, и тебе меня было жалко до слез? А у тебя умер отец, а я была беременна? Или ты пришел и сказал, что теперь у тебя номер семь, как у Бэхема – и так рад был?

И на все отвечал: помню. Конечно, помню. И тягуче изливался в нее.

Потом заснул, а проснулся уже один среди антисанитарии, никакой Альбины не было, я лежал голый на своей одежде, со вставшим членом. Все так же была закрыта дверь, все так же светила лампочка, все так же стоял под ней табурет. Я оделся, сел на него, задумался.

Бог – это твоя фанерка.

Снова щелкнула дверь. Я погасил свет, вышел из храма. В длинной комнате было все так же темно, но в дальнем ее конце светилась путеводная щель, как будто дверь была приоткрыта.

Она и на самом деле была приоткрыта, и в коридоре меня дожидался Арт.

«**»: Ритуалы

Некоторые ритуалы завел еще Сурен, например, определение профпригодности игрока с помощью массажа; когда Сурен ушел, Артем немного трансформировал их, и уж совсем лавина ритуалов появилась после того, как «Две звездочки» заявили на чемпионат по бенди.

Например, когда в команду приходил новичок, его первым делом осматривал массажист (массажист появился с началом финансирования команды). Массажист щупал спину нового игрока, его ноги, руки, ягодицы, живот, шею, голову, ну, и все остальное, сверял рельеф мышц с чертежами в синей записной книжке и на основе своих ощущений рекомендовал игрока в группу атаки, защиты, полузащиты, или на позицию вратаря. Он объявлял свое решение на общем собрании игроков, и каждый должен был высказать об этом свое мнение. Чтобы это высказываемое мнение было аргументированным, каждый должен был тоже ощупать новичка и предварительно вынести собственное суждение о его наклонностях, не обязательно игровых, иногда и личных, если кто-то что-то понял. Все записывали свои мысли на бумажку, потом бумажки складывались в шапку, доставались по одной и анонимно зачитывались. Затем все должны были также угадать, кто автор записки. Угадавший получал конфетку тик-так. Так Артем воспитывал в команде интуицию и командное взаимодействие, без которых сложно добиться высоких результатов, как знает каждый спортсмен. Потом, если ожесточенных споров по поводу позиции и личных качеств нового игрока не возникало, Артем говорил, что если кому-то известны факты, из-за которых сей муж не может играть в прославленной команде «Две звездочки», то пусть говорит сейчас или не говорит никогда. Обычно никому такие факты были не известны, и приступали к посвящению.

Посвящение было следующим. Входя в помещение для инициации через низкую дверь, нагибались, и Артем бил каждого по левой щеке и говорил: не забывай, что ты мой ученик. Потом бил по правой щеке и говорил: не забывай, что я твой тренер. Потом новичок должен был петь, причем так, чтобы это пение нравилось остальным. Остальные по очереди подходили к нему со спины и давали пинок под задницу, и сила удара зависела от качества пения. Новичок должен был угадать, кто его пнул, и, если угадал, получал конфетку тик-так. Это способствовало запоминанию имен и спланиванию с командой. Иные пинали изо всех сил (был какой-то обладающий абсолютным слухом debil, которому никогда не нравилось ничье пение), иные просто прикасались ногой к ягодице. Все это происходило в жарко разогретом хлеву, принадлежавшем Артему, так что ноги у всех и, соответственно, задница новичка оказывались испачканными в свином дерьме. Потом братались кровью – делали порез и прикладывали свой палец к пальцу новичка.

Потом как обычно – Артем лично забивал одну из свиней, кропил ее кровью всех

игроков, игроки ели сырыми легкие, сердце и мозги и совместно мастурбировали на ее голову с пятачком. Кровью рисовали особый знак. Массажист ходил с видеокамерой и снимал, чтоб никто не отлынивал. Потом (совместно же) выкапывали могилу и хоронили свиной череп. Артем приговаривал:

– Как сгинула эта свинья-матушка, так пускай сгинут и враги все наши богомерзкие! Как прибывают черепа в этой братской могиле, так пусть и болельщики наши прибывают. Как пел ты, раб божий Константин, так пусть поют и комментаторы нам осанну.

Потом распивали водку, крестились, слушали пару песен коллектива «Ансамбль Христа Спасителя и Мать Сыра Земля», и лишь после этого можно было одеваться.

Еще были общие помывки (без тренировок), общие и индивидуальные тренировки (с помывками и без), совместные дни рождения, выезды на природу, встреча Нового года и Рождества, гадания и еще много чего. Был один странный ритуал, заведенный еще Суреном, смысл которого никто не понимал, поэтому и описать его невозможно. Суть в том, что ни одно из этих мероприятий категорически нельзя было пропускать.

Беседа о спорте в Первом отделении

Ниде не понимала, с чем связан внеочередной вызов в Первое Управление по Делах Миграции. Возможно, ей сообщат, что она каким-то образом нарушила законодательство Латышской республики, и Латышская республика более не считает нужным терпеть ее и ее семью на своей территории, или, наоборот, ее успехи в изучении латышского языка каким-то образом собираются поощрить. Впрочем, за эту сраную Латвию она и не держалась, Халцедонов давно ее уговаривал поехать в Россию.

Ниде сразу провели в отдельный кабинет и оставили вдвоем с бородатым чиновником – его звали Рихардс Пордзиньш, и он представился ее куратором. Что такое мой куратор, уточнила Ниде. Это я вам сейчас объясню, не перебивайте, сказал Рихардс. Вы, наверно, знаете, что некоторое время назад у вас пропал муж. Правда? – удивилась Ниде. Не ерничайте, сказал Рихардс. Муж ваш пропал, но это не значит, что вы там в разводе или еще как-то.

– Не значит.

– И это не значит, что вы должны встречаться с кем-то другим. Но я не об этом, это ваше дело, конечно.

– Или даже спать?

– Что, пожалуйста?

– Или даже спать?

– Что «или даже спать»?

– Я не должна ни с кем другим, пока Рональд не признан официально мертвым.

– Это ваше дело! Я сейчас не об этом пока говорю.

– Ах, пока? А скажите, пожалуйста, с кем вы спите?

– А почему вы спрашиваете? Это же к делу не относится.

– А как относится к делу, с кем я встречаюсь или не встречаюсь? И к какому делу, кстати?

– Вот я и хочу объяснить. Слушайте, с самого начала я чувствую от вас какую-то враждебность. Совсем не так я представлял наш разговор.

– А как?

– Без враждебности.

– Вы делаете мне замечания относительно того, с кем я встречаюсь или даже сплю, и ожидаете, что разговор пойдет без враждебности?

– Слушайте. Может быть, он куда-то пропал. Может быть, он ждет, что вы ему поможете. Может быть, он томится в заточении. Я хотел поговорить об этом. О том, что мы,

то есть латвийское государство, сами очень хотим его найти. Это дело чести для нас, в конце концов, и для меня, как для офицера. Мы думали, возможно, у вас появилась какая-то информация.

– И за этим меня вызывали?

– Не только за этим.

– А за чем еще?

– Давайте сначала разберемся с Рональдом. То, что я тут хотел сказать – это что мы пристально следим за вашей судьбой, и за его судьбой, и очень хотим вам помочь.

– Спасибо.

– И то, что ваш статус непонятен – вы, конечно, как формальная владелица недвижимого имущества имеете право здесь жить... Непонятен семейный статус теперь, мы хотим помочь вам его выяснить.

– Скажите, пожалуйста, а с кем вы спите?

– Слушайте, давайте говорить конструктивно. Я говорю с вами нормально, и вы говорите со мной нормально, пожалуйста. Я много что могу тут вспомнить, но я бы не хотел общаться в виде угроз.

– Да что вы хотите-то от меня?

– Да то хочу, что у вас проблемы!

– Какие?

– Ну, в первую очередь, психологического свойства, конечно. Давайте я буду перечислять, а вы меня поправляйте, если я не прав.

– А с кем вы спите?

– С женой я сплю. Ну вот, смотрите, например... Вы считаете, что вам осталось всего несколько лет женской красоты, несколько это даже оценка сверху. Время утекает сквозь пальцы, и ничего не остается, не остается формальных документов, чтоб зафиксировать вас такой, какая вы есть. От этого вы делаете в последнее время столько селфи. Тело ваше начинает вам изменять, и вы стареете. Вы не можете согнать вес. Вы боитесь, что вас уже не хотят, и вам нужно подтверждение того, что это не так. Послушайте, мне придется сейчас вызвать ассистента, и он завяжет вам рот и привяжет к стулу. Вам это нужно? Потом все скажете.

Кроме того, у вас дети. Вы теперь и вообще остались (формально) одна, хотя у вас и есть, слава богу, деньги на няню (я не спрашиваю, откуда они и платятся ли с этих денег налоги), она у вас ночует прямо, но вам все равно тяжело, очень тяжело. Вы считаете, что должны общаться с детьми, у вас невроз на этой почве. Успеваете делать только то, что должно, а на себя времени не хватает, так? Знакомо, очень знакомо.

И вообще, качество человеческого материала здесь так себе, давайте будем откровенны, я с вами тут согласен, начальству моему только не говорите. Да-да, я знаю, что напрямую вы этого не говорили. Но, подумайте сами, конечно, здесь меньше людей. Конечно, у каждого из них меньше образования, и поговорить с ними не о чем. Конечно, их не интересуют абстрактные понятия. Вообще, если вы спросите меня, вы один (или одна? как это будет по-русски?) из умнейших людей в этом городе, ну и вообще, в этой стране. Не отказывайтесь, я знаю, и Рональд вам то же самое говорил.

Вы тут как в ссылке получаете, и при этом еще и в заложниках, у детей. Нет-нет, я знаю, что вы мне хотите сказать, я как раз перешел к самому интересному.

Короче, уходит ваша жизнь зря. А ведь все могло бы быть совсем не так! Вам бы отдохнуть пару лет, с любящим человеком, Рональд-то вас все равно уже не любил. Или с компанией хорошей, достойной вас. Но у вас реально проблемы, и я вам расскажу, в чем ваши проблемы, и что вам мешает: сложно в этой стране найти такую компанию. Я знаю, что вы собираетесь уехать отсюда, держитесь за нашу страну только из-за европейского вида на жительство, еще детям надо школу тут закончить, а еще по инерции, потому что Рональду тут

важно было жить, а так в гробу вы ее видали. Дальше. Работа у вас не складывается. Работаете как бешеная, все выступления да выступления, уже всю Ригу окучили, провинцию окучиваете, но что-то аудитория то чтобы горит повторные концерты заказывать. Хотелось бы уже в офис ходить, хоть какая-то определенность, да и от детей отвязаться. Чтоб не орали во время выступления, не болели, а то вам сосредоточиться же.

Ну и там еще немного, я почти закончил. Вас немного мучает ситуация с Халцедоновым, хотя для вас, так-то если откровенно, это вариант неплохой. Лучше самбиста Лехи. Про него забудьте и думать, мы знаем, что вы терзаетесь муками выбора, но про него забудьте и думать. Смотрите: Халцедонов вашего примерно возраста, но при этом молодой. И дико напоминает вам Рональда – но еще не приобрел всех тех качеств, которые так вам в нем противны. Но послушайте моего совета! Если вы не измените себя, через год-второй, если Рональд не найдется, Халцедонов точно так же получит в полный рост синдром середины жизни и будет по ночам мастурбировать, пока вы спите. Отвернется и давай драть. А если измените, то через три-четыре года. Но это все равно произойдет, и тем обиднее. Вам хочется смотреть, как люди вокруг вас стареют и дурнеют? Халцедонов – это не ваш уровень, Нице! Теперь можете говорить. Вот еще одна салфетка, пожалуйста.

Что же предлагаем мы? Спорт! Спорт – вот чего вам не хватает. Спорт это благородное занятие, занятие новых патрициев. Изначально считалось, что спорт тренирует тело. Нет! В первую очередь спорт тренирует дух, и только во вторую тело. Впрочем, менс сана ин корпоре сано, как говорили латиняне. Сам принцип спорта неизбежно меняет жизнь к лучшему, и неважно, что это за спорт – хоть складывание фантиков. Стоит начать заниматься спортом, как вы начнете меняться к лучшему, и заметны эти изменения станут очень быстро. Ваша вера в себя начнет поддерживать и воодушевлять вас, в силу кумулятивного эффекта ваша деятельность станет эффективней, простите за тавтологию, от этого результаты снова повысятся, деятельность станет еще эффективней и так далее. Спорт – это алхимия в лаборатории вашего духа и тела. Он приведет к вашей самой настоящей трансформации, вы станете новым человеком и в каком-то смысле обретете вечную молодость.

Особенно если этот спорт как-то связан с темой воспитания духа. Не случайно дзэн-буддистские монахи Шаолиня славятся своими спортивными достижениями. Представьте, например, состязания по духовным практикам. По евхаристии! Команда Ватикана по небесному футболу, как вам такое? В здоровом теле здоровый дух, ведь все взаимосвязано.

Все, что от вас требуется – согласиться попробовать. У нас наработаны уникальные практики, развитие духа одновременно с развитием тела. Если не получится – можете все бросить. Не в любой момент, конечно, но обратный путь будет. Хоть в Россию обратно уезжайте, пожалуйста. Если хотите, можете брать с собой Халцедонова, черт с ним, хотя, как я уже говорил, я не вижу в нем качеств... качеств... короче, он вам не ровня. Но это вам решать, просто вот знайте, что есть такая возможность. В общем, нам от вас нужно принципиальное согласие. Отдать год жизни (ну или как пойдет), зато перековать себя в золото. Не обязательно отвечать прямо сейчас, идите домой и подумайте, мы вас найдем.

– А дети?

– Да, дети... Опять же, подумайте. Дети не пропадут, мы о них позаботимся, латвийское гражданство дадим, бабушкам-дедушкам вид на жительство, чтоб сидели с ними, пока вас нет. Сыну лечение лучших специалистов, кстати, вы такое сейчас себе позволить не можете. Все официально, конечно. К тому же вдруг Рональд вернется, об этом тоже не нужно забывать. И вообще, знаете, пора и о себе подумать, не только все о детях да о детях. И они взрослые же уже почти.

– Нет, я так не могу.

– Ну вы подумайте. Так ситуация вин-вин, а так будет луз-луз. Перезагрузка, вот что вам нужно. А как детям с такой матерью, как сейчас, извините, но вы плохо справляетесь со

своими обязанностями. Орете на них регулярно, думаете, мы не знаем? А так – все заново, всех бросить, все оставить, начать жизнь по новой. Летят за днями дни, и каждый час уносит частичку бытия, а мы с тобой вдвоем предполагаем жить, и глядь – как раз умрем.

– Не могу, не могу.

– Ну, не хотите, как хотите. Это вопрос сложный, нужно с ним переспать. А так – ну, смотрите. Вы можете подумать, какие гарантии вам нужны, мы можем дать любые, со стороны государства. В будущем, если окажутся у них возможности, может, будут тренироваться вместе с вами. Я похлопочу, но обещать не могу, конечно.

– Сколько времени у меня есть подумать? Чтоб вы от меня отвязались. Но я все равно откажусь, предупреждаю.

– Я же сказал. Через пару дней я к вам загляну.

– Я все равно откажусь.

– Мне кажется, разговор наш зашел в тупик. Вы знаете, у меня сейчас еще один кандидат, не смею вас дольше задерживать. Извините... Маркус? Подойди сюда, проводи Ниде к выходу. Всего хорошего, всего доброго, вису лабу, до свидания.

Приют «Хрустальный адмирал»

Поехали на сбор в Турцию и поселились в отеле «все включено» Crystal Admiral. Ближайшее селение Кызылот, 2285 человек, ближайший город Манавгат, почти сто тысяч человек, ближайший аэропорт Анталья, 86 км от отеля. Отель стоит посреди ничего, огражден забором, за территорией – маленький магазин (большого не нужно, потому что все включено), совсем маленькое селение работников отеля, не обозначенное и на карте, и дорога прочь от моря к какому-то еще селению, проходящая по голому полю. От аэропорта ехали долго, приехал клубный автобус с надписью *Latvija*, с комфортом, вызывая зависть рядовых отдыхающих, добавляющуюся к естественной зависти обывателя к спортсмену, которому, думает обыватель, переплачивают, вот мне бы столько платили за ни за что.

Через час приехали в отель, высадились из автобуса, получили на запястья браслеты из удивительно прочной бумаги (так и держались у всех на руке, не порвались ни под воздействием воды, ни под воздействием времени, до самого конца) – и все спортсмены стали удивительно похожи на обывателей, смешались с ними, растворились, повысив общую спортивность отдыхающих, понизив их общее обывательство, но, с другой стороны, понизив спортивность спортсменов и повысив их обывательство.

Множество автобусов приехало в тот день. Стояли автобусы с французским флагом, польским, и один даже с флагом Набережных Челнов. Флаг Набережных Челнов легко узнать: на нем изображен, собственно, челн, с парусом в виде красно-зеленого тюльпана – традиционного символа духовности, но помимо паруса кто-то внутри челна гребет и веслами, намекая на то, что на бога надейся, да и сам не плошай.

С удивлением обнаружили, что катка в отеле нет. Есть бассейны, большой обеденный зал, много ресторанов, эстрада с лестницей, морской пляж, водяные горки – а искусственного льда нет. Лед только в коктейлях. Чтобы дойти до морского пляжа, необходимо пройти тоннелем под шоссе. Везде надписи: *pist geçici olarak kapalı*.

Распорядок дня с учетом отсутствия катка стал следующим. Перед завтраком ходили к массажисту, каждый раз новому. Массажист щупал спину спортсмена, его ноги, руки, ягодицы, живот, шею, голову, ну, и все остальное, сверял рельеф мышц с чертежами на стене и на основе своих ощущений шептал что-то на ухо Арту. Те, кто умел читать по губам, говорили, что шептал он что-нибудь типа «правая рука», «левая нога» или «мизинец». Арт записывал все в свою синюю записную книжку.

Завтрак с семи до десяти, обед с половины первого до трех, ужин с половины седьмого

до половины десятого. Все происходило в огромной Обеденной Зале с несколькими компартментами, можно сидеть на веранде, можно входить в Залу с улицы, а также со стороны перекладки буквы "П". Вся еда бесплатная. Уважаемые гости, просим вас еду из ресторана не выносить, написано при всех выходах, но все равно все выносили. Имелись также рестораны а la carte, куда нужно записываться заранее, и есть можно в настолько же неограниченных количествах, как в Обеденной Зале, но при этом в присутствии официантов и колорита, для каждого ресторана своего – мексиканского, турецкого, итальянского – по пять евро на взрослого человека, дети бесплатно. Имелись также бары в лобби, бары в разнообразных местах, бары, работающие в разнообразное время, бары, где можно, как правило, получить выпивку в виде разбавленного пива, дрянного вина или крайне слабого, зато очень холодного коктейля – дайкири, пина колада и т.д. Все это описывать очень утомительно.

По Обеденной Зале всегда слонялись официанты, предполагалось, что они могут что-то принести и подать, но жизнерадостные туристы обычно управлялись сами. Ходили еще служители со щетками и все время подметали, стоял в баре официант и наливал всем все, что попросят, стояли в дальнем компартменте женщины, которые на завтрак пекут блины и жарят яичницу, на обед делают какие-то подобные ништяки, тут же «кура-гриль», стояки с супами, салатами, вторым, закусками, сладким, фруктами, овощами! Люди ходят с большими тарелками и все накладывает себе, накладывают. Много людей. Ужин самое пафосное мероприятие, следующее завтрак, а обед наименее пафосное, потому что растянут во времени, и, кроме того, днем множество мест поесть, например, на улице около бассейна. Много, много людей. Стоят друг за другом в очереди, открывают специальные емкости для второго: так, это мне подходит, это я возьму, а это не подходит, это брать не буду, это снова не подходит, а это подходит, возьму тоже, а это тоже подходит, возьму тоже, и это подходит! Надо взять, но уже не помещается, ладно, авось не упадет, точно не упадет, горка повыше, только и всего. Потом налить чай, чай как у нас, русский чай, то есть сначала из чайника себе заварочки, потом кипяточком разбавить. Помимо чая можно воду, а можно и вино или пиво, ну, а почему нет? Отдых же. Бесплатно. Можно и коктейлик; а почему нет-то? Еще запастись фруктами, фруктами обязательно, фрукты полезные, от них не толстеешь, от них витамины, никакого вреда одна польза, никакой химии сплошная экология, ну, и сладостей к чаю. С собой еще нужно взять, в номере захочешь есть, а все закрыто. Фруктов в сумочку положи, ага, банан еще, и сливу. К тем, кто сидит с детьми, подметальщики подходили особенно часто, потому что у детей все крошится изо рта, сыр, хлеб, рис крошится, если вовремя не убрать, дети утонут в этих объедках на своих стульчиках. Стульчиков, кстати, много, они на колесиках напротив бара в главном компартменте Обеденной Залы. Официанты подходят к детям, глядят их по голове, целуют, треплют за подбородок, пощечивают, улыбаются, дети им тоже улыбаются, а некоторые не улыбаются, нет, они, наоборот, отворачиваются и кукаются или даже плачут, но в основном улыбаются, потому что официанты искренне же. Пока родители накладывали еду маленьким девочкам, их пятилетний братик катал одну девочку на стульчике. К этим двоим детям подошли три официанта, и давай гладить их по голове, трепать подбородок и т.д. По маленькой девочке легко было понять, когда на нее кто-то смотрел. Она начинала смотреть на смотрящего и улыбаться. Смотрящий улыбался еще сильнее, девочка улыбалась еще сильнее, смотрящий улыбался еще сильнее, девочка улыбалась еще сильнее, хотя это казалось уже невозможным. В конце концов смотрящий отводил взгляд, потому что проигрывал, сильнее не мог улыбнуться. В Обеденной Зале всегда было множество всяких людей, в основном русские, немцы и поляки. Русских вообще опознать как-то проще. Если не касаться одежды и выражения лиц, вкратце, у них почему-то были самые полные тарелки. Все ходили с этими тарелками, русские, нерусские, их движение напоминало перистальтику, и надо всем этим носились запахи и звуки, как дух божий над водами.

Одна компания русских перистальтически ходила по столовой и не знала, куда

приткнуться. По-видимому, они тоже искали каток со льдом. Одна женщина была русской, но одновременно была и татаркой. Один мужчина напоминал Белобобра. Еще один – Антона Халцедонова. С Халцедоновым была еще какая-то смутно знакомая женщина. Татарка обнимала Белобобра, мне показалось, что это Альбина. Хотя сходство было не стопроцентное, пришлось на всякий случай надеть маску, чтоб не узнали. Сквозь маску, однако, точно было видно: Белобобр и Альбина (и Халцедонов). БЕЛОБОБР И АЛЬБИНА! И они обнимались. Снял маску – вроде не они, и обнимаются не так сильно, но похожи, похожи, и могут узнать. Надел – БЕЛОБОБР И АЛЬБИНА ОБНИМАЮТСЯ. Смотреть на это невозможно, но и не смотреть нельзя. Ни в маске, ни без маски. Пришлось взять фрукты и выйти.

По ночам были дискотеки, а ведь всем известно, что спортсменам полагается ходить на дискотеки, относительно этого есть специальный пункт в контракте. Не то чтобы им за это отдельно платили, просто если не ходить, штрафовали. Был специальный гала-зал отдельно от Обеденной Залы, туда нужно было записываться, был определенный даже дресс-код, только никто не знал, в чем он заключался. Атмосфера всеобщей любви и блаженства. Добрые официанты помогали всем, бесплатно наливали пива, вина и коктейлей, за нетурецкое вино требовалось чего-то платить, турецкое пить было невозможно. Свет зеркального шара, белые майки светятся в ультрафиолете, если одежда темная, под одеждой светится лифчик, жаркое тело, липкие движения. Альбина танцует с Белобобром, Халцедонов где-то поблизости. Срочно снять маску. Но тогда узнают. Надо пойти прочь.

Наливали и вне дискотеки, если кто по рассеянности забыл записаться, кто-то упивался, но спортсмены нет, спортсмены они не упиваются, как бы ни хотелось, да и сложно было упиться до блевотины, такое слабое было пиво и так обильно разбавляли его льдом; да, возможно, и добрые бармены контролировали, кому что наливать. Несмотря на слабость алкоголя, с утра все равно болела голова и никуда не хотелось идти, даже к морю, не говоря уже о том, чтобы ехать в город Манавгат (99 тыс. жителей), где сохранились какие-то греческие развалины, то есть сохранились в разваленном виде, конечно. Да весь отель был сделан и продуман так, чтобы никто из него и не хотел выйти – начиная от того, что вокруг не было ничего – если бы нужно было проиллюстрировать понятие «ничего», лучше примера, чем окрестности «Хрустального адмирала», придумать было сложнее, – и заканчивая тем, что все включено, тут тебе и магазины, и бани. Только катка с искусственным льдом, к сожалению, не было.

И повсюду натыкаешься на Альбину с Белобобром. Везде, везде они. Быть может, они тоже приехали на сборы? Быть может, сюда приехали также польская и немецкая, а то и французская команды? А ведь такое вполне могло быть: отсутствие катка объяснилось просто: надпись *pist geçici olarak kapalı* означала «каток временно закрыт». Где есть каток, там есть и спортсмены.

Играли на пляже в футбол. Играл с нами, между прочим, игрок в куртке «Зенита», один раз удалось прокинуть ему между ног, но в основном он всех обыгрывал, забивал голы. После игры все подходили к нему и брали автографы. Оказалось – в самом деле играет в «Зените», такой Федор Чалов. Записал фамилию, чтоб не забыть – дескать, был там один молодой, я его поучил немножко – между ног прокинул, пообводил. Потом подошел, попросил позаниматься с ним индивидуально. Потом оказалось, что это Федор Чалов.

Через три дня желание найти Альбину и все ей сказать стало нестерпимым. Сказать: Я помню Барселону и крошечную каморку с балконом шириной в ладонь. И колесо обозрения в Брюсселе. И кладовку, и темень, как под землей, и как мы не видели друг друга, поэтому острее ощущали слухом, запахом, прикосновениями, вкусами. И как ты тонула, а я подошел, обнял тебя и вытащил из воды. И как когда-то думали, что мы на самом деле одно. И как был дымный город, и мы поставили разбрызгиватель и сидели за завесой дождя, укрывшись и от дыма, и от людей. И как однажды ты сломала нос, и я жалел тебя до слез. И как у меня умер отец, а ты

была беременна. Или как я был рад, когда говорил, что теперь у меня номер семь, как у Бэхема – и так рад был? Но во всем отеле ни Альбины, ни Белобобра уже не было. Мелькнул на дороге автобус с изображением флага Набережных Челнов с ебучим символом духовности в виде тюльпана. Почудилось, что из окна автобуса смотрит довольное лицо Альбины, а внутри вибрирует скрипучий голос Белобобра. Сборная России, или Татарстана, или просто любительская команда из Набережных Челнов уехала.

На ресепшне девушка сказала:

– Господин Рональд Брейтуэй? Вам оставили посылку. Корреспондент пожелал остаться неизвестным.

В конверте была коричневая записная книжка, из Риги. Вторая женщина, с Халцеоновым, по-видимому, была Ниде.

Вот такой распорядок дня был на сборах. Вот такой распорядок дня был на сборах. Через две недели уехали и наши спортсмены (хотя кто уже стал «нашим», а кто «не нашим?»), понизив общую спортивность отдыхающих. В последний день был сбор турагентов, и на выходах из Обеденной Залы стояли усатые мужики с огромными накладными сиськами (предполагалось, что это смешно) и предлагали всем выходящим, включая в это число и детей, отведать бесплатно настоящей русской водки.

«**»: Молитва о чуде

Чемпионат области продолжался, а дела у команды все так и не ладились. Единственное, что отчего-то болельщики увеличивались в числе чуть даже быстрее, чем свиные черепа в почве, но очков по-прежнему было НОЛЬ. Зеро.

Если смотреть на остальных игроков не в душе, не в раздевалке, не на ритуалах, не на игре, а на тренировке или в жизни, тем более абстрагируясь от того, что занимают они не свое место (а место Рональда), то смотреть на них было даже приятно. Подкачанные, приветливые ребята, с лицами, обветренными от постоянного пребывания на свежем воздухе, добродушные, все как один с хорошей потенцией, всегда готовые хлопнуть человека по плечу и сказать: круто ты меня сейчас обвел, бро, хотя и в валенках, в следующий раз точно на поле выйдешь, давай, держись, крутой ты чувак, молодец, вон Игорь еще хуже тебя играет, и так далее. Несмотря на все их дружелюбие и готовность помочь (если, например, поскользнулся на льду), никакого желания общаться с ними не было. Даже с Яшей и Серегой. Да и они не рвались, потому что Рональд, хоть никогда и не жаловался, но вид имел несчастный.

Яша был все время какой-то бессловесный, словарный запас у него был слов сто, из которых сорок были футбольными терминами и десять хоккейными. Свою симпатию он всегда выражал сочувственными объятиями. Иногда это было неуместным. Серега тоже не особо много говорил, просто иногда предлагал подвезти Рональда, хотя было и не по пути, всегда одобрительно смотрел, как он пыхтит в валенках по льду, и часто пропускал голы после его ударов (когда-то он был основным вратарем команды, но, когда взяли раба Божьего Константина, массажист определил быть основным вратарем ему). Серега был единственным игроком, класс которого Рональд признавал без скидок на отсутствие игровой практики, и он не был ему конкурентом – он *подходил*. Однако зимой, когда Рональд стал сдавать, он начал подозревать, что Серега пропускает так много мячей не оттого, что Рональд такой крутой, и что даже Сереге уже очевидно, как плохо он играет. От всего этого он не мог заставить себя смотреть ему в глаза.

Когда эти ядреные лбы играли на застывшем озере и Рональд вынужден был смотреть на них с берега, не имея возможности пойти погреться или повтыкать в телефон (на морозе он мгновенно разряжался), или вообще бросить все это дело, пребывая в футбольно-хоккейном рабстве у Артема еще на 2+1 сезона, ноги всегда мерзли в валенках, тело всегда мерзло под

овчиной, и голова всегда мерзла под шапкой-ушанкой, как у той свиньи-матушки, – он думал, не является ли он жертвой, козлом отпущения для команды «Две звездочки»? Но жертва должна приносить пользу, а он, очевидно, не угоден богу футбола, богу хоккея, богу игровых видов спорта, богу зимних видов спорта, богу игровых зимних видов спорта, богу просто спорта, просто богу – потому что «Две звездочки» так и не выигрывали.

Рональд начал молиться о чуде.

«**»: Чудо номер один

И чудо произошло! Долгая подпольная работа Яши и Сереги дала свои плоды. Коллективный разум команды придумал, как повлиять на общественное мнение и на мнение Артема.

Теперь каждый раз, не попадая по мячу, или попадая, но не туда, или просто при любом неудачном действии они говорили примерно так:

– Блин, если бы Рональд был здесь, он бы точно попал!

или:

– Ну еб твою мать, ну куда ты побежал, вот был бы тут Рональд, тот принял бы мяч!

или:

– Бля, вот я лох! Ну почему я не Рональд.

Крики такие раздавались и на тренировке, и во время игры. Артем, конечно, все слышал, но ничего не говорил. Немногочисленный фан-клуб болельщиков «Двух звездочек» тоже все слышал, и вскоре во время каждого матча болельщики скандировали:

– Рональда на по-ле! Рональда на по-ле!

Не каждый игрок основного состава этой команды удостоивался персональной кричалки, даже такой куцей – по правде сказать, вообще никто, кроме Рональда. Можно сказать, он стал местной знаменитостью.

Пользы от этого чуда все равно не было, а был только вред – Артем позвал как-то Рональда в тренерскую комнату и сказал:

– Прекрати это.

– Что прекратить? – спросил Рональд. Тренерская, с тех пор как Рональд был здесь в последний раз, сильно переменялась. Теперь здесь стоял компьютер для просмотра матчей, плазменная панель, на стенах в невиданном ранее Рональдом количестве стояли спортивные наградные кубки, фотографии: Артема с Пеле, Артема с Роберто Карлосом, Артема с Криштиану Роналду, стол! – стол стал огромным, как Казбек, с другой его стороны еле виднелся в тумане Артем. Сам Артем виделся громадой, великаном среди своих кубков и грамот.

– Прекрати свои фокусы. Ты же нормальный пацан. Я думал.

– Я тут ни...

– Ай да замолчи! Че они все орут бля, что тебя на поле надо? Я не тренер, что ли? Я не знаю, кому там надо на поле, а кому не надо?

– Ну это ж не я... – Рональд заплакал. – Мне, думаешь, самому приятно?

– А чего тебе неприятно? – удивился Артем. – На, возьми водички. – И он катнул ему по своему грандиозному полированному столу, как по барной стойке, стакан с содовой.

– Ну разве не понятно? Они надо мной издеваются. Ладно тут меня на поле не выпускают, ладно на тренировках уже коньки не дают – *(ну фондов нет...)* – я понимаю, понимаю, фондов нет. Так теперь еще весь город знает, все надо мной издеваются, специально спрашивают. На улице встретят, говорят: «Что, Рональд, не пускают тебя на поле?» А сами думают про себя, вот лох. Некоторые улыбаются даже. «Не пускаают тебя, бля, Рональд, не поле? Ах-ха-ха-ха-ха!» – и Рональд снова зарыдал.

- Ну, может, они жалеют...
- Если жалеют, тоже чего хорошего! Слушай, может, отпустишь меня?
- Не могу.
- Почему?
- Не могу и все.
- Но почему?!!
- Я сказал, не могу. В контракте есть отступные, ты все-таки забил три мяча «Виктории», рекордсмен, если кто купит, держать не будем. Ищи команду, я не против!
- Ну... что же мне делать?
- Ну... ну смотри. Я твою проблему понял. Давай так: я поговорю с ребятами, попрошу их не кричать, скажу, что это ты просил.
- Ага.
- Могу на тебя сослаться?
- Ну да... Это же я просил...
- Ну все. Я поговорю. А теперь иди. Впрочем, нет! Ладно, скажу.
- Что?

– Короче, дело такое. Уволить я тебя не могу, и не проси, потому что ты нам важнее всех остальных. В сто раз важнее! Мой лучший друг Сурен Степанянц на основе своих тайных методик... ты же видел, он все чего-то в своих тетрадках черкал, записывал, я вот тебе покажу его тетрадку, он с ума сошел, помнишь ведь, но я из уважения его волю выполняю... в общем, он определил тебя как секретное оружие, которое можно использовать очень редко, когда уже все, никаких надежд. Ну вон как с «Викторией» два раза играли, ему потом ноги еще за этот матч, ну, помнишь же. Эти-то все как деревянные солдаты Урфин Джюса, а ты как будто человек с сознанием, как-то так он говорил. Но потом говорил мне, что ошибался насчет тебя, не оправдал ты ожиданий. А потом снова, что ты важен, тренером, может, когда-то будешь. В общем, хуй просышь этого Сурена, сам не знает, че говорит... И, кстати, знаешь, почему команда была «Три звездочки»? Это я, Сурен и ты, это мы три звездочки. Я, конечно, честно говоря, думаю, это бред сумасшедшего, ну какое из тебя тайное оружие (извини), но из уважения к воле лучшего друга...

Артем достал из стола тетрадь в коричневом коленкором переплете и стал рассматривать. Рональд хотел поглядеть, но Артем грубо оттолкнул его.

– Я так понял, мне Сурен говорил про игровую философию, я чот там не понял, вот траектория, по которой должен двигаться мяч, что ли... Ну, пока идет матч, мяч должен двигаться в течение игры вот так вот. Видишь, вон, сценарии разные: атакующая модель, защитная, против «Химика»... Какого, блять, «Химика», это ж бенди, «Химик», а Сурен когда еще это нарисовал... Видишь, вон, какие-то круги, закорючки, палочки, хуй просышь че, так вообще мяч не летает. Им говорят: мяч сюда, потом мяч сюда... Ну, а если противник перехватит, все насмарку, получается? Ну, я ж говорю, сумасшедший. Точно долбанутый. Погоди, погоди...

– Че?

– Все, иди. Иди, сказал, я занят. Все, пошел, пошел! Пошел нахуй. Нахуй пошел. Завтра чтоб не опаздывать!

Перечень производственных повреждений

Дела как-то у нас становились все хуже и хуже, все подозрительнее и подозрительнее. Вскоре по возвращении из Турции поломался Гунарс – второй по способностям, по общему мнению, ученик. Я видел, как это было – он просто копал яму, оступился и упал. Сломал он только ногу, но, пока мы его вытаскивали, сломалась и его рука. Гунарса поселили в наш конец

коридора, но он держал себя в чистоте, мог самостоятельно передвигаться до туалета и обратно, от него не пахло, и он был вменяем.

Потом во время раскопок обморозил семь пальцев на ногах и восемь на руках Фалитарист. Пришлось ампутировать. Он был карточным фокусником, и ампутация его очень расстроила.

– Как же так, брат Фалитарист, – спросил его я. Он заплакал:

– Да вот, так само.

Фалитариста положили в одну палату с Гунарсом, где они лежали и говорили на непонятном всем остальным языке.

– Это все люди, готовые к открытому чемпионату Страны Эльфов, – радовался Арт.

После большого количества несчастных случаев при раскопках мы сменили деятельность – стали ставить столбы и строить ограды. Нужно было натягивать проволоку, которая от напряжения могла лопнуть и намотаться кому-нибудь на конечности, пережав кровообращение так, что развивалась гангрена, и единственным способом лечения была ампутация. Призмову ампутировали обе ноги по колени, так, что он стал как Оскар Писториус, а за здоровье Сизаница и Тренева Арт еще боролся. Торин очень убивался по своему другу Призмову, но сам пока был цел и невредим.

Что касается Марьяна и Мариса, то они с самого начала были не просто карликами, но и сиамскими близнецами-краниопагами. Они срослись головами, но не то чтобы у них была одна голова на двоих. Нет, голова у каждого была своя, и каждый представлял собой отдельную личность, характеры их различались, но часть мозга при этом все-таки была общая. При этом функционировали они нормально и даже могли кататься на санках и фехтовать. Если посмотреть, то были у них и преимущества.

Например, они могли обмениваться мыслями, не говоря при этом вслух ни слова. В детстве они не умели скрывать мысли друг от друга, но потом научились. Марьян мог пользоваться двумя глазами Мариса, а Марис одним глазом Марьяна. Марис управлял тремя ногами и одной рукой из общих восьми конечностей братьев, а Марьян тремя руками и одной ногой. В результате несчастного случая братьям ампутировали три руки и одну ногу, все они оказались конечностями, контролируемые Марьяном. Марьян, таким образом, оказался бесполезным грузом. Интересно было бы представить себе его психологическое состояние.

Целы и невредимы оставались, помимо меня и Торина, Арюфил (хотя ему за его работу в стенгазете *определенно* намекнули, что он готов к переходу в Страну Эльфов, и он ждал), Хатавлючий (если не считать глаза, который ему проткнули через фанерку), Чарли (если не считать пару пальцев на левой руке, которые ему оторвало взбесившейся проволокой) и Шитовник.

Через неделю после того, как ограда была выстроена, в результате еще одной серии несчастных случаев пришлось ампутировать обе ноги и одну руку Шитовнику, что Арта очень удивило.

– Раз уж Шитовник инвалидом стал, то и нас скоро заберут, – сказал Хатавлючий. – Вот жопа-то. Готовься, чувак, скоро и тебя почикают. И чем дальше, тем сильнее, обрати внимание.

– Чего это меня должны чикать?

– Ты чего, не понимаешь? Нас готовят к паралимпийским играм. Видимо, только на паралимпиаду и проходим.

«**»: Новый революционный подход к тренировкам

Со следующего дня тренировки стали проходить следующим образом.

Артем рисовал на льду, прямо на площадке, узоры. Для каждого румяного спортсмена узор был своего цвета. После матча Артем с массажистом ходили и смотрели на следы от

коньков. Если следы хоккеиста совпадали с нарисованным для него узором, значит, хоккеист был молодец, выполнил тренерскую установку. Если не совпадали – значит, хоккеист плохо, негодно выполнил тренерскую установку. Артем называл умение рисовать узоры «техническими элементами». Больше ничего не было – ни работы с мячом, ни кроссов, ни отработки угловых, ничего. Только технические элементы. Каждому составлена была индивидуальная программа физических упражнений, чтоб лучше оставлять правильные следы на льду.

Оказалось, что рисовать коньками узоры удобнее всего было при определенном скоростном режиме, и в нужных местах опираясь о лед клюшкой. Кроме того, рельеф мышц, определяемый массажистом при инициации, показал некоторую корреляцию между амплуа игрока и фигурами, которые ему легче было выполнять. Нападающим удобнее было делать быстрые развороты, начерченные обычно в непосредственной близости от ворот условного соперника, а защитникам рисовать широкие дуги в районе своей штрафной площадки.

Нашли дело и Рональду – он своими широкими валенками затирает лед, чтобы лучше было потом видно узоры, вычерчиваемые хоккеистами.

Сначала каждый хоккеист занимался по индивидуальному плану – пытался продемонстрировать технические элементы в одиночку, а остальная команда сидела на скамейке, ржала и подсказывала ему. Потом Артем стал выпускать двоих, троих, четверых хоккеистов, и в итоге стал выпускать всех одиннадцатерых одновременно. Когда каждый научился сносно выполнять свой элемент, стало понятно, что они не мешают друг другу, а, наоборот, движутся согласованно, как в балете, словно повинуюсь общему плану. Это было красиво.

Результаты команды тоже стали вдруг расти. Когда в первой игре они попытались рисовать технические элементы, они были жестоко биты командой, у которой за пять туров до конца была всего одна ничья и один выигрыш (и то у «Двух звездочек»), но уже в следующем туре они забили гол десятой команде области, потом сыграли почти вничью с двенадцатой, а потом даже добились ничьей с восьмой!

Рональд опять остался в стороне – чудо сработало в другую сторону. Партнеры по команде не вняли просьбе Артема и кричали «Эх, надо было дать Рональду, уж он бы разобрался». Им весело вторили соперники и болельщики, и всем было смешно, у всех было отличное настроение, игра шла, даже Серега улыбался, не говоря уже об Игоре, Максе или аспиранте Солодове. Рональд сидел около поля и сгорал со стыда.

По случаю ничьей пиво лилось рекой, и Артем дал всей команде выходной! Но даже и выходной не радовал Рональда. Чудо сработало в другую сторону. Чудо сработало в другую сторону. Чудо сработало в другую сторону. Надежд не осталось.

Наконец-то команда крепко, по-мужски, сдружилась! Ей не хватало пусть маленького, пусть локального успеха для того, чтоб стать единым целым. Никакие совместные мастурбации и обмен кровью не могли этого заменить. Теперь, познав вкус ничьей, равной победе, команда действительно стала одним целым. В этом целом не было Рональда, но он сам виноват; в конце концов, видимо, все обойдется. Все обойдется. Найдется и ему место на празднике жизни.

«»: Чудо номер два**

То был предпоследний тур, а в последнем «Две звездочки» должны были играть с «Химиком». «Химик» давно стал чемпионом области, у «Двух звездочек» не было шанса стать даже предпоследними. В предыдущем туре болельщики устроили беспорядки, требуя выпустить на поле Рональда; если бы такое продолжалось в следующем сезоне, это могло стать проблемой, но Артем о ней пока не думал, все мысли, как говорится, были заняты предстоящей

игрой с лидером чемпионата. По взаимному согласию последний матч провели в Воскресенске, и даже не на скучном поле «Химика», а на открытом катке, на застывшем озере, подтапливающим стены химкомбината. Игроки решили после матча поехать на турбазу пить пиво и отмечать закрытие сезона, а от озера до турбазы было ровно в два раза ближе. Матч, согласно наказанию, наложенному на «Две звездочки», проводили без зрителей, поэтому игра на озере не встретила возражения у оргкомитета соревнований. Все было мило и неформально.

Оставили машины на берегу и пошли к заранее расчищенному катку. По пути Рональд подошел к тренеру «Химика». Он взял за обыкновение перед каждой игрой подходить к тренеру соперника и проситься в их команду. Сначала он делал это втайне, но теперь, когда карьера, если не самая жизнь его, была разбита и терять ему было нечего, он перестал скрываться тренера и партнеров.

– Нет, к сожалению, вы нам не нужны, команда укомплектована, – сказал тренер «Химика», еле сдерживая тонкую улыбку. – Очень жаль, да.

Артем тоже иронично улыбался.

Рональд почему-то вдруг мысленно представил себе тренера «Химика» без большой бороды, и обомлел: ему явственно увиделось лицо Сурена. Сурена Степанянца, их бывшего тренера! Этого не может быть! каждый бы заметил, что «Химик» тренирует Сурен, только с бородой. И уж тем более Артем, его лучший друг, заметил бы.

Но тем не менее Рональд не мог избавиться от навязчивого ощущения. Он подошел и тихонько дернул тренера за бороду.

– Да иди ты нахуй! – заорал тренер. Борода не оторвалась.

Игроки «Химика», еще румянее и мускулистее игроков «Двух звездочек», стали кататься вокруг Рональда и кричать:

– Сла-ва Ро-нальду! Сла-ва Ро-нальду! Рональ-да на-по-ле! Рональ-да на-по-ле! Уррра! Муа-ха-ха-ха! – и издавать прочие неприятные звуки.

Артем вдруг заозирался, сунул руку в карман, потом успокоенно кивнул сам себе. На предматчевой установке он сказал:

– Похоже, ребята, я оставил свой тренерский блокнот в машине. Но вы и без меня все знаете свой маневр. Ты выполняешь элемент 3D, ты 5DFT118QR, ты АУЕ6, ты Тильду Восемь Пятнадцать, – говорил он, обращая то к одному, то к другому румяному хоккеисту, привычно не встречаясь взглядом с Рональдом.

Игра началась. Был относительно теплый солнечный мартовский день; не настолько теплый, чтобы лед начал таять – может быть, минус пять. Рональду было даже не так холодно, как обычно, и в других обстоятельствах, наверно, приятно было бы стоять при такой погоде около поля и смотреть на две команды, играющие в хоккей с мячом. Сначала хоккеисты играли неуклюже, как будто клюшками для гольфа, и с озера раздавались голоса: «эх, если бы Рональд был здесь!» – перемежаемые взрывами смеха. И свои игроки смеялись, и игроки «Химика», и оба тренера. Освобождение настигло всех. Скоро будет весна. Не надо было больше жалеть Рональда, он разучился играть, не то что выполнять простейшие технические элементы. Надоела эта долгая зима. Он сам виноват. Как всегда, как всегда с ним: подавал большие надежды, а что теперь? Эх, Рональд, Рональд. Впрочем, решили же, что о нем можно не думать – и снова «эх, если бы Рональд был здесь» – «муа-ха-ха-ха».

От этих звуков, особенно громких в отсутствие зрителей, Рональду стало невыносимо. Он чужой здесь. Он отошел подальше, Артем ничего не заметил, тогда он отошел еще подальше, Артем снова ничего не заметил. Да ну, без плетки же он стоит, пускай видит, пошел он. Игроки в бенди выглядели издали на ярком свете очень красиво, примерно как голландцы на картине Хендрика Аверкампа. «Игроки в бенди», Хендрик Аверкамп, 1613 год, например.

Даже на самом краю озера было слышно, как персонажи картины Аверкампа сокрушаются отсутствием Рональда и ржут. Рональду от стыда стало жарко, он с силой топнул

ногой, и неожиданно под его валенком проломился лед. Рональд побежал к берегу, и везде, везде под ним проламывался лед.

Разве такое могло быть? Как будто бы ведь даже похолодало.

Позже эксперты пояснили, что произошло.

А произошло очередное чудо. Несколько дней подряд с нефтехимического комбината в озеро вытекала серная кислота. Этот нефтехимический комбинат входит, между прочим, в четверку крупнейших производителей серной кислоты в России. И вся эта серная кислота стекала в озеро, сначала понемногу, потом сильнее, сильнее и, наконец, в день матча бурным незамеченным инженерами-технологами потоком. При смешении серной кислоты и воды происходит экзотермическая реакция, выделяется большое количество тепла – вода подо льдом нагрелась до ста градусов. Лед подтаял, и очень быстро образовалась полынья кипящей воды, отрезавшая хоккеистов, играющих на огромной льдине, от берега.

Всех, кроме Рональда, который, конечно, не был уже игроком в бенди, а был, наоборот, чужим на этом празднике жизни (и смерти). И он был уже на берегу.

Возможно, он мог предупредить Артема, Серегу, аспиранта Солодова, всех остальных, и особенно Яшу. Но, возможно, было уже поздно. Хотя, возможно, и нет.

Сами же они ничего не замечали. Наконец-то у них начало что-то получаться в атаке. Они пасовались, вдохновенно бежали вперед. Команда вдруг начала показывать хоккей высочайшего уровня. Артем радовался – именно этого он добивался весь сезон, и хорошо, что пришел Рональд а натолкнул его на мысль. Возможно, стоит его отпустить, наконец. Тренер «Химика» сначала кричал на своих ребят, пытался управлять игрой, но бросил и с огромным удивлением сказал:

– Поздравляю, Артем. С такой игрой, мне кажется, и на чемпионат мира, – и стал кричать своим:

– Акопян, Сто Сорок Пять – Восемнадцать! Зугаев, Чарли Восемь Один Икс! Исламов, Три Дэ! Петров, Ноль!

И тогда «Химик» тоже воскрес – и помчался вперед, выписывая новые, улучшенные технические элементы, о которых Артем и понятия не имел. «Химик» постепенно стал догонять «Двух звездочек», но медленно, слишком медленно. Игра была прекрасна, мир не видал более совершенного матча по бенди.

На берегу около автомобиля Артема Рональд подобрал коричневую тетрадь и, не читая, сунул в карман.

При счете девятнадцать – тринадцать перед Яшей вдруг образовывается полынья, он тормозит, и от резкого торможения под ним проламывается лед. Игру останавливают, естественно, Яше кое-как помогают выкарабкаться, арбитр оценивает обстановку, принимает решение увести команды с поля и доиграть матч позже. Команды чрезвычайно осторожно идут по берегу к тонкому, но напарываются на полынью с кипятком. Лед стремительно тончает; Рональд слышит крики ужаса игроков, но не оборачивается. Игроки пытаются снять с себя коньки, Артем звонит по мобильному телефону. Рональд идет по дороге от озера. Навстречу ему с сиренами проносятся скорая помощь, пожарная машина и т.д.

Побег

Я остался один. Арт приковал меня к большому бревну в коридоре с гробами. По-моему, он раскрутил, кто я. Полное отсутствие способностей к духовным практикам и то, что я случайно попал в логово неспящих. И еще кое-что. Что я и есть Тринадцатый.

Все остальные пробудились к спорту. Даже тупой Торин. Даже стукач Арюфил. Последним был ложный друг Хатавлючий, но и он теперь готов попасть в Страну Эльфов.

Мастер Гутэй отсек ученику палец, чтобы тот достиг просветления. Но ему хватило

всего лишь пальца, потому что он успел пройти достаточно долгий курс обучения. Нас обучали экспресс-методом, чтобы успеть к паралимпиаде, и, очевидно, для усиления эффекта должны были интенсифицировать процесс – кому-то хватило ампутации нескольких пальцев, кому-то трех конечностей. И только я оказался настолько бездарным, что так и не увидел таинственные сущности.

Не помогла ни фанерка, с помощью которой я фиксировал пустоту, ни хаукарль. Когда Арюфил пронюхал про хаукарль, Арт просто сказал Хатавлючему, что наркотик затеняет его сознание, потому он и не готов к пробуждению. И что Хатавлючий принимал его со страха и сам все себе испортил, а ведь он номер Один, самый способный. Ну и что, что он без глаза? Скандинавский бог Один тоже был без глаза. Если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось прочь от себя, вот что я тебе скажу, сказал Арт. Правый глаз предает тебя, поскольку спит вечным сном и не сможет никогда пробудиться. Когда ты принимаешь хаукарль – правый глаз иллюзорно пробуждается, зато засыпает левый, бодрствующий. В обоих случаях ты видишь реальность только одним глазом, вот в чем твоя проблема. Твой выбор, от какого глаза отказаться, но отказаться необходимо. Теперь у тебя не будет покоя.

Стоило Хатавлючему отказаться от хаукарля, как его прогресс стал очевиден, и он перешел в Страну Эльфов даже без членовредительства, не считая вырванного в буквальном смысле правого глаза.

На меня же Арт махнул рукой.

– Хоть принимай хаукарль, хоть не принимай хаукарля, – сказал он мне, – видно, не попасть тебе никак в Страну Эльфов, все равно ты ничего понять не сможешь. Если какого-нибудь богача и возьмут покататься на космическом корабле, космонавтом он от этого не станет. Считай, что ты космический турист. У тебя были записи Сурена, вот и все твое богатство. Сурену удалось найти идеальные чертежи для спорта. Вот, например, мои чертежи относительно тех рисунков, которые вы должны рисовать на льду во время керлинга – они сработают, только если команда противника будет действовать по понятной мне схеме. Соперник предсказуем, но обладает свободой воли, он все-таки, хоть и с маленькой вероятностью, может сменить схему – и тогда мои чертежи могут и не сработать. Тем ценнее записки Сурена, которые допускают вариативность в зависимости от тактики врага. Похожую вариативность допускали лучшие из полководцев, они действовали по похожим принципам – Юлий Цезарь или Наполеон.

– Но ты приперся сюда без записей, и что с тобой было делать? Посиди пока, а там посмотрим, – сказал Арт, приковывая мне обе ноги. – Или хочешь, устроим тебе тоже несчастный случай, ампутирuem ногу? Вдруг поймешь, что к чему?

– Не надо ногу.

– Вот и я думаю, что не надо. Хотя по-хорошему... Вот голову тебе будет отрубить самое оно.

Он вышел, и я остался в глубокой задумчивости. А вдруг и правда отрубят?

У меня был с собой швейцарский нож, подарок Серюни, пока его не постигла ужасная участь. От нечего делать я попробовал – а вдруг да развинтится крышка ближайшего гроба? Развинтилась. В гробу оказался целый склад протезов для нашей компании. Это навело меня на мысль о том, как можно попробовать сбежать. Я вспомнил, каким образом сбежал от инквизиции в шестнадцатом веке один протестант по имени Челио Секондо Курионе.

– Освободи мне одну ногу, Арт, – попросил я его, когда утром Арт принес мне еду, – ибо я все равно не смогу сбежать отсюда с этим бревном, а ноги мои затекли зело. И ты знаешь воистину, что не буду я отрубать себе ногу, когда мог бы отрубить две, да и нечем мне.

– Верно сие, что ты не будешь отрубать себе ногу; верно также и то, что тебе нечем ее отрубать; верно и третье – что с бревном ты не убежишь. Истину глаголешь, – возгласил Арт, переняв мой тон. – Правда твоя. А мы тут не звери. Правую или левую?

– Раз моя правда, то давай правую.
– Логично. Кстати, я тут подумал. Ты точно не брал с собой записи Сурена? Может, у тебя они все-таки есть?

– Я единственный пришел без вещей. Ты же видел.

– Ну да, ну да. Ладно, готово. – сказал Арт, освободив мне одну ногу.

Когда он ушел, я открыл крышку гроба и вытащил оттуда ножной протез ниже колена. Свою ногу я вытащил из штанины, протез засунул туда вместо нее, а голую ногу спрятал под плащ.

На другое утро Арт пришел и, кривляясь, спросил:

– Как почивали, милостисдарь?

– Гораздо лучше. Нога зело отдохнула, можешь теперь отцепить левую ногу, а правую прицепить обратно?

– Ну мы ж не звери, – сказал Арт и стал отцеплять мне левую ногу. Чтоб он не заметил, что правая нога у меня фальшивая, я стал его отвлекать:

– Арт?

– А?

– А почему у тебя такие странные чертежи? В смысле, для керлинга? Ведь так человек двигаться не может.

– Я видел, как вы мучались на тенировках, да. Но я придумал отличный выход. Ты, как старший аналитик, оценишь.

– Ну? – сказал я в крайнем волнении, потому что Арт как раз начал прикреплять к бревну муляж. Арт понял мое волнение по-своему.

– Движения, которые я разработал, действительно чрезвычайно сложны, – самодовольно сказал он, – и их не сделать здоровому человеку. Но! – он захихикал. – Но. Когда у человека нет некоторых частей тела, центр его тяжести смещается, и тогда (и только тогда) он сможет сделать те движения, какие мне от него нужны! Наша команда паралимпийцев при должной тренировке потенциально способна обыграть и действующих олимпийских чемпионов. Особая роль отводится Марису и Марьяну с тремя ногами и одной рукой. Ну что, каково?

– Очень ловко. Весьма!

– То-то. Так-то вот. Готово. Ого. Вот-вот, – и Арт ушел.

Он не заметил! Я ощущал себя, как говорят валлийцы, *fel si a dau gos*. До вечера я просидел с ногой под плащом, а ночью, когда все заснули, оделся и сбежал. Перед тем как убежать, я зашел в свою с Хатавлючим комнату. Она была пуста: Хатавлючий теперь был помощник тренера и делил комнату с Артом. Я собирался найти в тумбочке какой-нибудь еды, потому что не ел (и почти не спал), пока меня держали на цепи. Пусть даже это будет хаукарль, пофиг, все равно и Хатавлючий, и Арт в один голос твердили, что хаукарль этот на меня не влияет.

Свет, конечно, не включал. Обшаривая в темноте тумбочку, понял вдруг, что в комнате кто-то есть. Включил фонарик – и свет его попал на Серюню. Он лежал без рук и без ног почему-то в этой комнате, глаза его были открыты, а на лице не было никакого выражения. Мне ничего не оставалось сделать, как броситься к нему.

Я с силой прижал подушку к его лицу и держал секунд тридцать, как мне показалось. Серюня не дергался и никак не показывал, что ему неприятно. Во мне зародилось довольно страшное подозрение. Не отнимая подушки от лица, я сунул руку куда-то в район его шеи – Серюня был холодным и на ощупь каким-то пластиковым. Он был уже мертв – или не мертв, но функционально от мертвого не отличался.

Чтобы проверить это, я снял с него подушку и закрыл его глаза. Как и следовало ожидать, он никак не отреагировал.

В тумбочке был один только хаукарль. Я наелся им чуть не до тошноты (и еще много осталось), не сводя глаз с Серюни. Определенно, Серюня был мертв. Хаукарль я брать с собой не стал, чтобы меня не выдал запах.

В гостинице стояла глухая тишина. В подвале я нашел в тайнике прикопанную тетрадку Сурена и оставил ее около главного выхода. Это должно их задержать. Сам через главный выход пытаться выбраться я даже и не стал, а пошел по туннелю, по которому катались вагонетки на тренировки по керлингу. Свернул в первый же левый рукав, чтобы утром меня случайно не догнали, и дальше шел наугад. Ну, как наугад. Вспоминаешь вдруг грандиозную паутину под Вантовым мостом – и примерно становится ясно, куда идти.

Я светил себе под ноги, время от времени подсаживался на измену и гасил свет – вдруг кто-нибудь сзади увидит. Слышалось какое-то шуршание, кто-то как будто бы кашлял или хрюкал в темноте. Несколько раз я бросал через плечо разные предметы, как в русской сказке: то расческу, то гребешок, то зеркальце. С одной стороны риск – могут выследить. С другой стороны – мало ли; не помешает.

Мне пришло в голову, что Серюня мог и не быть мертвым. Он изначально мог не быть живым. Я ведь никогда не касался его тела – а вдруг он все время был холодным? А вдруг он был фигурой типа того, что пользовался Чарли, когда домогался моей жены – и Чарли, например, сидел под кроватью, когда я говорил с Серюней по душам, мы делились планами, он давал мне советы? Например, это именно Серюня посоветовал мне не душить Чарли подушкой, когда у меня была возможность отомстить за Ниде (и, несмотря на то, что я не послушался его совета и все равно пришел к Чарли в спальню, его там не было). Могло ли это быть случайностью? А если он мертв, то кто его убил? Никому, никому нельзя верить.

СТРАНА ЭЛЬФОВ

О неспящих

Теперь пора рассказать, кто такие неспящие.

Для этого сначала нужно сказать, кто такие спящие. Спящие в обыденном смысле слова это понятно кто. Чем характеризуется сон человека? Тем, что это то время, когда у него отключаются органы восприятия действительности: он не воспринимает ни запаха, ни вкуса, ни визуальных образов, ни слуховых, ни осязательных.

Сон делится на фазы: медленный (глубокий и неглубокий), быстрые движения глаз (r.e.m.), а также человек просыпается на несколько секунд раз десять или пятнадцать за ночь.

Глубокая стадия медленного сна – время, когда субъективная реальность спящего наиболее сильно расходится с объективной реальностью вокруг него. Это время лунатизма, энуреза, разговоров во сне и кошмаров. Разбудить человека из глубокой стадии невозможно (если вы его разбудили, значит, стадия была недостаточно глубока). Люди наиболее одиноки в медленном сне, каждый находится в своей вселенной. Возможно, они в другой реальности.

В неглубокой стадии медленного сна человек уже ограниченно воспринимает действительность, особенно если она интенсивно вторгается в его жизнь. Человека можно растолкать, он может и сам пробудиться от яркого света или громкого звука. Возможно, разбудит человека и резкий запах или отвратительный вкус.

Во время фазы быстрых движений глаз человек в целом воспринимает действительность еще лучше, но интерпретирует ее по-своему – иногда правильно, иногда нет. Это время снов, время, когда человек слышит то, что происходит вокруг него, но его сознание еще затуманено пребыванием в иной вселенной, даруемой медленным сном, и сигналы из внешнего мира могут искажаться. Хотя сны у каждого свои, и вселенная медленного сна у

каждого своя, фаза быстрых движений глаз не такое одинокое дело, как медленный сон, – по крайней мере, можно добиться, чтобы у всех людей были общие раздражители, а это уже кое-что.

Наконец, несколько раз просыпаясь за ночь, человек окунается в общую для всех внешнюю действительность, убеждается, что там все в порядке, безопасно, и спит дальше. Если что-то отличается от нормы, то он может уже и не заснуть снова.

Но это все касается обычного, человеческого сна. Имеется еще один сон, более глубокого порядка, за неимением полностью подходящего слова его можно назвать метафизическим. Этот сон характеризуется тем, что сознание блокирует еще одно чувство восприятия действительности – можно было бы назвать его шестым чувством, если бы имелась уверенность в том, что те, кто обычно говорят о шестом чувстве, понимают, о чем вообще идет речь. В детстве это обычное чувство, наравне со стандартными пятью – отсюда воображаемые друзья, непонятные существа, страх оставаться одному в темной комнате. Темная комната действительно наполнена непонятными тайными сущностями – карликами, монстрами, великанами, химерами. Просто взрослые их не видят. И эти сущности опасны – но не по отношению к убогим пяти чувствам, которыми взрослые воспринимают убогий четырехмерный кусочек действительности, а по отношению к более тонким вещам, воспринимаемым более тонкими чувствами. Поэтому дети их и боятся.

По мере взросления большинство взрослых перестает воспринимать своим шестым чувством огромный мир вокруг них и сосредотачивается только на мире, воспринимаемом зрением, слухом, осязанием, обонянием и вкусом. Они впадают в медленный сон и живут каждый в своей медленной вселенной, в одиночестве. Единение с богом, о котором говорится во всех религиях, – это пробуждение из этого сна, но осознанное пробуждение. Во время неглубокого сна волшебная вселенная может на время разбудить их – на шоковое пробуждение, например, направлены практики дзэн-буддистов – но если не поддерживать бодрствование, скоро снова заснешь. Во время аналога быстрых движений глаз человек воспринимает «божественную» вселенную, но интерпретирует ее по-своему – и все равно получают шедевры искусства, науки и техники.

Человека, проснувшегося посреди метафизической ночи на несколько секунд и увидевшего метафизическую опасность – монстров, карликов и прочие тайные сущности – охватывает метафизический ужас. Потом он обычно снова засыпает, не в силах полностью осознать этот ужас, и он отступает.

У некоторых людей восприятие расширенной вселенной с возрастом не исчезает. Они не засыпают. Те из них, кто поумнее, не говорят другим о ее существовании, тех, кто поглупее, люди называют, например, блаженными. Есть целые племена, доблестью почитающие как можно меньше спать – и они тоже видят большой мир. Например, вот отрывок из книги «Не спи – кругом змеи» Дэниела Эверетта, жившего со своей семьей среди амазонского племени пираха. Здесь есть все: и обычные сны, и метафизические, и чужой мир, и те, кто его видят, и те, кто не видят:

«– Смотри, вон он! Дух Игагаи!

– Вижу. Он нам угрожает.

– Идите все смотреть на Игагаи! Быстро! Он на берегу!

Я вынырнул из глубокого сна, еще не понимая, приснились мне голоса или они звучат наяву. Было полседьмого утра, суббота, август, сухой сезон 1980 г. Уже светило солнце, но жара еще не наступила. До моей неказистой хижины на полянке возле берега долетал ветерок с реки Маиси. Я открыл глаза и увидел крышу из плетеных пальмовых листьев над головой, когда-то желтую, но посеревшую за долгие годы от пыли и золы. По бокам от моего жилища стояли две хижины пираха – похожие на мою, но немного меньше. В них жили Ахоабиси и

Кохоибиинихиаи с семьями.

По утрам по селению пираха обычно разносился слабый запах дыма от кухонных костров, а теплое бразильское солнце светило мне в лицо через москитную сетку. Обычно дети шумно гонялись друг за другом и громко смеялись или же подзывали няньку плачем, так, что слышало все селение. Лаяли собаки. Часто, открыв глаза и пытаясь стряхнуть сон, я замечал, что в щель между листьями пальмы-пашиубы, из которых сделана стенка хижины, за мной следит ребенок пираха, а иногда и взрослый. Но сегодня все было иначе.

Шум и крики индейцев окончательно разбудили меня. Я сел и огляделся. Метрах в шести от моей хижины, на высоком берегу реки Маиси, собралась толпа. Все яростно размахивали руками и кричали, глядя на тот берег реки ровно напротив моего дома. Я вылез из кровати, чтобы взглянуть поближе: спать при таком шуме все равно невозможно.

Я поднял с пола шорты и проверил, нет ли в них тарантула, скорпиона, многоножки или еще какого-нибудь незваного гостя. Затем я оделся, сунул ноги в шлепанцы и вышел. Индейцы собрались сразу справа от входа в мой дом. Они распались все больше. Я видел, как по тропинке к ним спешили женщины с младенцами на руках; они настолько торопились, что дети едва могли удержать во рту материнскую грудь.

Было градусов двадцать, но уже влажно, хотя до полуденной жары под сорок еще далеко. Я протер глаза и повернулся к Кохои, который больше всех обучал меня языку. “Что случилось?” – спросил я его. Он стоял справа от меня; его сильное, худощавое, коричневое от загара тело все напряглось, и он не сводил глаз с того берега.

– Ты что, не видишь? – спросил он недовольным тоном. – Игагаи, из тех, что живут за облаками, стоит на том берегу и кричит, что убьет нас, если мы только ступим в джунгли.

– Где он? – спросил я. – Я не вижу.

– Да вот же! – рявкнул Кохои, всё так же уставившись на тот берег, где вроде бы никого не было.

– За деревьями на том берегу?

– Нет, прямо у реки. Открой глаза! – ответил он раздраженно.

Живя с пираха в джунглях, я часто не замечал животных, которых они видели без труда. Мои непривычные к лесу глаза просто не умели смотреть так же, как глаза индейца.

Но сейчас творилось что-то другое. Даже я мог с уверенностью сказать, что на белом песчаном берегу, меньше чем в ста метрах от нас, не было ни души. И хотя я был в этом совершенно уверен, пираха были не меньше моего уверены, что там кто-то есть. Может быть, я все пропустил, он уже исчез? Нет, уверяли меня пираха, Игагаи не ушел.

Все продолжали смотреть в ту сторону. Тут я услышал голос своей дочери Кристин:

– Папа, на что они смотрят?

– Я не знаю. Ничего не вижу.

Крис встала на цыпочки и тоже посмотрела на тот берег. Потом на меня. Потом на индейцев. Она тоже ничего не понимала».

Несколько невидимых существей

Я вышел из подвала на второй этаж. Это был дом в Каугури, рядом с пляжем, тот самый, в котором располагался храм. Поднялся по лестнице. Как давно я не видел солнечного света! С пляжа доносились голоса футболистов. Через разбитое окно я с удовольствием вдохнул свежего морского воздуха.

Храма я не нашел – а впрочем, некогда было искать. В любую минуту Арт мог меня хватиться и настичь. Нужно было уйти как можно дальше. Дверь внизу была заперта, это частично могло объяснять отсутствие дерьма под ногами. Я выпрыгнул из окна и пошел вдоль пляжа. На пляже играли – семь на семь или восемь на восемь, или семь на восемь, или восемь

на восемь, или как-то так – в общем, человек пятнадцать. Бегали они так, словно вообще меня не видели. Защитник выбил мяч в падении через себя, он вылетел с поля, криво, но все все равно закричали, «Красава, красавица» или «Малацис». За мячом устремились два футболиста, да так, что один промчался в тридцати сантиметрах от меня, а второй, с золотым зубом и раскроенным ухом, наскочил на меня. Мы оба упали.

– Осторожнее! – крикнул я.

Футболист воззрился на меня так, словно увидел привидение – и со всех ног побежал по направлению к морю и потом дальше по пляжу. В течение минуты футбольное поле опустело. Остался только я да вечный мой партнер Саулюс.

– Чего это они? – спросил я.

– Испугались, – сказал Саулюс.

– Чего испугались?

– Ну тебя. Футболистов мне всех распугал.

– Слышь, Саулюс, я с тобой же играл. В Дубулты. По субботам. И в Майори по четвергам.

– Ну, помню, наверно. А, да! Ну да, помню. Цепкий такой защитник. Вроде нормально играешь. И сейчас тоже вижу, что мужик ты непростой. Как тебя зовут, забыл?

– Ну! Рональд я. Слушай, как тут добраться до электрички, мне в Ригу надо побыстрее? Ну или вообще как тут до Риги быстрее добраться?

– До электрички? По берегу идешь, вдоль леса, ну, куда футболисты убежали, потом зона будет, так надо перед ней свернуть, на вторую тропинку. Сразу после монстра. Потом направо... нет, налево! Короче, сложно там, если быстро. Давай я с тобой дойду до понятного места, все равно уж не поиграешь сегодня, блин, спасибо тебе, Рональда.

Пока мы шли, он объяснял:

– Понимаешь, это футболисты-невидимки. Их никто не видит, кроме меня. Вот они, наверно, и испугались, что их кто-то еще увидел. Всегда меня зовут с собой играть, без меня не играют никогда.

– Это фэйри, наверно.

– Че?

– Фэйри, в ирландской мифологии. Скрытый народец. Которого никто не видит. Очень любят играть во всякие игры, только без настоящего человека не получается, очень нужен настоящий человек. Или на свадьбу настоящего там скрипача зовут, или на танцы, или роды принять.

– Ну, может, фэйри. Я с ними в футбол всегда играю. Из-за них, гадов, попрощался с футбольной карьерой.

– Это как?

– Да так. Меня же в юношескую сборную Литвы вызыва... Куда пошел, идиот!

– Что такое?

– Не видишь? Видишь, у берега монстр стоит.

И действительно, на берегу примерно по колено (человеческое) в воде стоял монстр.

– Не погонится?

– Не бойсь, не погонится. Он всегда здесь стоит. Может, ему из воды выходить нельзя. У него и без нас добычи много. Смотри!

По пляжу мимо монстра как раз проходила некая пенсионерка. Монстр наклонился, откусил ей полголовы и икнул. Бабуся ничего не заметила, шла как ни в чем не бывало, только остановилась на мгновение, чихнула, оглянулась и пошла дальше. Голова у нее присутствовала.

– Эх. Она не понимает, чего только что лишилась. А мы-то понимаем.

Мы свернули в лес. Поднимаясь по тропинке в дюны, Саулюс говорил:

– Так вот. Меня же в сборную Литвы вызывали! Не хуже Роналду был, твоего тезки. Или Марадоны. Всех обводил! По три мяча за игру забивал. И потом мне это зрение ебаное открылось. Обведу я одного, второго, передо мною еще трое вырастают. Полкоманды на себя стягивал, и партнер, естественно, один стоит – получай пас да бей. И вот я этому партнеру даю – а он в моей форме, вижу только, цвет желтый, буду я смотреть, кто там именно стоит – а этого партнера, оказывается, никто, кроме меня, не видит! Мяч, естественно, за боковую или там от ворот.

– Подстава.

В лесу шли мимо заброшенных строений, похожих на блиндажи – заброшенных, но огражденных заборами.

– Да. Или опять, веду я мяч, а на меня трое нападают. Я, конечно, опять пасую, в борьбу получается, но все равно, чем если б просто отобрали, партнер мяч теряет, гол в наши ворота. Тренер потом спрашивает, чего мяч так рискованно отдаешь, я говорю, так трое напали, и опять этих троих никто не видит. В общем, так матч прошел, второй, от меня им пользы никакой нет, так и перестали вызывать. Тренер мне так и говорит: ты, говорит, Саулюс, хорошо очень играешь, но ебанутый. Нам такие не нужны.

– Ясно.

Довольно быстро вышли к шоссе. Отсюда можно было или в течение часа идти по дороге и дойти до станции Кемери, или пятнадцать минут идти в другую сторону и дойти до остановки, где неизвестно сколько времени ждать автобус, чтобы он довез до Слоки или Булдури, и потом снова на электричке, или, может, подойдет маршрутка сразу до Риги. Пошел до Кемери. Давай я тебя провожу, сказал Саулюс.

Шли по обочине пустой дороги, уже довольно долго. Раз в минуту в ту или другую сторону проезжала машина, иногда две или три сразу. Все торопились успеть до дождя, или до снега. В лесу раздался вдруг страшный, жуткий крик.

– Блядь! – сказал Саулюс.

– Что такое? – спросил я.

– Сука блядь! – сказал Саулюс. Он показал наверх. Там, над деревьями, показалась голова ящера, огромного, как в фильме «Годзилла». Голова плавно двигалась над кронами; очевидно, под головой было тело, которое передвигалось, очевидно, на лапах. Ни тела, ни лап сквозь деревья видно не было.

– Подождем здесь, пусть пройдет, – сказал Саулюс. – Блядь, блядь, блядь!

Ящер вышел на дорогу и пошел по ней в сторону моря. Высотой он был метров двадцать, наверно. Навстречу ему из-за поворота выехала машина. Водитель – парень в спортивном костюме – увидел меня (и, казалось, испытал шок), но не заметил годзиллу, скрытого от него деревьями, поэтому даже не притормозил, когда огромная лапа наступила на автомобиль. Послышался хруст (металла) и звон (стекла). Я закрыл глаза. Автомобиль резко прибавил скорость, промчался мимо нас и скрылся за другим поворотом. Ящер ушел дальше по дороге, на месте аварии осталось скользко выглядящее кровавое пятно. Налетели птицы с языками вместо клювов и стали лизать это пятно.

– Можно идти, – закричал Саулюс, – скорее!

Мы побежали в лес, на то место, откуда слышали жуткий крик. Блядь, блядь, блядь, блядь! – все кричал Саулюс и плакал. На обочине лежал раздавленный годзиллой человек – тот самый, который столкнулся со мной на футбольном поле. Он был железобетонно мертв, зачоченел и даже посинел, как будто успел полежать в морозильнике.

– Федя, – заплакал Саулюс. – федя-федя-федя-федя, блядь-блядь-блядь-блядь, федя-федя-блядь-блядь, блядь федя блядь федя, федя блядь федя блядь, блядь федя федя блядь, федя блядь блядь федя, федя блядь федя блядь...

Раскрылись небеса и пошел, наконец, снег.

Громкая дорога в Кемери

Был темный ветреный вечер, снег кончился, но с запада угрожал дождь. Я оставил Саулюса страдать над Федей в надежде дойти до Кемери, но уже почти стемнело, а признаков станции все не было. Я все смотрел вдоль дороги, а машин все не было.

Еще две минуты.

Ничего.

Этим вечером на дороге было очень мало машин, и никто, кроме того, не брал. Местные водители медленно ехали на своих таратайках, спесиво бросали взгляд на одинокую фигуру, стоящую на обочине, и исчезали во тьме.

– Ну давай же, – пробормотал я про себя. Если я вот прямо сейчас не найду попутчика, я застряну здесь на ночь. А дождь уже почти начинается.

Порыв ветра вынес ближайшей рощицы тучу опавших листьев. Когда он утих, я услышал другой звук: слабый далекий рев, словно бы некий огромный зверь тащит непосильный груз. Вскоре из-за поворота появился сноп искусственного света. Приближался грузовик!

Дорога была не освещена, так что я расположился около светоотражающих знаков, означающих место стоянки, в надежде, что это даст водителю время меня заметить и возможность затормозить. Когда машина приблизилась, я увидел, что это действительно дичайший зверь с четырьмя осями. Брезент свисал со всех сторон кузова. Я поднял палец.

Дичайший зверь затормозил, тормоза зашкрякали, грузовик свернул на стоянку и с шумом остановился. Я бросился к пассажирской двери, окно которой приоткрылось. Оттуда высунулась голова. Водитель был в вязаной шапке.

– Подкинуть? – проорал он. Ему приходилось орать из-за грохота. Кабина тряслась от движения мотора, непрерывно ревущего под дребезжащим капотом.

– Да, пожалуйста! – проорал я в ответ. – Куда вы...

– Ась? – переспросил шофер, высовывая голову еще дальше из окна.

– Через Кемери едете? – спросил я.

– Кемери?

Я закивал, и его голова исчезла. Потом дверь распахнулась, и я залез внутрь. Оказывается, то был не шофер, а его напарник, я думал, так уже лет десять как никто не ездит, тем более по Латвии. Он откинулся назад, и я с трудом протиснулся на среднее сиденье.

Водитель, сидевший за баранкой, ухмыльнулся мне. Он тоже был в вязаной шапке, точно такой же, как у напарника.

– Спасибо! – закричал я сквозь грохот. Внутри было так же шумно, как и снаружи, если не громче.

– Нормально влез? – проревел он, выживая сцепление. Мне пришлось убирать колено, прижатое к рычагу передач. Мы тронулись как раз в тот момент, как первые крупные капли дождя упали на ветровое стекло. Вторая скорость снова потребовала движения колена, потом третья, и расслабить ногу я смог не раньше четвертой. Фары освещали дорогу впереди, а я сидел и радовался, что снова в пути.

Шум, издаваемый машиной, превратился в устойчивый гул, увеличенный до рева от огромного груза, наваленного где-то позади нас, резонирующего внутри кабины. Я думал, что от грохота беседа в кабине сведется к минимуму, но вскоре понял, что водитель обращается ко мне. Я старался слушать его, но уловил только конец предложения, что-то типа примерно:

– Повезло, да?

– Реально повезло! – ответил я. – Я еду...

– Ты чавось? – спросил он, прервав меня. Его уши были скрыты под вязаной шапкой.

Я заорал:

– Говорю, домой еду!

– Ась? – сказал напарник водителя, склонив ко мне голову. Последние минуты он он сидел в молчании, смотря в ветровое стекло, но теперь его грезы были нарушены, и он пытливо смотрел на меня.

– Только что сказал вашему другу, что домой еду!

Пока он расшифровывал эти слова, его лицо приняло озадаченное выражение. Потом он горячо кивнул:

– Желаю удачи!

– Ты чавось? – сказал другой водитель, нагнувшись.

– Он говорит, желает удачи! – объяснил я.

– Аа, ну да, да! – согласился он, немного обдумав эту ремарку. – Да, точно, было бы неплохо!

Дождь теперь шел вовсю. Он барабанил по крыше, сражался с дворниками и побеждал их. У каждого дворника был особый метод. Дворник со стороны пассажирского сиденья прыгал справа налево и обратно короткими, сильными щелчками, а дворник со стороны водителя беспорядочно скреб туда-обратно длинными вялыми движениями, которые только размазывали воду, но не избавлялись от нее. В итоге у водителя был широкий, но довольно размытый взгляд на дорогу, а его напарник мог видеть все четко, но только в очень узком сегменте. Если считать в среднем, то их поле зрения было достаточно адекватно. Возможно, поэтому они и ездили вдвоем.

Они явно были командой. Оба в спецовках и уже упомянутых вязаных шапках, кудрявые, с кустистыми бакенбардами, помешанные на том, чтобы продолжать путь даже в такую погоду. Однако когда доходило до вербальной коммуникации, внутри этой команды возникала проблема. Они во всем походили на Марьяна и Мариса, кроме того, что не могли общаться невербально. Впрочем, и Марьян с Марисом иногда в шутку разговаривали друг с другом голосом. Внутренность кабины было одним из самых громких мест, где я когда-либо бывал, два моих спутника постоянно пытались обсудить наше продвижение, обмениваясь замечаниями по поводу каждого поворота, лужи или аналогичной опасности, с которой мы сталкивались. Это было бы ничего, если бы каждый был готов слушать, что говорит другой. Но вместо этого они постоянно прерывали друг друга криками «Ась?» или «Ты чаво?».

Когда мы миновали знак, предупреждающий об особенно крутом склоне, водитель начал процесс уменьшения передачи, шумную операцию, включающую в себя увеличение количества оборотов двигателя и нажатие на педаль сцепления. Пока я расторопно подстраивал свое колено к рычагу передач, его напарник выбрал момент, чтоб поговорить о погоде.

– Кажется, этот дождь!

– Ты чавось? – пороорал водитель.

– Говорю, кажется, этот дождь на всю ночь!

С моего места в середине я едва слышал, что он говорил. Поэтому, как я подозревал, водитель не слышал вообще ничего. Тем не менее я видел, что он готовится ответить, поэтому отклонился от направления звука, как только мог.

– Чавось этот дождь? – прокричал он через меня.

– Ась? – ответил его напарник.

– Ты говорил, этот дождь!

– Да! – ответил он. – Кажется, он на всю ночь, не удивлюсь!

Они оба посмотрели на меня, очевидно, в поисках моего мнения по этому поводу, так что я веско кивнул в знак согласия, чем они, кажется, совершенно удовлетворились.

Большую часть времени на этой дороге были только мы. Иногда, правда, размытый свет

фар пробивался на встречке, показывая, что мы не единственные, кто пытается путешествовать в такую ужасную погоду. Вода залила всю дорогу и низвергалась с обеих ее сторон водопадами.

Мы проехали мимо закрытого придорожного кафе, и водитель с напарником в своей манере принялись рассуждать о том, где можно будет перекусить, потому что это кафе закрыто, а они, как оказалось, собирались здесь перекусить. Поскольку я сидел между ними, то сквозь частокол «Ась?» и «Ты чаво?» общая картина складывалась примерно такой.

На трассе было две точки общепита. Одна называлась «Тигровая лилия», была хорошо знакома дальнобойщикам и их напарникам как *то самое* место, где всегда можно было раздобыть дешевой и быстрой еды. Оно никогда не закрывалось, что было предположительной причиной того, что его владелец Чарли никогда не имел времени побриться, принять душ или хотя бы умыться. Два моих спутника провели значительное количество времени, обмениваясь шутками по поводу гигиены Чарли. Но все равно чувствовалось, что они относятся к нему хорошо, потому что знали его задолго до «аварии». Что именно подразумевалось под аварией, осталось неясным, но, пока я слушал, у меня в голове нарисовалась картина однорукого (или одноногого) повара, одетого в грязнейший халат и единственной своей рукой управляющего кафе.

Вторая точка называлась «Сладкая N.», это был ресторан, которым управляла женщина по имени Ниде. Этот ресторан, наоборот, был чрезвычайно чистый, еда в нем была всегда очень вкусная и свежая, но дальнобойщики (и их напарники), как правило, *опасались* заезжать туда, потому что еда была также *полезной*, а Ниде не позволяла никому входить в заведение в грязных ботинках и с грязными, например, ушами, размешивать сахар в чае неправильной ложечкой и намазывать масло не тем ножом. Это была бывшая певица, пережившая двух своих мужей, нестарая и еще очень даже ничего, но.

- Очень грубая женщина! – сказал напарник.
- Ты чавось? – прокричал мне водитель.
- Он говорит, очень грубая женщина!
- Кто? – закричал водитель.
- Ась? – закричал напарник.
- Я говорю, вы говорите, очень грубая женщина!
- Да! – закричал напарник.
- Ась? – закричал водитель.
- Я говорю, он согласен, что это грубая женщина!
- С кем?
- С собой!
- Ты чавось?
- Он спрашивает, с кем вы согласны, что это грубая женщина!

Вскоре водитель с напарником с облегчением вспомнили, что по четвергам «Сладкая N.» закрыта, потому что Ниде ездит в этот день в театральную студию в Риге и там ночует. Поэтому придется ехать в «Тигровую Лилию».

В «Тигровой Лилии» Чарли не было, нас обслужил его помощник с полным комплектом конечностей. Мне было интересно, как водитель будет говорить со своим напарником в условиях относительной тишины, но они съели свои бургеры в полном молчании.

Утром мы приехали в Кемери. Дождь закончился, дальнобойщики дали мне два евро на электричку, и мы простились.

Этим человеком был (наконец-то) Рихард

До Риги добрался без особых приключений. Доехал до станции Браса, оттуда пешком

до первого отделения. Путь шел мимо кладбища, туда я старался не смотреть. В Риге, куда ни глянь, везде кладбище. Недалеко от нашего дома древнее кладбище св. Мартына, при церкви с двумя шпилями, недалеко от работы сразу два кладбища – Покровское и Большое, по Большому среди могил гуляют люди с собаками и беременные женщины, растут ведьмиными кольцами грибы. Напротив магазина, где мы покупали кровать, приехав сюда – Плескодальское кладбище, по пути от Брасы до отделения по Делах Миграции – целых четыре кладбища – Микеля, Райниса, Большое Братское и Лесное.

Придя в Первое отделение, сказал бабушкам на ресепшне, что мне к Рихарду Пордзиню, срочно. Нет его, в командировке, сказали старушки. Это срочно и чрезвычайно важно, сказал я. У вас наверняка есть способ с ним связаться. Не будем мы с ним связываться, у человека отпуск. Скажите ему, что это по делам спорта. Не будем мы с ним связываться, у человека отпуск. Просто пошлите ему смс. Напишите, что по поводу сборной Латвии. Идите, сейчас полицию вызовем. Вызывайте. Вместо полиции пришел кубический охранник и выкинул Рональда за дверь. Пусдиенас пāртраукумс! – кричал он в ответ на неоднократный настойчивый стук в дверь, а потом реагировать перестал вообще.

Звонить было неоткуда. Рональд вдруг обнаружил в себе способность понимать, чего хотят люди, как некий физиогномист, или, по крайней мере, думал так, оправдывая свой коммуникативный блок. Просить у кого-нибудь телефон было бессмысленно, никто не даст. Если в Москве можно было хотя бы пытаться – люди готовно отвечают на вопрос с первого же раза, и даже в Питере можно было пытаться – после первого вопроса люди поворачиваются к тебе и начинают слушать, а на повторный вопрос, быть может, уже и ответят, – то здесь даже и пытаться не стоило: после первого вопроса люди поворачиваются к спрашивающему, после второго смотрят на него, а третий начинают уже слушать. Учитывая то, как он сейчас выглядел, до третьего вопроса дойти шансов было ноль. Один раз он попробовал, стал объяснять женщине в пушистой шапке, но она просто смотрела сквозь него и никак не реагировала.

Пошел пешком до работы, опять мимо кладбищ – кто-нибудь там есть из коллег, день все-таки рабочий, даст ему телефон. Дошел до офисного здания, вошел внутрь – никто не обращал на него внимания, охранник уткнулся в телефон и переписывался там с кем-то. Рональд поднялся на второй этаж, позвонил в дверь, никто не открывал. Никто не открывал. Никто не открывал.

Рональд стоял, упершись головой в дверь, и держал руку на звонке. Подошел охранник и сказал, что рижское отделение «Гекатонхейра» давно закрылось, то ли переехало, то ли просто нет больше в Риге отделения «Гекатонхейра». Рональд вышел на улицу.

Погода была довольно теплая, выпавший утром снег уже растаял. Деревья стояли голые. Вечер только начинался. Рональд сел в троллейбус номер двенадцать, поехал через мост, ветер гнал волны по Даугаве против течения. В автобусе сидела рыжеволосая женщина с пирсингом и смотрела на Рональда с интересом. На губе у нее была простуда. Женщина вышла, а на следующей двери открылись и троллейбус долго стоял, не двигаясь с места. Видимо, была конечная. Рональд вышел и побрел по направлению к дому. По пути его обогнал троллейбус, внутри Рональд увидел Рихарда! Рональд закричал, замахал руками, я здесь, я здесь, Рихард, но Рихард как будто смотрел сквозь него и ничего не видел. Или не желал видеть. Рональд побежал за троллейбусом, он знал, что троллейбус доедет до светофора, – и, если повезет, постоит там, – потом повернет направо и доедет до следующей остановки. Это получается два катета, а можно побежать по гипотенузе через жилой квартал и попробовать перехватить Рихарда. Рональд хорошо бегал (раньше).

В жилом квартале из-за помойки выскочил вдруг бомж в костюме клоуна, а также с пиратским флагом и с косой. Клоун замахнулся косой на Рональда, но Рональд увернулся и выскочил на улицу Мелнсила. Троллейбус как раз подкатывал к остановке. Рональд ускорился, теряя дыхание, умоляя двери не закрываться. Он бы не успел, но тут с боков подоспели два

человека в спортивных костюмах, подхватили его под докты и побежали, и буквально внесли его в закрывающуюся заднюю дверь. Рональд даже не успел удивиться.

Двери с шипением закрылись, и Рональд понял, что Рихарда внутри не было.

Рихард был снаружи. Он только что вышел и теперь двигался по направлению к торговому центру «Максима», разговаривая по телефону. Троллейбус уже тронулся, и Рональд беззвучно замахал руками, стараясь привлечь его внимание, и стал тихонько стучать по стеклу, потом громче и даже закричал, но троллейбус уже разогнался и уносил Рональда все дальше от остановки, от Рихарда и от клоуна с косой. Троллейбус останавливался на каждой остановке, но не открывал дверей. На центральном рынке двери, наконец, раскрылись, после чего троллейбус тут же заполнился пенсионерами с пластиковыми пакетами с помидорами, а Рональд вышел.

Стоя на остановке напротив рынка, на берегу канала, Рональд увидел, что новый гастропавильон весь обставлен кольями, на которых навешаны черепа, а изнутри несет гнилью. И над всем рынком, располагающимся в ангарах для цеппелинов, возвышается тошнотворная конструкция – как будто некий шалтай-болтай на четырех шестах, склизкий, обмотанный белесыми нитками-канатами. Какой-то гной капал с него. Сновавшие туда и обратно пенсионеры не обращали на все это никакого внимания. Рональду стало дурно, он отвернулся к каналу, чтоб не так пахло, и увидел, что канал полон огромными горбатыми рыбами, акулами, лососями, которые гонялись и пожирали друг друга. От круговорота воды и крови Рональда вырвало прямо в канал, и рыбы рванулись пожирать его блевотину.

Рональд отшатнулся, но, к счастью, подошел первый трамвай, Рональд сел вместе с накопившимися пенсионерами и уехал.

Смеркалось. Рональд видел из окна, как на набережной люди в спортивных костюмах выборочно проверяют у людей документы. В такой ситуации безопаснее ехать в трамвае. Доехал до улицы Мартина и вышел. Было совсем темно. В темноте было очень страшно.

Где в такое время человека никто не будет искать? Там и следует искать Рихарда. А человека никто не будет искать на ветреном пляже около реки. Рональд пошел на пляж на Кипсале. Торговый центр «Олимпия» закрывался, машины разъезжались со стоянки, улицы пустели.

В несезон пляж на Кипсале пустынен не только по вечерам, но примерно и всегда. Летнее кафе заброшено, на волейбольной площадке никого нет, детский городок в виде огромного корабля стоит пустой, и ветер треплет его канаты и паруса. Яхты стоят в зимних доках, лишь несколько поздних лодок пришвартованы к марине. Речной пляж под Вантовым мостом заканчивается полем, огражденным от проезжей части каменным парапетом. В тени парапета стоял человек и курил.

Вантовый мост в такие вечера очень красив. Жутко похолодало, и на землю опустился вдруг густейший туман.

Этим человеком был, наконец-то, Рихард.

Итоговая пресс-конференция

Рональд сидел в пустой букмекерской конторе «Феникс». По ночам в Риге из заведений общепита работали только букмекерские конторы или игровые залы. По одному телевизору показывали скачки, по другому керлинг. Рональд прислушался. Комментировали инновационным способом Арта – похоже, он продавил свой подход эмпатического репортажа

на латвийское телевидение¹. Со стороны могло показаться, что передают просто мешанину

¹ Здесь следует хотя бы кратко пояснить, в чем заключается суть этого подхода. Вот как Арт презентовал его на одном из занятий. Это была необычно длинная для него речь, лишь из-за этого ее стоит привести полностью:

Полифоническое комментирование

– В чем недостаток нынешнего комментирования? Нет, подойдем к делу шире. Для чего вообще нужны комментаторы? Возьмем для простоты футбол, самый массовый вид спорта в мире. Четыре миллиарда на земле занимаются футболом! Вот вы смотрите матч, вы сто раз смотрели футбольные матчи, и вот – какие-то люди, которые вряд ли умнее вас, вряд ли лучше разбираются в футболе, явно не оканчивали курсов дикторов – и вдруг пересказывают вам то, что происходит на поле, то, что вы и так видите! Нужда, конечно, научает и горшки обжигать, но какая такая нужда все время порождает такое непотребство, позвольте спросить? Они говорят нам, все еще ли игрок после травмы играет *с опаской*, какой тренер *больше ждет перерыва*, и что, как ни глянь, *гостевой гол не особо и изменил задачу команды* – будто вы и сами этого не знаете! Большинство комментаторов не способны обсуждать абстрактные вещи, вот что я вам скажу – это человеки-факты, что вижу, о том и пою. Хоть один упомянул принцип фальсифицируемости Поппера или хотя бы платоновский мир идей? Вы слышали это? А кто хоть немного понимает в абстрактных понятиях, тот зубодробительно скучен.

А все почему? Все потому, что современные (и прошлые) комментаторы пытаются рассматривать футбол со стороны, умозрительно, *не живя* им. Они рассматривают этот опыт как интеллектуальный, а он как минимум еще и физический, и чувственный, и духовный; футбол – это жизнь, и он не прощает равнодушия. Поэтому мы так и ненавидим комментаторов.

К счастью, кроме интеллекта в трансляции можно передать еще хотя бы эмоциональную область, чувственную – и вот здесь они могут быть небезнадежны. Все дело в эмпатии. ЭМПАТИИ!

Смотрите. Когда мяч у нападающего Иванова, что скажет обычный комментатор? «Мяч у нападающего Иванова», – вот что скажет обычный комментатор. «Перевод на правый фланг нападающему Петрову», – вот что скажет обычный комментатор.

А что скажет хоть немного продвинутый комментатор? Он скажет: «Мяч у нападающего Иванова. Он думает, куда бы его направить. Перед ним два защитника, обыгрывать рискованно, но справа машет ему правой рукой его партнер нападающий Петров, и Иванов дает ему пас. Петров, несомненно, в лучшей позиции, и Иванов это понимает». Здесь мы уже видим какое-то проникновение в суть игры, объяснение ее для зрителя.

А что скажет истинно просветленный эмпат-комментатор? Истинно просветленный эмпат-комментатор скажет примерно следующее: «Так, вот, получил мяч от партнера нападающего Сидорова. Вот косоногий, не мог вразрез дать, козел? Теперь обыгрывай этих двоих. Так, этот правоногий, это левоногий, но стоят неудачно. Вот если бы тот был справа, а тот, наоборот, слева... Можно, конечно, попробовать, но тренер же пизды даст, надо установку же выполнять, вот козел. Бля, че делать-то? А, вон Петров рукой машет, дам ему, пускай сам разбирается», – и дальше так же комментировать за Петрова, а потом за вратаря, который пропускает после удара Петрова, а если пенальти, то за судью, который этот пенальти поставит или не поставит. Так вы проникаете во внутренний мир футболиста, а кроме того, видите какие-то футбольные тонкости, на которые внимания обычно не обращают – с какой стороны кого обыгрывать, какой финт сделать.

Но это только приближение к полному погружению, вы ведь понимаете. Возьмите хотя бы классическую греческую драму. Помимо протагониста, владеющего мячом, есть антагонист, то есть ближайший и непосредственный соперник. Озвучивать одновременно и протагониста и антагониста мало того, что технически довольно сложно (это возможно, например, если в комментаторах чревовещатель), – оно само по себе довольно безумно.

К счастью, нынче комментаторы работают, как правило, парами. Они могут договориться, и один, например, может озвучивать игроков одной команды, а второй игроков другой команды, так что зритель слышит уже полифонию, диалог двух соперников, такой прием даже в фильмах и пьесах нечасто используется, но футбол, как мы знаем – это жизнь.

Но и этого мало! Помимо протагониста и девтерагониста, в эпизоде часто бывает триагонист – например, партнер, которому пытается пасовать протагонист, или помощник антагониста. Это еще один комментатор. На всякий случай, конечно, нужно зарезервировать еще одного – для тетрагониста. Представляете, как здорово будет понимать игру рядовой зритель, слышащий взвешенные, эмпатичные мысли основных участников эпизода!

Вы, конечно, уже догадались, о чем я хочу сказать дальше. Есть игроки, непосредственно влияющие на игру, а есть игроки, влияющие потенциально. Они не в эпизоде, но настороже, и всегда готовы сорваться и подхватить мяч. Потом о чем-то думают запасные и болельщики обеих команд, никак нельзя обойтись и без

звуков, но тенированное ухо Рональда вычленило в ровном гуле «О чем говорить, когда не о чем говорить» то переживания камня, скользящего в базу, то внутренний монолог одного трущего, другого, то мысли капитана и страх подающего перед сорока пятью метрами.

– Звук можете погромче сделать? – спросил Рональд у бармена. – Да не здесь. А здесь выключить. Спасибо.

Это была пресс-конференция после финала олимпиады или какого другого крупного международного соревнования. Привлекла внимание Рональда она потому, что все лица там ему были знакомы.

Тренер выигравшей команды сказал так:

– Я удивлен, как здорово играл сегодня наш соперник. Эта команда вышла буквально из ниоткуда и сразу произвела фурор. Хочу сказать, что фурор этот полностью оправдан, команда действительно играла потрясающе и по справедливости выбила из турнира такие команды, как Китай, США, Шотландию и Швейцарию. Особенно меня поразили игроки с двумя туловищами, как его... Правильно, Марьян и Марис. Я надеюсь, что мы встретимся с тренером проигравшей команды и обменяемся опытом, тем более, как оказалось, мы теперь представляем одно государство.

Капитан выигравшей команды говорил так:

– Хочу соответственно поблагодарить Латвию за эээ неожиданное приглашение на этот представительный эээ ивент. Мы рады, что эта страна поддерживает принципы fair-play – и в том, что она, соответственно, целиком и полностью осуждает использование эээ допинга, – и в том, что она эээ видит разницу между нечестными спортсменами и соответственно честными, вне зависимости от соответственно национальности. Теперь, когда мы, соответственно, получили латвийское гражданство, я эээ принял решение соответственно перенести бизнес в эту страну. С понедельника компания «Гекатонхейр» переезжает в Латвию. Призываю соответственно сделать то же самое.

Капитаном выигравшей команды был мой бывший начальник Белобобр. Помощником

мнения тренеров, главного арбитра, и резервного, и боковых. Да и понять, как чувствует себя мяч – а это главный герой игры! – в полете, необходимо тоже. Для максимально глубокого понимания матча требуется, очевидно, озвучивание ВСЕХ его участников. В идеале – всех четырех миллиардов людей на земле, которые увлекаются футболом. Но тут важен баланс – сколько нужно комментаторов, чтобы, с одной стороны, можно было как следует углубиться в матч, а с другой – не попасть на базар?

Для этого обратимся снова к греческому театру. Помимо прото-, девтера- и прочих агонистов, в театре имеется и коллективный участник – хор. Могло бы показаться, что хор – зрители на стадионе, но нет, нет. Хор – это и есть наш коллективный комментатор. Он помогает автору в раскрытии смысла трагедии и душевных переживаний его героев, дает им оценку с точки зрения морали – в точности как просветленные комментаторы.

Сколько же человек в хоре? Изначально древнегреческая трагедия проходила как хоровое представление из 50 человек, поющих гимны Дионису (то есть в старые времена можно было комментировать и в отсутствие игроков – и я снова напоминаю вам о том, что по телевизору показывают ровно то, что хотят вам показать, а не то, что происходит на самом деле). После появления актёров (то есть игроков) хор (то есть комментаторы) продолжал играть главную роль. И это не удивительно! Neesmu pārsteigts! В его партиях раскрывался смысл спектакля. Эсхил, который ввёл в действие девтерагониста, уменьшил хор до 12 человек. А это, между прочим, все равно целая команда и арбитр. Далее, Софокл, добавивший в действие триагониста, снова увеличил состав хора, до 15 человек, но оставил за ним только роль комментатора. Видите! Даже великий Софокл связывает комментаторов и хор. Neesat pārsteigti? В комедиях мощность хора могла достигать до 24 человек, но как заранее скажешь, будет этот матч трагедией или фарсом? Поэтому 24 это минимум, если матч не заведомо договорной. Это на футбол. На волейбол можно меньше, на регби больше.

Арт остановился, ожидая наших аплодисментов. Они воспоследовали, разумеется.

– И, кроме того, если с помощью эквалайзера должным образом настроить частоты каждого комментатора, так чтобы никто не выделялся на фоне остальных, не будет никакого базара. Будет ровный теплый белый шум, в котором каждый – каждый – зритель будет слышать свое, настраиваясь на определенную волну. Это похоже на дискретное приближение к квантовой музыке, ну, этот концепт для вас еще слишком сложный.

капитана была моя бывшая коллега Альбина. Широко улыбаясь, она сказала так:

– Я также хочу поблагодарить латвийское государство, и еще, пользуясь случаем, передать привет Рональду Брейтуэю. Я знаю, что из-за трагической цепи случайностей он не смог присутствовать на этом форуме, но сейчас смотрит эту пресс-конференцию. Рональд, я тебя люблю и скоро приеду. Пока-пока! – и Альбина мелко помахала в камеру и несколько раз сжала пальцы, как обычно делают фигуристки, только фигуристки еще часто шлют воздушные поцелуи, а Альбина не посылала. У нее были удивительно маленькие пальцы, как у девочки.

Лицо Белобобра вытянулось. Тренер проигравшей в финале команды (легко догадаться, что это был Арт) прочел по бумажке так:

– Я бы хотел поблагодарить, конечно, латвийское государство – за стремление к диалогу, и за то, что мы смогли найти компромисс. Хотел бы также поблагодарить WCF и IOC за то, что нашли возможность в качестве исключения и эксперимента допустить на соревнование как обычную, так и паралимпийскую сборную одной страны. Латвия не раз доказывала свою приверженность принципам fair play. Настоящее соревнование показало потенциал как латвийского спорта, так и общества, основанного на разнообразии. Инвалиды такие же люди, как и не инвалиды. Не инвалиды такие же инвалиды, как и люди. Люди такие же не инвалиды, как и инвалиды. Этой риторической фигурой я хочу показать отсутствие дуализма в этом иллюзорном мире.

Потом он оторвался от бумажки, снял темные очки, обнаружив здоровенный фингал, и продолжил чуть менее формально:

– И раз уж тут все говорят про Рональда Брейтуэя. Его бы я хотел персонально поблагодарить за коричневую тетрадку, оставленную нам в качестве отвлекающего маневра. Если Рональд пошарит в своем правом кармане, он может обнаружить там следящее устройство. – Рональд пошарил в правом кармане и с отвращением выкинул жучок в мусорное ведро. – Мы дали ему возможность сбежать и не ошиблись в своем выборе. Спасибо, Рональд! Помнишь, обещал тебе встречу с тем, кого ты больше всего хочешь видеть, за тот случай с Серюней? Арт держит слово, а Серюня передает тебе привет. Как и Чарли, и все остальные парни.

– Какое такое слово? – вмешался Рихард Пордзиньш, менеджер победившей команды. – Нет, Рональд, это латвийское государство держит слово. Хотим также вас поблагодарить за сотрудничество. Как говорится, он между нами жил среди племени ему чужого; злобы в душе своей к нам не питал, и мы его любили. Все, что мы обещали, мы выполним. Несмотря на долгое отсутствие, ваш работодатель принимает вас обратно на работу, мы объяснили ему ваши обстоятельства.

Белобобр печально покивал.

Слово взял капитан проигравшей команды, а именно Гунарс.

– Вот виды взаимодействия объектов, – сказал он. – Отражение (зеркало) (объекты не пересекаются, один копирует форму другого с точности до симметрии); этого взаимодействия имеется два вида, меняет ли форму отражающий (подстройка) или отражаемый (превращение); склейка (бракосочетание) (объекты соприкасаются, один принимает форму другого, вернее, форму дополнения другого до части пространства); сего взаимодействия имеется три вида, меняет ли форму соприкасающий (плетка), соприкасаемый (одноглазый), или оба (пластилин); поглощения шесть видов: удав (активный объект поглощает другой, поглощающий принимают форму, тождественную форме поглощаемого), песня (активный объект проникает внутрь другого, поглощаемый принимает форму, тождественную форме поглощающего), радио (активный объект поглощает другой, поглощаемый принимают форму, тождественную форме поглощающего), слон (активный объект проникает внутрь другого, поглощающий принимает форму, тождественную форме поглощаемого), желудок (активный объект поглощает другой, оба приходят к третьей тождественной форме), пища (активный объект проникает внутрь

другого, оба приходят к третьей тождественной форме); удав и слон суть две стороны одного процесса, так же, как песня и радио, желудок и пища; частичное поглощение есть склейка; частичные удав и песня склеиваются в плетку (активный объект при контакте меняется), частичные слон и радио склеиваются в одноглазого (активный объект при контакте не меняется), частичные желудок и пища склеиваются в пластилин. Склейки три, а поглощений шесть потому, что при всякой склейке прикасается активный предмет, а не пассивный: «почти проглотить» и «почти внедриться» с топологической точки зрения одно и то же; обратным к поглощению взаимодействием является исторжение; исторжение есть поглощение, но с обратным течением времени; частичное исторжение есть снова склейка; по мгновенному слепку склейки не определить, соответствует она поглощению или исторжению, или сама по себе; соответственно есть шесть видов исторжения: обратный удав, или ваду (активный объект исторгает другой, меняя форму, исторгаемый пассивный предмет не меняет формы), обратная песня, или янсеп (активный объект вырывается из другого, меняя форму, исторгающий пассивный предмет формы не меняет), обратное радио, или оидар (активный объект исторгает другой, и тот меняет форму, исторгающий активный предмет формы не меняет), обратный слон, или нолс (активный объект вырывается из другого, не меняя формы, исторгающий пассивный предмет меняет форму), обратный желудок, или кодулеж (активный объект исторгает другой, оба меняют свою форму), обратная пища, или ащип (активный объект вырывается из другого, оба меняют свою форму); итого получается семнадцать видов взаимодействий объектов: подстройка, превращение, плетка, одноглазый, пластилин, удав, песня, радио, слон, желудок, пища, обратный удав, обратная песня, обратное радио, обратный слон, обратный желудок, обратная пища.

Далее слово снова взял тренер выигравшей команды:

– Если речь идет об известном в узких кругах Рональде Брейтуэе и знаменитой таинственной коричневой тетрадке, то я, кажется, тут тоже причастен. – Тут он снял противогаз. – Я Артем. Привет тебе, Рональд, от команды «Звездочка». Надеюсь, свидимся скоро...

Наконец, слово взял помощник капитана проигравшей команды, Шитовник:

– Рональд, ты не предатель. Если слышишь нас – беги. Они...

Ему отключили микрофон, и Рихард Пордзиньш пояснил:

– Прошу простить, но – регламент. Сейчас мы все отправляемся в аэропорт. Самолет в Ригу ждать не будет. Праздник сам себя праздновать не будет. Могу только пообещать, что на борту будет много шампанского, шариков, шуток и шарад – вы никогда не видели такого веселого самолета. Это большой успех для латышского спорта.

И трансляция прервалась.

Рональд досидел до пяти утра, когда начала ходить трамваи, и вышел из «Феникса». В такое время никаких контролеров, конечно, не ожидалось.

Возвращение домой

Выйдя из «Феникса» в уличный туман, Рональд столкнулся с человеком, который показался ему знакомым. Он зыркнул на Рональда и поспешно свернул за угол, а Рональд встал на остановке ждать трамвая. За ночь на улице туман еще сгустился, оттуда появлялись какие-то лица и рожи и снова исчезали, проезжали машины и снова исчезали. Трамвая нужно было ждать еще тринадцать минут, в тумане было ничего не видно, и Рональд стал вспоминать, где он видел этого человека.

Этот человек обладал всевозможными особыми приметами: он был бородат, в очках, лыс, с мохнатыми бровями, бородавкой на носу, шрамом на щеке и с поломанными ушами, как у любого кавказского борца. Хотя он был не кавказец, а негр. Не хватало только парашюта,

волочащегося за спиной.

Поломанные уши и натолкнули Рональда на мысль. Единственным некавказским человеком, на ком Рональд видел поломанные уши, был тренер по дзюдо его сына, Эйнар. Если бы не бородавка, очки, лысина, шрам, черная кожа и борода, этот человек, пожалуй, был бы похож на Эйнара.

Из тумана выскочила машина, затормозила перед остановкой, открылась дверь, внутри сидел Эйнар, таким, как Рональд помнил его – без бородавки, очков, лысина, шрама и белокожий, правда, с бородой.

– Антон, приветствую! – сказал Эйнар. – Давно не виделись. Могу подвезти.

– А это удобно?

– Удобно-удобно, конечно, удобно! Садитесь. Савва, пересядь.

На заднем сиденье было еще два человека в спортивных костюмах. Один вышел и открыл переднюю дверь, якобы сесть с Эйнаром, но, когда Рональд сел на заднее рядом со вторым, снова ее закрыл и сел рядом с Рональдом, таким образом, что тот оказался зажат между двумя дзюдоистами. Когда дверь захлопнулась, Эйнар сказал:

– Домой?

– Да, домой.

– Сами, значит, решили вернуться?

– Извините?

– Ну вы же терялись. Ваша жена наняла нас вас найти. Вот мы вас и нашли и доставляем домой.

Два человека в спортивных костюмах по бокам напряглись и схватили Рональда за руки. В тумане не было видно, куда они едут, и время текло как-то по-другому.

– Держите мою визитку, мало ли, пригодится, – сказал Эйнар и дал Рональду визитную карточку, на которой было написано *privāts detektīvs*. Все, приехали. Позвольте я вас провожу до подъезда.

Из квартиры Рональд выглянул на улицу. Порыв ветра на минуту рассеял туман, машины Эйнара уже не было, но напротив стоял человек в спортивном костюме.

В доме на Голубиной улице, построенном в 1896 году, но с цифрами «1812» на фасаде, было пусто. Зато работало отопление, а холодильник был наполнен едой. Рональд включил компьютер, запустил Hearthstone, включил заодно телевизор, достал из морозилки упаковку виноградных улиток, поставил в духовку, открыл вино, приготовился играть. Возможно, не все происходило в точности в описанном порядке.

По телевизору показывали «Что? Где? Когда?». Господин Понасенко, вы любите вестерны, спросил Господин Ведущий. Только если спагетти, пошутил Господин Понасенко. Внимание, вопрос, сказал Господин Ведущий. Федорс Анпилоговс из Юрмалы, Латвия. Вопрос записан телезрителем.

На экране показали пустой темный коридор общежития барачного типа. Раздалось фальшивое цоканье копыт, как в фильме Монти Пайтона про короля Артура, и посреди этого цоканья незнакомый голос сказал:

– Жизнь ковбоев на Диком Западе была полна опасностей, но еще больше она была наполнена пустотой.

В конце этого смутно знакомого коридора показался мальчик лет десяти на палке-скакалке с конской головой. Он медленно с равнодушным видом скакал по коридору.

– Бесконечные просторы прерий занимали большую часть его времени. Вокруг не было ничего, только пустота, и иногда враждебные индейцы, отбросы общества, дикие звери, мексиканцы, змеи и кактусы. Посреди этого однообразного, хотя и опасного пейзажа, ковбой мог двигаться месяцами, добираясь до своей цели.

Снова показали мальчика, но это был другой мальчик, заметно старше первого, хотя и

сохраняющего общее сходство с ним. Он все так же медленно и равнодушно ехал по воображаемой прерии коридора.

– Но бывали и светлые моменты, – продолжал Федорс Анпилоговс. – Иногда ковбой попадал в рай, например, в пустыню Невада – где стояли миллионы покерных столов, где собирались лучшие игроки мира. Все ковбои стремились в этот рай, хотя часто покидали его буквально без штанов. Представьте себе, чтоб вы очень любите футбол. Пустыня Невада была примерно как непрекращающийся чемпионат мира, где каждый мог выйти на поле против Месси или Роналду, Пеле или Марадоны, и попробовать себя. Шанс был у всех. Побеждали, конечно, не все, не все даже добирались до пустыни Невада, но это было то, ради чего жили эти люди. Для участия в этом непрекращающемся чемпионате мира ковбоем надо было показать все, на что он способен, в определенном смысле это была вершина и цель его жизни.

Теперь показывали уже самого Федорса Анпилоговса, который подошел к двери в конце коридора, держа между ног палку-скакалку. Федорс Анпилоговс был человек с мелкими чертами лица, в зеленой шапке-пидорке, очень похожий на обоих мальчиков, но по-разному. Сходство между ними тремя было как между этосом, пафосом и логосом.

– За этой дверью – сказал он. – находится пустыня Невада. Однако перед входом в каждую такую зону всегда стояла цирюльня, в которую ковбой почти всегда заходил. Внимание, вопрос: ПОЧЕМУ?

Камера показала дверь общаги напротив, возле которой висел криво изготовленный трехцветный знак барбершопов во всему миру. Рональд вдруг узнал этот коридор. Такой же точно знак висел напротив двери храма, куда его водил Арт.

Рональд сразу же переключил. По другой программе сказали, что архитектор Ричард Серра получил медаль Гетти за вклад в современную архитектуру, по совокупности заслуг.

Рональд выключил телевизор. Они преследуют его. Он ждал.

И дождался. Дверь раскрылась, и гурьбой ввалились дети.

– Привет. А где мама? – спросил Рональд.

Для начала дети его не узнали. Таня спросила «ты кто?», Тоня стала медленно отступать, а Леша закричал:

– Ааа! Тут какой-то дядя!

– Да какой я тебе дядя, я тебе папа, – с давно забытой злостью сказал Рональд, и от этой злости, видимо, Леша его и вспомнил.

– Девочки! Это папа! – закричал он, и все тоже закричали:

– Ура! Это папа! – и Рональд тоже закричал:

– Ура! Это я! Я папа!

– Мы думали, что ты мертвый, а ты живой! – радостно сказала Таня.

– Как это я мертвый? Кто это сказал, что я мертвый?

– Да мама говорила, – сказал Леша. – Погиб в длительной заграничной командировке.

– Только мы ей не верили, – сказала Тоня.

– Совсем не верили! – сказала Таня.

– Хм. Ну ладно. Так где мама-то?

– Она сказала нам домой идти, сама вечером вернется, а нам пока мультики смотреть.

– Ну ладно, давайте мультики смотреть. А где вы были?

– А мы к дяде Антону ходили!

– Какой такая дядя Антон?

– Ну, дядя Антон. Он нас сюда на машине подвез.

В уличном тумане никакой машины было, конечно, не видно. Ничего не оставалось делать, кроме как ждать Ниде.

– Телефон заряжен? – сказал он Леше. – Дай позвонить.

– Не заряжен...

– Так заряди!

Вечером Ниде не пришла, как не пришла и ночью, и наутро. Девочки проснулись рано, в пять часов.

Похмельный от недосыпа, ранним утром понедельника Рональд вышел с ними гулять. Туман как-то подрассеялся. Было еще пусто, если не считать филера в спортивном костюме. Кто это на окне, сказал Рональд. Никого, сказала Таня и показала на окно. Никого, сказала Тоня и показала на другое окно. Одно окно, другое окно, снова первое окно, никого. Холодно, сказал Рональд, пошли домой. Ты что, папа, сказала Тоня, только вышли, домой рано, давай когда рассветет, скоро уже рассветет. Я по тебе соскучилась, сказала Тоня. Пошли домой, холодно, сказал Рональд. Ну давай еще погулем, заныла Таня. Ну давай еще погуляем, затулила Тоня. Хорошо, но скоро пойдем, полуспросил-полуутвердил Рональд с ударением на «пойдем». Скоро пойдем, да, обрадовались девочки. Рональд сказал:

– Так кто это на окне?

Тоня посмотрела на окно ближайшего дома 1929 года постройки и никого не увидела. Таня тоже посмотрела, и с тем же результатом.

– Где на окне?

– Кто на окне?

– На каком окне?

– Ну кто на окне?

– На каком таком окне! Вот на этом?

– Да.

– А кто там? Человек? Дядя или тетя?

– Дядя, – сказал Рональд.

– Может, там слон?

– Может, там злой кабык?

– Нет, человек.

– А он большой?

– Большой.

– Больше тебя?

– Такой же.

– А больше мамы?

– Такой же.

– А больше меня?

– Меньше.

– А меня?

– Тоже меньше.

– А как он одет? Он в пальто?

– А у него одежда какого цвета?

– Вы разве не видите никого? Он в спортивном костюме.

– Я не вижу!

– И я не вижу!

– Пойдемте-ка домой, девочки, – заторопился Рональд.

– Пойдем домой, папа, – сказала Тоня.

– Пойдем домой, папа, – сказала Таня.

Часы на церкви с двойным шпилем пробили семь часов, и в предзвездных сумерках с покрытой инеем ветки сорвалась ворона и, каркая, полетела восвояси.

Рональд с девочками перешел на бег. Когда они вернулись домой, там как раз проснулся Леша, а Ниде все еще не было.

Рональд взял у Леша телефон и набрал номер.

– Рихард? Я же вам тогда еще сказал, что передумал насчет жены. Нет, вы тогда не говорили, что уже поздно. Нет. Но ведь! Нет. Нет. Нет. Нет, и не надо! Нет. Но может быть, как-нибудь... а? На какую работу? На какую, блядь, работу??? А как же Брюссель, керлинг, Дублин, Барселона?

Повесил трубку и сказал:

– Мама не придет.

Потом стал набирать номер Эйнара.

Ну вот и все, я снова сплю

Ссссссс

Хррр

Хррр

Сыыы, сыыы

Чиф-чиф

Хррр

Хррр

Zzzzzzzz

Хррр

Хррр

Пф-пф-пф

Моя жена спит рядом – пффф буль-буль, пффф буль-буль, но иногда мне кажется, что я не уверен в том, как ее на самом деле зовут. Вокруг сгустился туман и почти никогда не рассеивается. И оттуда все время выскакивают какие-то рожи, так, что приходится постоянно закрывать глаза.

О нескольких способах восприятия текста. О квантовом восприятии музыки. О природе этого текста

С помощью «темной материи» неспящие могут понимать шифры, так что кажутся всеведущими или, по крайней мере, очень сообразительными. Но это не так. Они не могут, например, предсказать будущее. Это следует четко понимать. Например, они могут разгадать карточный фокус или тайное послание, такое как Манускрипт Войнич, но в предсказании результата футбольного матча у них нет никаких преимуществ перед всеми остальными.

У них есть свой язык, но, поскольку все слова этого языка совпадают со словами естественного языка, для непосвященных их разговоры могут значить совсем иное. Слова перетасованы, но значение каждого слова – не просто словарное соответствие со словом или словами обычного языка, а зависят также и от контекста. Это комбинаторная зависимость.

Например, «Анна Каренина» несет им вовсе не ту же самую информацию, что она несет обычным людям. Так в санскрите одна и та же поэма может иметь несколько десятков значений. Существовали даже соревнования между поэтами – кто придумает более многозначную поэму. Или «Девять рассказов» Сэлинджера, о которых говорят, что они соответствуют девяти *раса* индийской поэтики. О неоднозначности интерпретаций существует и множество сказок (например, как один и тот же диалог по-разному воспринимают глупец и мудрец), мудрецы часто проговариваются – некоторые, правда, искренне пытаются пробудить людей – называя это «просветлением» или «эпифанией». Или просто в книгах, например, Юрий Коваль, говоря про «разговор краями», имеет в виду именно разговор тех, кто не спит в

контексте этого трактата². Такое использование естественного языка называется «тайным естественным языком».

При сравнении разных естественных языков ясно, что, поскольку языки неспящих комбинаторны, в разных языках перетасовка слов и комбинаций будет разной. Поэтому прямой перевод текстов с одного тайного естественного языка на другой невозможен. И поэтому перевод тайного значения «Анны Карениной» на английский, конечно, не будет совпадать с литературными переводами, зато может совпадать, например, с «Моллоем» Беккета. Идеальным переводом будет сохранить оба смысла текста, но никому не известно, возможно ли это.

Перевод искажает информацию, разумеется, не только в естественных языках, но и при трансляции сообщения с помощью пиктограмм, карт, обычных рисунков, кино, фото и т.д. Просвещенный человек увидит на фото не то же самое, что профан. Например, глубокий смысл может иметь то обстоятельство, что край окраски деревьев будет составлять одну линию с горизонтальной дорогой или с горизонтом³.

Хорошей иллюстрацией будет квантовое восприятие музыки.

Рассмотрим семь (для простоты) белых нот на фортепиано, а также отсутствие звука, как восемь несвязанных событий с суммой вероятностей, равной единице. Эти восемь событий будут образовывать базис в восьмимерном гильбертовом пространстве, или векторы $|\psi_1\rangle=(1, 0, \dots, 0)$, $|\psi_2\rangle=(0, 1, 0, \dots, 0)$, ... $|\psi_8\rangle=(0, \dots, 0, 1)$. Это обычные звуки, чистые тона.

Квантовыми звуками будет любая суперпозиция чистых тонов, то есть звуки вида

$$|\psi\rangle=\alpha_1|\psi_1\rangle + \dots + \alpha_8|\psi_8\rangle,$$

где сумма квадратов модулей всех альф равна единице.

Далее, если звучит звук $|\psi\rangle$, на микроуровне являющийся суперпозицией чистых тонов, то каждый отдельный слушатель в силу физиологии способен воспринять только один чистый звук с соответствующей вероятностью (квадрат той или иной альфы). То есть для разных слушателей квантовый звук будет слышен по разному. Воспринять же истинный квантовый звук сможет только аудитория *целиком*, причем чем аудитория шире, тем точнее будет воспринят звук $|\psi\rangle$. Восприятие квантового звука одним человеком не будет иметь смысла.

Последовательность таких звуков даст одному человеку одну мелодию, другому другую, третьему третью и так далее.

Можно рассмотреть и модель фермионного поля, в которой каждая нота есть суперпозиция существования и несуществования с коэффициентами, сумма квадратов которых есть единица. Это даст нам звуки, которые одновременно существуют и не существуют для аудитории в целом.

Литературные тексты на тайных естественных языках – это то же самое: идеальный квантовый текст правильно воспринимается только всем человечеством, а каждый отдельный читатель понимает его по-своему. Для обычных людей стохастическая матрица⁴ любого текста настолько близка к единичной, что расхождения между читателями минимальны. Люди, не пользующиеся в своем восприятии текста темной энергией, понимают все тексты более или менее одинаково.

У неспящих стохастическая матрица относительно однородна. Вместо диагональной единичной матрицы неспящие могут бродить по всему двумерному пространству смыслов.

² При этом большая часть неспящих, конечно, хочет использовать свое знание исключительно себе на пользу. Мораль и мудрость неспящих ортогональны, независимы друг от друга.

³ Следует еще раз напомнить, что неспящие – не боги. Например, увидеть смысл в пятнах снега на земле – это другой уровень, им неподвластный, хотя этот смысл, разумеется, существует и даже индивидуально постижим.

⁴ Матрица, в которой в ячейке (i, j) содержится вероятность того, выражение номер i будет понято в соответствии со смыслом номер j .

Поэтому никакой [осмысленный] шифр для них не представляет затруднений.

Упомянувшиеся выше санскритские поэмы со многими смыслами, хотя поверхностно и кажутся примером текстов с неединичной стохастической матрицей вероятностей, при чуть более глубоком анализе оказываются лишь погремушками для профанов. Такие тексты основаны на омонимии слов (типа *mind flies like an arrow, fruit flies like a banana*), а не на суперпозиции смыслов. Чуть ближе подобные тексты на синтетических языках и языках с нефиксированным порядком слов («паровоз везет тепловоз» и – как известный мне рекорд с четырьмя смыслами – «эти типы стали есть на складе») – но и это не то. Забавно, что даже с такими текстами непроснувшееся человечество научилось справляться лишь при помощи квантового самообучения.

Текст, который вы только что прочитали⁵, не опускается до подобных низкопробных фокусов, хотя и обладает огромным количеством смыслов. Например, что касается переводов с одного тайного естественного языка на другой – в настоящем трактате есть перевод отдельного рассказа английского автора Магнуса Миллза на русский язык, практически без стилистических и сюжетных изменений оформленный в качестве одной из глав – но в контексте романа он имеет совершенно другое значение.

⁵ Включая сюда в том числе настоящее послесловие, начинающееся со слов «О нескольких способах восприятия текста», хотя оно и написано нарочито профанским языком.